детектив · фантастика · приключения

ИСКАТЕЛЬ

1/2011

Искатель, 2011 №1

Василий Щепетнев, Юрий Достовалов, Кир Булычев, Владимир Лебедев

Аннотация
ИСКАТЕЛЬ 2011. № 1
Содержание:
ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!
Василий ЩЕПЕТНЕВ. ДЕТИ ЛУНЫ
Действующие лица (в порядке появления)
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
Юрий ДОСТОВАЛОВ. ВОПРЕКИ УЛИКАМ
1

2
3
4
5
6
7
Кир БУЛЫЧЕВ. СМЕРТЬ ГРАФА ЭРРОЛЛА
Владимир ЛЕБЕДЕВ. ПРИКЛЮЧЕНИЯ. ЯНТАРНОГО КАБИНЕТА
INFO

Аннотация

«ИСКАТЕЛЬ» — советский и российский литературный альманах. Издаётся с 1961 года. Публикует фантастические, приключенческие, детективные, военно-патриотические произведения, научно-популярные очерки и статьи. В 1961–1996 годах — литературное приложение к журналу «Вокруг света», с 1996 года — независимое издание.

В 1961–1996 годах выходил шесть раз в год, в 1997–2002 годах — ежемесячно.

ИСКАТЕЛЬ 2011
№ 1

детектив · фантастика · приключения

ИСКАТЕЛЬ

ежемесячный литературный журнал издается с 1961 года

1/2011

(384)

2011

*

© «Книги «Искателя»

Содержание:

Василий ЩЕПЕТНЕВ
ДЕТИ ЛУНЫ
повесть

Юрий ДОСТОВАЛОВ
ВОПРЕКИ УЛИКАМ
повесть

Кир БУЛЫЧЕВ
СМЕРТЬ ГРАФА ЭРРОЛЛА
историческое расследование

Владимир ЛЕБЕДЕВ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЯНТАРНОГО КАБИНЕТА
историческое расследование

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

В следующем номере «Искателя» будет опубликована последняя повесть Станислава Родионова «Когти судьбы». Писатель умер в октябре 2010 года.

Выходит в свет очередной номер журнала «Детективы Искателя» с произведениями Ст. Родионова.

Сегодня мы печатаем материал Кира Булычева «Смерть графа Эрролла». Писатель очень тесно сотрудничал с нашим издательством, публиковался не только в «Искателе», но и выпустил множество книг об Алисе. Недавно, разбирая архив, мы случайно наткнулись рукопись о графе Эрролле. Так что и для вас, и для нас теперь это совершенно новое произведение, несмотря на то что прошло более семи лет со дня смерти замечательного писателя.

Василий ЩЕПЕТНЕВ
ДЕТИ ЛУНЫ

Василий ЩЕПЕТНЕВ

ДЕТИ ЛУНЫ

Действующие лица (в порядке появления)

Маркиза — кошка

Корней Петрович Рополкин — хирург и судмедэксперт

Воркунов Степан Степанович — сержант милиции, водитель

Ракитин Николай Иванович — капитан милиции, опер

Резников Виталий Владимирович — следователь прокуратуры

Сергиенко Борис Федорович — криминалист-эксперт

Баклашова Надежда Ивановна — убитая

Петренко Валентин Иванович — Минфин Волчьей Дубравы

Бахмагузин Сергей — шахматист

Соколов Иван — тож

Морозовский Дмитрий — тож

Алексей Васильевич — главный врач

Иван Харитонович — больничный сторож, основатель движения «Босиком для пользы»

Харитониха, его жена

Вильгельм Соломонович Нафферт — полковник в отставке

Ефим Тимофеев, Фимка — водитель «скорой помощи»

Анна — фельдшер

Баба Настя — санитарка

Федор Федорович Беркутов-Белопольский, «Фе-Фе» — невропатолог

Виктор Петрович Любавин — стоматолог и начмед

Володя — сосед, добрый человек

Вера, его жена

1

Маркиза, как всегда, первой услышала шум мотора. Подняв голову, она запустила коготки в мое бедро.

Я снял ее с колен, поставил на пол и подошел к окну.

Едут, голубчики. Свет фар, пока далекий, обещал бессонную ночь.

Удачно, что не ложился — не нужно вставать и одеваться.

Вторая удача — чайник горячий. Налил стакан кипятку, высыпал две ложки «Чибо» и пять — сахара. Смесь номер один. Сахар — он для головы полезный, для той, что ночью не спит. Смесь номер два — утренняя, в обратной пропорции.

Сейчас и я слышал машину. Половина второго. По московскому времени разгар гулянки, а по сельскому — глубокая ночь. Все кругом спит, лишь мы с Маркизой не спим. Я книгу читаю, занятная попалась, Маркиза мышей дожидается.

Машина подъехала совсем близко. Мотор стих, зато дверь хлопнула, что выстрел, сухо и громко.

Я, прикрутив фитиль лампы, глянул в окно. Луна хоть и на ущербе, но светит честно — когда

тучи позволяют.

Нет, это была не больничная машина. Милицейский «УАЗ» с мигалкой. Мигалку, правда, выключили. Или сама сломалась.

Сержант постучал в дверь совершенно не помилицейски, деликатно, тихонько. Знает, что не сплю — свет-то горит.

Я прошел крохотным коридорчиком.

— Привет, Степаныч! Что там у вас?

— Дела наши, Корней Петрович, известные.

И вопрос свой я задавал не впервые, и ответ слышал многажды. Известные, какие же еще. Будь это машина больничная, тогда возможны варианты: ущемленная грыжа, аппендицит, ножевое ранение, прободная язва, перелом, мало ли что с человеком случается.

Милиция же по ночам зовет меня только на труп.

Я быстро допил кофе. Мертвые хоть и не торопятся, а и мешкать не дают. Затем подхватил чемоданчик судмедэксперта, немецкий, правильный.

— Иду. Ты, Маркиза, дом сторожи.

Кошка хвостом хлестнула себя по бокам. Сердится.

Дождя не было третий день, но грязи оставалось

изрядно, хоть продавай. Хорошо, лето. Осенью грязи больше, да еще стынь. А сейчас тепло. Глядишь, день-другой, все подсохнет, тогда хоть в туфлях ходи, по-городскому.

Я сел рядом со Степаном.

— Куда едем?

— В Волчью Дубраву, Корней Петрович.

— Что ж сразу не сказал? — Волчья Дубрава лежала в тридцати километрах, по нашим дорогам часа полтора. Пропала ночь.

— Говори не говори, ближе не станет.

Мы поехали.

Кругом тьма. Электричество отключили. Лишь несколько раз мелькнули тусклые огонечки — полуночники переводили свечи либо керосин.

— Кто там, на месте?

— Ракитин с группой. Виталик и Сергиенко.

Ага. Могучая кучка в полном составе.

Мы выбрались на шоссе. Десять километров приличной дороги промчались мигом. Потом свернули на Каменку, восемь километров дороги поплоше. И затем — уже на саму Дубраву, двенадцать километров грунтовой безнадеги.

Я оказался прав — приехали в три пятнадцать.

Месяц картинно висел меж звезд. Скоро светать станет. Ночь в июле только шесть часов, пришла

на ум старая песня. На стихи Расула Гамзатова — тоже вспомнилось. В четвертом часу ночи какая дичь не вспомнится!

Фары высветили первые избы. Куда нам?

Мы остановились перед добротным двухэтажным домиком. Видно, крепко живут. Точно — наш! Тускло светились окна, да еще лучи фонариков рыскали внутри. Тоже без электричества. Весь район учат.

— Сюда, Корней Петрович.

— Ты прежде бывал здесь?

— Я везде бывал. Тут — в позапрошлом годе. — Но причину не сказал. Степаныч, в отличие от меня, в четвертом часу человек неразговорчивый.

Во дворе дома стоял другой «уазик» — тот, на котором прибыла могучая кучка.

Мы прошли в дом.

Я долго мыл сапоги в нарочно на то поставленном у крыльца корыте. На диком Западе у входа прежде ставили коновязь, а у нас корыто. Очень уж земля богата плодородным элементом.

Но как ни мыл я сапоги, а снял их на крыльце. С собою культурный человек из штатских непременно туфли носит — таково мое правило. Следов меньше остается.

Милиция же подобных правил не держалась: знаки пребывания виднелись в свете китайского фонарика, которым освещал путь сержант. Я вытащил свой, немецкий, с галогеновой лампочкой и лучшими в мире щелочными батарейками. Сам себе подарил на Новый год, штука в наших палестинах архиполезная.

Дом был велик — по моим понятиям, разумеется. Метров по двести каждый этаж. Квадратных. А вот во дворце Ольденбургских, что поблизости, в каких-нибудь сорока верстах, так и погонных метров поболее будет.

Ночью мне глупые мысли в голову лезут, как комары на человечину.

— Эй, внизу! Сюда ходите, — позвал зычный голос. Очень кстати — уж больно много вокруг дверей, а следы вели в каждую. Пока все обойдешь...

Поднялись по лестнице, теперь уже Степаныч шел за мною.

В комнате было светло — насколько вообще может быть светло от восьмилинейной керосиновой лампы.

— Где работа? — спросил я.

— Там, — показал на дверь Сергиенко.

Я не настоящий судмедэксперт. Полуставоч-

ный. Район наш и в лучшие годы давал двадцать тысяч едоков, а сейчас едва набирал семнадцать, из них десять — собственно районный центр, поселок городского типа Теплое (до революции — сельцо Топлое), а остальные семь приходились на три дюжины сел, деревень, деревенек и вообще черт знает чего. Настоящего судмедэксперта районному управлению внутренних дел держать не по штату. Прежде ездил специалист из Плавска, соседнего городка, но сейчас услуги его вздорожали, да бензин, да время, а насильственная смертность возросла настолько, что не наездишься. Я и подрядился. Три месяца специализации, и не где-нибудь, а в Санкт-Петербурге — и вот он я. Дешево и мило.

Хоть к виду крови я привычен — пять лет хирургической практики в рядах Российской армии приучили, да и за два года работы судмедэкспертом всякого нагляделся, а все равно каждый раз приходится понуждать себя браться за дело. Все разглагольствования мои насчет кофе, дворцов Ольденбургских и прочего не более как попытка отвлечься.

Один есть способ справиться с нервами — прыгнуть в воду, надеясь, что дно глубокое.

Я и прыгнул.

Тело лежало на ковре, обыкновенном, ширпотребовском, никакой экзотики, три на четыре. Головой к окну. Принадлежало оно женщине лет сорока, роста около ста семидесяти сантиметров, худощавого телосложения, одетой в махровый халат и трусики.

Причина смерти сомнений не вызывала: слева от грудины, в промежутке между третьим и четвертым ребром, торчал деревянный колышек.

Я осторожно повернул тело. Так и есть — острие колышка выходило из-под левой лопатки.

Следующий час я делал то, чему меня научили в Санкт-Петербурге — разумеется, применительно к местным условиям. Осматривал тело, отмечал трупные пятна, светил лампой Вуда, пытаясь обнаружить биологические жидкости (прежде всего сперму), заглядывал в естественные отверстия, проверял подногтевые пространства и т. д. и т. п. Правда, приходилось это делать впотьмах, керосиновая лампа и фонарь в двадцать первом веке являлись анахронизмом, при дневном свете все будет несравненно яснее. Но любое промедление пагубно для определения времени смерти — увеличивалась погрешность; от-того-то я и работал, как работалось.

За окном посерело, когда я в первом приближе-

нии записал полученные данные.

Оставалось дожидаться настоящего света.

— Что скажете, доктор? — Капитану не терпелось действовать. То есть — думать.

— У меня сложилось впечатление, конечно сугубо предварительное, что ее убили, — ответил я, приводя в порядок собственные мысли.

— Что бы я без вас делал, доктор!

— Если судить по температурной кривой, к моменту осмотра прошло не менее десяти часов от наступления смерти. Скорее даже двенадцать. Тело остыло практически полностью, двадцать три градуса при температуре воздуха двадцать два. Непохоже, что ее насиловали — нет характерных признаков, нет и спермы. Вскрытие, возможно, кое-что и добавит.

— Значит, убили ее около четырех часов дня?

— Наука говорит — да. Плюс-минус час.

— Тело обнаружили в одиннадцать вечера. Пока сообщили нам, пока мы приехали, пока приехали вы, доктор...

— Как и кто нашел ее? — Я спрашивал не из пустого любопытства. Чем больше судмедэксперту известны обстоятельства, тем точнее его заключение — так меня учили.

— Сосед. Заметил, что открыта дверь. Позвал.

Никто не ответил...

— Зоркий сосед. В одиннадцать темно.

— Деревня ж.

Я зевнул. Зевают от скуки, от волнения, от недосыпа, зевают и ради времяпрепровождения.

Зевота — штука заразительная, могучая тройка минут пять соревновалась в этом древнем искусстве.

— Нас Петренко ждет в конторе, с чаем, — сказал Ракитин.

— Чай — хорошо. А кто такой Петренко?

— Чему вас только в институте учат, доктор. Петренко — вол-чедубравский министр финансов. Председатель в отпуске, с семьей на Кипр уехамши, а его, Петренко, на хозяйство посадил. Мы тут Степаныча оставим на всякий случай, а сами пойдем.

Мы и пошли. Солнце встанет еще когда. То есть скоро встанет, но пока поднимется... А идти всего ничего. Пять минут. Но мы, конечно, не пошли, а поехали. Те же пять минут вышло — пока завелись, пока развернулись, пока подъехали, пока опять развернулись.

Но грязи меньше на ногах.

Контора походила на все колхозные конторы, виденные мной ранее. Даже портрет Ленина

остался с прежних времен — то ли из дерзости, то ли руки не дошли снять.

Петренко оказался толстым лысым колобком неопределенного возраста — ему могло быть и тридцать пять, и пятьдесят лет; последнее, впрочем, вернее.

На столе высилась четверть мутноватого самогона, рядом лежали малосольные огурцы, сало, хлеб и лук.

Мы выпили по стаканчику — граненому, пятидесятиграммовому, их, поди, лет пятнадцать как не штампуют. Но вот сохранились. Оно, конечно, пить в рабочее время нехорошо, но попробуйте сами среди ночи — а хоть и дня — поработать с убитой женщиной, тогда и поймете, что есть пьянство, а что — производственная необходимость.

— Что-нибудь нашли? — спросил Петренко.

Ракитин только крякнул.

— А что мы могли найти? — прожевав бутерброд, вопросом на вопрос ответил Виталик. Формально именно он, а правильнее — Виталий Владимирович Резников, как следователь прокуратуры, был здесь главным. Ракитин — оперативник и формально только выполняет поручения следователя. Но если бы люди работа-

ли формально, любое дело встало бы в одночасье. Он, Виталик, свой выход не пропустит.

— Мало ли...

— А все-таки?

— Что в кино находят — всякие пуговички, стеклышки, гильзочки. — Петренко, видно, любил ласкательные слова, у него и бутерброды были бутербродиками, и огурцы огурчиками, и вообще он пригласил за стол «кушинькать». — Лейтенанта Коломбо смотрите?

— Непременно. Когда в кране электричество есть, — ответил Ракитин. — Общедоступные курсы повышения квалификации. Но мы, как и Коломбо, храним все пуговички до решающего момента.

— Еще? — Петренко взялся за четверть.

— Нет, довольно. — Стаканчики были небольшими, зато самогон крепким, градусов под шестьдесят, и вышло самый раз: голова ясная, а душу чуть отпустило. — Чаю обыкновенного, настоящего, нельзя?

— Как же, как же. — Петренко выкатил из комнаты, чтобы через минуту вернуться с горячим чайником. — С пылу, с жару, с керогазу. — Он разлил воду по кружкам и достал откуда-то пакетики «Пиквика».

Чай получился душистым — смородина с керосином напополам. Или мне показалось?

Пока мы пили чай — мелкими глоточками, чтобы не ожечься, — окончательно рассвело. Время работать.

При свете, настоящем дневном свете, вновь осмотрели труп. Тут же, за столиком, Виталик начал писать протокол осмотра места происшествия.

Мой черед придет позднее: «на месте происшествия мнения и объяснения врача не являются заключением, а носят лишь консультативный характер и даются следователю только устно» — заучил я крепко.

Я осмотрелся повнимательнее. Хорошая комната. Хороший дом. Убитая оказалась сестрой директора хозяйства. Она и сама по себе — главный зоотехник.

Крепко живет главный зоотехник. Вот удивительно — хозяйство при смерти, в долгу по самое темечко, а начальство особняки ставит, на Кипр ездит. Есть, оказывается, скрытый резерв у деревни!

Дополнительно отметил я одно: мало крови. Ковер пропитался чуть, на первый этаж не просочилось. Либо убили ее не здесь, либо...

Лампочка мигнула, потом засветила ровно. Значит, проснулись и в чубайснике. Ночью, перед сном, отключат район, а утром включат: радуйтесь, селяне.

Я спустился, подождал, пока опечатают дом.

Двумя машинами мы вернулись в город — так громко называли Теплое деревенские.

2

Замечательные прозекторские видел я по телевизору. Агент Скалли или иной киногерой со скальпелем в руке диктует то, что видит и чувствует, видео снимает, рядом камеры-ячейки, где трупы могут храниться вечно, кондиционеры, секционные столы из нержавеющей стали с автоматической системой дезинфекции и стерилизации, электрические пилы и прочая техника... Условно сносную прозекторскую видел я в Санкт-Петербурге, на курсах.

А здесь, у нас, в Теплом... Прозекторская настолько же отличается от киношно-американской, насколько дощатая, годами нечищеная уборная (в смысле — сортир) отличается от буржуазного гигиенического заведения. Никаких морозильных установок бюджет не позволяет. А и позволял бы — десятичасовые отключения электроэнергии, особенно летом, сделают свое дело. И какое дело! О чем говорить — не позволяет бюджет, и баста. Он, бюджет, даже лампочку не позволяет сменить, за свои кровные покупаю и меняю, а они, негодные, перегорают из-за скачков напряжения с быстротой необыкновенной.

Но нам повезло: морг, он же кадаверная, в больнице не просто старый, а очень старый. Построен в конце девятнадцатого века, и построен с умом и на совесть.

Вместо современного морозильника внутри ледник, и даже сейчас, в июле, холод держится. Неглубокий, правда, но холод. Все-таки со вскрытием нужно торопиться. В области и специалисты не чета мне, и оборудование какое-никакое, но ведь за все нужно платить. Куда дешевле меня держать. Да и очередь на вскрытие в области большая. Убивают часто, а еще чаще вешаются, травятся, прыгают в окна, попадают под колеса. Уж такие времена.

Вскрывать мертвых — это вам не живых оперировать. Судебно-медицинская экспертиза есть научно-практическое исследование, проводимое врачом по постановлению органов следствия. Как написано в учебнике, «его может проводить только лицо объективное, незаинтересованное лично, имеющее хорошую репутацию и высокие моральные качества».

Научно-практическое исследование! И я его провел. В который раз. А теперь пытался адекватно отобразить результаты на бумаге. Агенту Скалли хорошо — она то диктует, то на компью-

тере колдует. Не понравится слово, предложение, даже абзац, поправит, не намарав.

А у меня всей оргтехники — пишущая машинка «Москва» с западающими литерами «В» и «Щ». Но печатать нужно чисто, без помарок, чеканно и недвусмысленно формулируя выводы и заключения. Что я и старался сделать по мере сил. Но то ли ночь бессонная сказывалась, то ли тяжелый день (пришлось оперировать запущенный флегмонозный аппендикс, три дня мужик терпел, бо хозяйство не на кого оставить), то ли просто случай выходил за пределы моих знаний, только заключение не выпечатывалось. Причина смерти была понятна совершенно: когда сердце пронзают деревянным колом, устоять невозможно. Но вот время смерти... Температурный метод говорит о том, что смерть наступила не позднее шестнадцати часов вчерашнего дня. Свидетели утверждают, что живой гражданку Баклашову Надежду Ивановну, 1962 года рождения, последний раз видели в 13 часов 45 минут — она купила спички, свечи и бутыль керосина. Следовательно, смерть могла наступить только в промежуток в два часа пятнадцать минут. Для деревни, где все на виду, очень короткий промежуток. Наверное, легко вычислить убийцу.

Но помимо температурного метода, остальные суправитальные реакции давали полный разнобой. Если верить им, смерть наступила от четырех часов до четырех недель назад.

Да и сама Баклашова... Дом богатый, а она весит сорок один килограмм при росте метр семьдесят. Мало, даже с учетом обескровливания. Голодала для здоровья? Одно время голодать было модно: Пол Брэгг, Шаталова, Никитины и остальные. Но какое здоровье? Баклашова была больна. И больна тяжело. Только вот чем? В амбулаторной карте, которую я взял в регистратуре поликлиники, имелись лишь любимые уездными докторами диагнозы — холецистит, панкреатит, гастрит и ОРЗ. Последнее обращение датировалось прошлым веком, а именно мартом двухтысячного года. С тех пор она в поликлинику — ни ногой.

Но внутренние органы, безусловно, не в порядке. Некоторые — так почти атрофировались. По правилам патологоанатомического искусства, необходимо гистологическое исследование — анализ под микроскопом после специальной обработки ткани. Но кто их выполняет, правила? В районе грошовые детские пособия платят с перебоями, это при нынешних-то ценах на нефть...

Будь у меня аппаратура получше... Или хоть

какая-нибудь... Что делать, если даже группу крови определить не удалось — ничто не агглютинировало ни с чем. Четвертая группа, в конце концов решил я. И записал для памяти — заказать свежие реактивы.

На всякий случай — мало ли что, — я отобрал образцы и залил формалином. Вдруг удастся уговорить область провести исследование даром.

А вот зубки — зубки у покойной отменные. Все тридцать два, все свои, и все здоровые. Просто уникум для нашего района.

Ладно. И болезни, и зубы, и гистология — все это имеет интерес чисто академический. Главная же и единственная причина смерти ясна. Кол, вернее, колышек, шестьдесят сантиметров в длину и два сантиметра в диаметре, заостренный с одного конца. Осиновый он или еще какой — меня не касается. Я эксперт медицинский, а не плотницкий. Вместе с санитаром мы спустили тело на ледник (лифт на ручной тяге), присыпали сосновыми опилками, и санитар, выпив стопочку, побрел домой. У него рабочий день закончился.

А я остался писать бумаги.

Когда я наконец поставил последнюю точку, наступил вечер. Девятнадцать десять. Устал я, как ездовая собака (прочим собакам, дворо-

вым и диванно-сторожевым уставать не с чего). От усталости даже отказался от законных ста граммов. Спирт отпускают для дезинфекции и прочих надобностей на каждое вскрытие. Но для дезинфекции есть у меня хлорамин, еще лучше выходит — дух маскирует, запах. А спирт я разбавляю дистиллированной водой в классической пропорции Менделеева и пью. Пьющий я. В дни вскрытий особенно, чтобы спать без сновидений. Не такое это простое дело — извлекать внутренности по методике Абрикосова. Но сегодня я решил, что усну и без допинга, потому слил спирт в заветную баклажку и спрятал там же, на леднике. Чтобы не прокис. Уже около литра скопилось. Вдруг наступит в трупах перебой, а выпить захочется...

Позвонил Виталик. Следователь. Я пообещал прислать заключение завтра, а пока прочитал его по телефону.

— Так она ничего не ела?

— По меньшей мере, сутки. Желудочно-кишечный тракт без малейших следов пищи или ее остатков.

Виталик заверил, что данные, полученные от меня, как всегда, бесценны, и дал отбой.

Что ж, будем считать, что день окончательно

кончился.

Хорош оборотец — «окончательно кончился», хоть по телевизору на всю страну сказать.

Я пошел домой. Пока набиралась ванна, съел фирменный теплинский бутерброд — сало с лимоном. Очень способствует восстановлению сил. Варить суп, даже из пакетика, не хотелось — не успели они восстановиться, силы.

Маркиза с моего стола не живет, иначе давно бы лапы протянула. Она к сухим кормам привычна. Ваша киска пила бы виски, да кто ж ей нальет? Вот и хрустит сушняком. После него Маркиза особенно яростно охотится за мышами.

Отчего бы и для человека не придумать сухой корм вроде кошачьего? «Здоровый Кощей без каши и щей!»

Я принял ванну — душистую, пенную. Вылез, огляделся. Не Кощей, отнюдь. Живу просто, порой сурово, сухомятка через день, а свинья свиньей: толстый, розовый. И брюхо растет. Гимнастику, что ли, делать? Трусцой бегать? Сало перестать жрать? Хотя бы перед сном?

И я решил не спать. Рано. Лучше займусь общественной жизнью. Человек, он принадлежит обществу! Вот и пойду принадлежать.

3

Из всех искусств главнейшим в наше время является искусство выпить. Применительно к Теплому — пойти в одну из трех пивных, работающих в вечернее время, и культурно принять литр-другой продукта местной пивоварни. Дом культуры черным квадратом виднелся на фоне угасающего неба. Кино осталось только в телевизоре, платить же по пятьдесят рублей за новый фильм, и даже по двадцать пять за старый теплинцы не хотели, а большей частью даже не могли. Самодеятельность, художественная и не очень, оживет ближе к зиме, после уборки.

Но в пивную, согласно неписаным законам, сельский хирург ходить не должен.

И я пошел в спорткомитет, где любители со всего Теплого играли в шахматы. Клуб четырех коней, каждый из которых по-своему хромой. Сам я по приезде в Теплое усердно старался стать первым шахматистом района, но сейчас амбиций поубавилось, и я довольствовался номером два. Нас было человек пять, вторых номеров. Первым же оставался Саблин, местный почтмейстер. Игрок силы страшной, живи он в Москве

какой-нибудь, или даже в Черноземске, быть ему гроссмейстером, но здесь... К тому же год назад Саблин по случаю выпил дурного коньяка и тяжело отравился. Выжить — выжил, но с тех пор на себя не похож. Мы, местные шахматные корифеи, единогласно присудили Саблину звание чемпиона Теплого и окрестностей навсегда.

Долгое время шахматная жизнь едва теплилась, но постоянное отключение электричества неожиданно разбудило творческие силы. Когда молчит телевизор, столько вдруг времени высвобождается! Особенно у сельской интеллигенции из белоручек, что ни огородов не заводит, ни скотины, ни даже кур. Вроде меня.

Спорткомитет ютился в плохоньком домишке, постепенно уходящем в землю. Не калмыки мы. Черноземцы. У нас не степи знамениты, а пашни. Чернозема на аршин. Воткни палку — растет!

Вот одни палки и растут... Нет, хлебушек тоже родится, и родится неплохо, но сколь его с земли ни возьми, все убыток. Долги только в гору идут — за горючку, за запчасти, за кредиты, за красивые глаза. Не дается богачество в руки народу, плачь не плачь. Но по отдельности есть и у нас богатенькие, немного, но есть.

По пути купил баллон пива. Большой, двух-

литровый. Покупать пиво хирургу теплинское общественное мнение дозволяет. Шахматисты пиво любят. У нас хоть и не «Режанс», но кружки большие, старинные, еще с советских времен: граненые, на пол-литра.

Я угадал: в спорткомитете шахматистов было трое. Я — сам-четвертый. Как раз по кружке на брата.

Бахмагузин и Соколов играли, а Морозовский томился без соперника. Мы, вторые номера местной шахматной иерархии, время от времени играли с соседями из Веневского, Рамонского и Поворинского районов, а раз в году дружно ездили в Черноземск защищать честь района. Защитнички не хуже других...

Я поставил баллон на свободный столик.

— Пиво без водки — деньги на ветер, — заметил Бахмагузин. Мысль эту он привез из потерянной страны Чехословакии, в которой побывал еще в темном социалистическом прошлом, будучи молодым хлеборобом-ударником. Там, на вечерах чехословацко-советской дружбы, они вместе с чешским пивом пили московскую водку, и получалось полное взаимопонимание.

— На ветер так на ветер. — Я расставил фигурки.

— У нас самогоночка, марганцовкой правленная, противогазом чищенная, медком сдобренная, смородинкой облагороженная, — соблазнял Бахмагузин.

— Нет, я свою норму выбрал. Еще с утра, уж пришлось.

— Говорят, в Волчьей Дубраве того... пошалили... Насмерть.

— Было дело. — Я не люблю распространяться ни о живых пациентах, ни о мертвых. В первом случае врачебная тайна. Во втором — тайна следствия. И вообще я отдохнуть хочу. Отвлечься.

— В магазине слышал, колом проткнули сердце, — продолжил Бахмагузин. Судя по всему, позиция его безнадежна.

— А что ты в магазине делал-то?

— Так... Зашел...

— Должно быть, разбогател?

Поняв, что подробностей от меня не дождаться, он вернулся к позиции на доске.

Я сделал с Морозовским три быстрые ничьи, а Бахмагузин с Соколовым мучили ладейный эндшпиль.

Свет мигнул — и погас. Добрый вечер, район!

— Стоит игра свеч? — спросил Бахмагузин. — Или будем считать — ничья?

— Какая ничья? — возразил Соколов. — Хочешь слить, говори прямо.

Затеплился, замерцал огонек.

— Этот огрызок последний, — предупредил Морозовский. — Давайте на лампу скидываться.

— Скинемся, но сначала отложим, — предложил Бахмагузин. — До лучших времен.

Соколов пожал плечами.

— Отложим так отложим.

К счастью, партия не моя. У меня и без того список отложенных дел длинный: поставить на зуб коронку, поменять водопроводный кран, купить коричневой ваксы для обуви, починить табурет и дочитать наконец взятый месяц назад в библиотеке американский детектив.

— Который час? — Бахмагузин был в печали. Часов не наблюдают лишь счастливые, а несчастным следить за временем просто вменено в обязанность.

— Сейчас, двадцать два на сорок восемь разделю, — бородатой шуткой ответил я.

Мы вышли на крыльцо. Редкие огоньки свечей да керосиновых ламп напоминали, что мы живем в райцентре, а не в диких местах. Действительно, нужно скинуться. Лампа куда удобнее свечи. И ярче, и экономнее. Да чего скидываться, тоже мне,

проблема. Завезут в магазин, возьму да и куплю.

— По капельке?

— Какой такой капельке?

— Да вот, — Бахмагузин вытащил из ниоткуда четвертинку. В лунном свете она казалась волшебным сосудом, заключившем в себя духа могущественного и знатнейшего. Например, джинна Гассана Абдурахмана ибн Хоттаба. Прячется, лицо арабской национальности! Милиции боится!

— Водка? — не поверил Морозовский.

— Натуральнейшая!

— Можно погладить?

— Пожалуйста!

Соколов вернулся в комнату, где после поиска, стоившего полкоробка спичек, нашел стаканчики. В пивные кружки четвертинку разливать как-то несолидно. Если б четверть!

— А с чего — водка-то? — спросил Морозовский. — Чай, не графья!

Действительно, водку у нас пьют редко. При нынешнем уровне самогоноварения оно как-то даже стыдно.

— Ну, у меня ведь теща гостила, знаете?

— Знаем!

— Вот. А сегодня уехала!

Повод не хуже других.

Бисмарк говорил, что человек не имеет права умереть, не выпив пяти тысяч бутылок шампанского. Мы люди не прусские, а русские, жизнь измеряем водкой.

Четвертинка на четверых — просто смазка, шагать веселее.

Мы весело и зашагали: Соколов на север, Морозовский на восток, а мы с Бахмагузиным на юг. Попутчики. На километр. Затем я пойду домой, а Бахмагузину еще километра четыре. Он иногородний, из соседнего хозяйства «Плодовод». Велика страсть к шахматам...

Летний вечер. Собственно, уже и ночь, Теплое засыпает. Где-то орал пьяный, не разберешь, поет или власть обличает. Мы шли по дороге, сторонясь проезжающих машин. Дорога просохла, грязи нет, но ведь и водители люди. Любят принять для смазки...

С Бахмагузиным мы распрощались на перекрестке. Я по-трюхал к себе, размышляя, куда уходит жизнь. Большая деревенская философия. Сократ глубинки.

Дом, двухэтажная панелька, младший брат городских хрущоб, темнел впереди.

Тускло светились два окошка.

Вдруг я услышал за спиною шаги. Бахмагузин? С него станет. Захотел еще в шахматы поиграть или надеется, что у меня есть чего выпить. Вообще-то и я бы не прочь и того, и другого, но именно сегодня мне нужно передохнуть.

Я остановился. Подожду и попытаюсь убедить его пойти восвояси. Из дома-то гнать неловко.

Луна, как нарочно, ушла в тучу, ничего не видно. Помстилось, верно. Глюки. От переработки и нездорового образа жизни.

Я плюнул и поплелся дальше. У нас тут не город, бояться нечего. Преступность ничуть не меньше, чем в городах, давешний случай тому доказательство. Разного я нагляделся, и того, кто толкует о высокой духовности деревни, я бы взял себе в помощники на пару месяцев, пусть повскрывает трупы со мной. Но в девяти случаях из десяти деревенские убийства — «на бытовой почве». Выпили, вспомнили старые обиды или придумали новые, и пошло-поехало. Пьют много. Не пьют — пьем. Нужно завязывать. Потихонечку. Сначала рюмочку сбавить, через неделю — две, потом три и так до полной трезвости.

Сколько я выпиваю в среднем, в пересчете на водку? Какими рюмками мерить...

Вдруг — о чудо! — вспыхнул уличный фонарь!

И в окнах домов засветилось! Ура! Пустили-таки Днепрогэс!

Я обернулся. Ну, где мой попятошник? Никого. Горел-то один фонарь, рядом со мною, остальные — который разбит, который просто перегорел....

Ладно, никого — и не нужно.

Пока не погасло, хорошо б дойти до дома.

Через пятьдесят шагов я, неожиданно для себя, резко оглянулся.

Опять никого.

А через сто шагов я уже был за дверью своей квартиры.

Что напуган, я осознал, когда запер дверь. На два оборота, еще и цепочку навесил. И чего испугался, а? Расшалились нервы, плюс зреющий алкоголизм. Сколько таких, как я, спиваются с круга?

Проявлю волю и брошу. Прямо сейчас. Сию же минуту. Не выпью ночную рюмку, вот. Не очень-то и хочется.

Действительно, не хотелось.

Я лег в постель. Завтра на работу выйду попозже. Отосплюсь.

Но сон не шел. Обиделся, что трезвый?

Я пялился в потолок, причем пялился совершенно напрасно, ведь темно.

Маркиза завыла — долго, протяжно. И сон, было подступивший, сразу исчез.

Я сел, начал искать фонарик — он у меня обычно под рукой лежит. А сейчас запропастился.

Дошло, что можно просто лампу включить.

Включил.

Кошка стояла у двери, выгнув спину, скалясь и выпустив когти.

Незваные гости?

Я, шатаясь от усталости, прошел в коридорчик.

С той стороны двери ничего не слышно. Дверь у меня тоненькая, почти фанерная. Железную заводить или дубовую все как-то не собрался. К дубовой двери квартира моя никак не подходит.

Кошка зашипела теперь уже на меня. Не пускает.

Дурное самолюбие заставляет открыть дверь, посмотреть, нет ли кого. Или я не мужчина? Страшно показаться трусом. Но страх я пересилил и дверь не открыл.

Пережду.

Никто не стучал, не сопел и не кашлял, не ломился, в замке не ковырял. Где-то гудел водопровод, только и звуков.

Я послушал-послушал да и успокоился. Но не раньше, чем Маркиза отошла от двери. Она легла

в кресло, но продолжала посматривать в коридорчик.

Второй час ночи.

Я вернулся в постель и лег, тоже лицом к коридорчику.

Лег — и уснул.

4

Спать я надеялся часов до девяти, лучше — до десяти. Но в половину девятого меня разбудил стук, торопливый, раздраженный.

За дверью стояла санитарка.

— Срочно до главврача требуют!

— Случилось что?

— Кадаверную обокрали! — Она произносила «котаверную». Коты ей были понятнее кадавров.

— Иду, — отпустил я ее.

Телефон у меня есть, хирургу просто положено иметь дома телефон, но неделю назад рыли канаву и порвали кабель, и потому связь моя с больницей беспроводная. Курьеров посылают.

Особенно торопиться я не стал: когда срочно, курьер приезжает на «скорой помощи», а если ногами, то аллюр один крест.

Приготовил яичницу с салом (три яйца — двести калорий, сто граммов сала — еще девятьсот, поел. Выпил крепкий кофе без сахара. Умылся, побрился, посмотрел в окно на лужу у дороги. Края ее подсохли, солнце палит, небо без туч, следовательно, можно идти в туфлях.

Яичница, кофе и яркое солнце наполнило меня

бодростью, оптимизмом. Ночные страхи улетучились вместе с тьмой, жизнь стала красивой и удивительной. Вот только кража в кадаверной... Зря я вчера спирт оставил.

Но пошел я не в кадаверную, а в кабинет главного врача. Вовремя попасть начальству на глаза — главное в сельской жизни. Отличие села от города не в грязи, не в воздухе, а в особенностях найма. Нанялся — что продался. В городе поругался с начальником, директором, главврачом — и пошел в другую фирму, в другую поликлинику. Нет, и в городе, конечно, сложности, но есть возможность, хотя бы теоретическая, уйти. На селе же идти остается только в петлю. Или в бутылку. Сначала второе, потом первое.

— Утро доброе, — поздоровался я и почтительно, и приветливо, и слегка независимо.

— Доброе вчера было, — ответил главврач.

— Кому как, Алексей Васильевич, кому как, — подбавил независимости я.

В кабинете, помимо главврача, сидели на старых расшатанных стульях Ракитин и Виталий.

— Повысили? — спросил я Ракитина. — На кражи посылают?

— Оно какая кража, — протянул Ракитин, пожимая руку обыкновенным, не фирменным

пожатием. Значит, очень устал.

— Вы, Корней Петрович, вчера кадаверную хорошо закрыли? — задал свой вопрос главврач.

— Как обычно. И кран закрутил, и форточку прикрыл.

Алексей Васильевич подумал, что бы еще спросить, и решил — хватит.

— Тогда пошли смотреть, что же еще пропало. — Ракитину в чужих кабинетах не сиделось.

— Еще?

— Именно. Прежде всего, пропал сторож, Иван Харитонович. Не явился на утреннюю пятиминутку, верно?

— Верно, — подтвердил главврач слова Ракитина.

— Начали его искать и обнаружили, что дверь прозекторской взломана. Тогда послали за вами.

— Ага, — я постарался вложить в коротенькое слово побольше раскаяния, что заставил ждать.

И мы вчетвером — главврач, Ракитин, Виталий и я — пошли к моргу.

Идти недалече. Миновать инфекционный барак, гараж, и вот он, морг и прозекторская под одной крышей. Кадаверная. Трупарня. Как вам больше нравится.

Дверь, поставленная после ремонта году, ка-

жется, в две тысячи втором, не соответствовала стилю здания. Хлипкая, несолидная. Замок не подвел, устоял. Петли не выдержали, дверные петли — они были вырваны с мясом.

— Грубая сила, — констатировал Ракитин.

Мы прошли внутрь.

Окна зарешечены с царских времен, а вот стекло разбили недавно.

— Осколки-то... изнутри били! — определил капитан.

В кадаверной был разгром, но разгром странный: на кафельном полу (плитка дореволюционная) лежали осколки банок, в которые я давеча укладывал образцы для гистологического исследования. Хорошие были банки. С притертыми крышками. Формалин испарялся из лужиц на полу, но самих образцов я что-то не видел. Даже под стол заглянул — нет. Еще опрокинут стул, стакан с карандашами, вот и все. Пишущая машинка, шкаф с инструментами, веник, ведро и прочие ценности уцелели.

Я спустился по лестнице, как там на леднике дела.

При свете «дневной» лампы (чтобы воздух меньше грелся) я увидел совсем уже странное.

Вернее — не увидел.

Я не увидел трупа.

— Бред, просто бред, — сказал я негромко, но Ракитин услышал.

— Что случилось? — спросил он, спускаясь.

— Труп исчез.

— Куда именно уложили тело?

Я показал.

Ракитин обошел меня, наклонился, потом и вовсе встал на четвереньки, не жалея штанов. Ищет следы.

Я бочком-бочком подошел к другому углу ледника и достал заветную баклажку. С умом достал — надев резиновые перчатки. Вдруг там отпечатки пальцев посторонние?

— Что это? — спросил капитан.

— Спирт. Видишь, не тронули. Необычно это.

— А что трогать, на ней ведь написано — «Сулема! Яд!»

Я перевел взгляд на баклажку. Да, действительно... Сам же эту этикетку и прилепил. На всякий непредвиденный случай. До чего глаз замылился...

Ракитин вернулся к леднику, а я, пристыженный, встал в уголок, пытаясь более Шерлока Холмса из себя не строить.

Хотя... Народ умен и проницателен, никаким

страшным надписям не верит. Иногда и напрасно. За год трех искателей алюминиевых проводов, пренебрегших табличкой «Не влезай — убьет», поразило насмерть. По одному, в апреле, мае и ноябре. Вор непременно бы раскупорил баклажку и понюхал, чем пахнет. Обычный вор.

Но когда воруют трупы...

Я потихонечку поднялся наверх. Почти сразу за мною последовал и Ракитин.

— Дела совсем невеселые, — заявил он.

— Похищение трупа — такого в истории нашего района еще не было, — сказал Алексей Васильевич.

Вниз полез Виталик, а затем, помедлив минуту, и главный врач. Да уж, происшествие. Жена не простит, если он своими глазами не увидит пропажу покойника.

— А вот в соседнем районе, — начал было я, желая блеснуть цитатой про члена партии, но неуместность дурацких шуточек заставила оборвать фразу на полуслове.

— Что — в соседнем? — насторожился Ракитин. — Ты уже слышал?

— Да так... Нет, не слышал, предположил только. — Слишком серьезный был капитан, и разговора требовал серьезного. — А что, где-то...

случилось?

— Да. Но — настоятельная просьба помалкивать. Дело на контроле, — он указал сигаретой на потолок, потом предложил: — Закуривай.

— Когда это я курил, — покачал я головой и протянул баклажку. — Пей!

— Когда это я отказывался, — ответил Ракитин.

Пришлось наливать, благо рюмка, что хранилась в столе, пережила разгром.

Ракитин выпил, поблагодарил кивком.

— Закуски не держу, — извинился я.

— И не держи. — Капитан достал из кармана конфетку. Ею и закусил. Потом вышел на порог и склонился над дверью. — Видишь, изнутри выбивали?

— Как — изнутри?

— Просто. Дерево-то сгнило, трухлявое, шурупы выскочили. — Он опять встал на колени, приглядываясь к царапинам на двери, чуть даже не обнюхивая ее.

Ракитин, я знаю, о собаке мечтает, ищейке. Но все упирается в финансирование. Милиционера или медицинского эксперта мама-папа родят, выкормят, вырастят, выучат, а потом он уже и сам кормится, как может. Служебную собаку кормить нужно от рождения и до смерти. Опять

же проводнику жалование... Потому капитан от нужды развил в себе наблюдательность, остроту взгляда, а иногда кажется, и чутье тоже.

Ушел он, впрочем, недалеко, и тут же вернулся.

— Слишком уж неожиданно. Всяко бывает, но чтобы украли труп, только труп, и ничего, кроме трупа... Заключение твое на месте?

Я вздрогнул. Если еще и это...

Но оно лежало в ящике стола — так, как я его вчера положил.

— И на том спасибо. — Заключение он полистал, потом отдал поднявшемуся из подвала Виталию. Тот с холода тоже покусился на баклажку, а за ним хлебнул и главврач.

День начался дружно.

Фантазия моя разыгралась. Деревенский Франкенштейн, секта некрофилов, что еще?

Между прочим, не так это и невероятно — некрофилы. Но ведь не моя забота. Или моя? Мы в ответе за тех, кого вскрыли?

Странно, но отчасти я чувствовал себя именно в ответе. Если мы отвечаем за больных, отчего ж не побеспокоиться и о мертвых?

Не нравится мне это дело.

Совсем не нравится.

Еще и Маркиза ночью выла... Не одной ли цепи звенья? Вспоминая поговорку про конюшню, я притворил дверь в кадаверную и пошел работать.

В больнице на меня поглядывали с любопытством, но с расспросами не лезли. Даже представлять не хочется, какие слухи сейчас плодит коллективное бессознательное. Например, что доктор продал тело секте сатанистов, а взлом имитировал сам, для отвода глаз. Но по глупости — доктор-то наш не шибко умен, иначе сюда бы не приехал — взломал дверь изнутри. На чем и попался.

Версия не хуже других, верно? Отлично объясняет взлом, вернее, вылом двери и разбитое окно.

Возвращаясь вечером домой, я заметил: в почтовом ящике что-то белеет. Счет? Рановато.

Конверт! Настоящий почтовый конверт! Я прошел в квартиру, вымыл руки. Уселся в кресло, постарался успокоиться и только потом распечатал конверт.

На двойном листке ученической тетрадки была написана одна строчка:

«Доктор! Женщина из Волчьей Дубравы — упырь!»

5

Я ждал другого письма. Года три, как ждал. Видно, не срок. Подожду еще.

А с этой бумажкой что делать? Отдать Сергиенко на предмет отпечатков пальцев. И вообще, пусть приобщат к делу.

Я посмотрел внимательнее. Не будучи графологом, все-таки рискнул предположить, что писал мне человек средней образованности, среднего возраста, среднего роста и среднего, по меркам Теплого, достатка.

Шутки шутить многие любят, так ведь конверт купить с маркою пришлось, убыток!

Положим, марка литерная, «А», без цены, следовательно, конверт мог быть куплен и раньше, хоть год назад, но расстаться с ним способен лишь человек не без достатка.

Слово «упырь» тоже не всяк знает, значит, Пушкина читал, либо Толстого Алексея Константиновича. Опять же восклицательный знак после обращения и тире перед словом «упырь» — минимум, восьмилетка.

Упырь, да? В тридцатитомной медицинской энциклопедии такого термина наверняка нет.

Я полез за «Мифологическим словарем». Хороший словарь, издательства «Советская Энциклопедия», 1991 год. Последнее «прощай» империи. Начал листать — и нашел!

«Упырь — в славянской мифологии мертвец, нападающий на людей и животных; образ упыря заимствован народами Западной Европы у славян (см. Вампир). Согласно древнерусским поучениям против язычников, те клали требу (приношения) упырям и берегиням до того, как стали поклоняться Перуну. По позднейшим поверьям, упырем становится после смерти человек, рожденный от нечистой силы или испорченный ею (ребенка-упыря можно узнать по двойным рядам зубов), умерший, через гроб которого перескочила черная кошка (черт), чаще — нечистый («заложный») покойник, самоубийца, умерший неестественной смертью, особенно колдун. По ночам упырь встает из могилы и в облике налитого кровью мертвеца или зооморфного существа убивает людей и животных, реже высасывает кровь, после чего жертва погибает и сама может стать упырем. Известны поверья о целых селениях упырей. В литературе, начиная с Пушкина, упыря неточно отождествляли с вурдалаком, волком-оборотнем».

Маловато... Мне бы монографию, толстую, страниц на пятьсот, с иллюстрациями. Внешний вид, внутренние органы, гистология, биохимия...

Однако живы еще предрассудки, живехоньки. И это почти на сотом году советской власти! Ну, не на сотом, это я лишку хватил, да и власть давно не советская, но все же, все же...

Я поставил словарь в шкаф, повернулся к телевизору. Пыль на экране — в палец. Черно-белая пыль.

Достал пылесос и развлекся уборкой. Смена деятельности — лучший отдых. Когда тупо орудуешь щеткой, в мозгах невольно образуются новые ассоциативные связи. Интуиция, озарение, догадка порождаются именно сменой умственного труда на физический. Не очень тяжелый и, главное, необязательный. Лев Толстой пахал, Чехов собирал крыжовник, Эйнштейн играл на скрипке — в его случае это был именно физический труд.

Чтобы поумнеть, и мне нужно чем-нибудь заняться.

После пыли я и полы помыл, и окна со специальным порошком, гарантирующим отсутствие неприятных запахов и разводов. Применяй я его прежде, глядишь, до развода бы и не дошло...

Жить стало чище, жить стало светлее — сквозь

протертое окно солнце оказалось куда ярче.

И в его свете стало ясно: вполне возможно, что автор подметного письма убийца и есть! Несчастная женщина была проткнута деревянным колом. Так протыкают неугомонных мертвецов в кино. И в письме меня убеждают, что женщина — упырь. Вероятно, среди нас появился упыреборец. И тогда... Тогда нас могут ожидать новые убийства!

Как, однако, расходилась фантазия!

Но я всё-таки решил поделиться догадкой с Ракитиным. Заодно и вечерний моцион осуществлю.

Я взял письмо, оделся поприличнее, даже галстук нацепил, все-таки сельская интеллигенция, и пошел в правоохранительные органы.

Идти пришлось километра полтора. Дошел к шести часам, прошел внутрь, дав на ходу консультацию дежурному по поводу фурункула его жены, и поднялся на второй этаж.

Ракитин оказался у себя. И не один, а с Виталием. Верно, думу думают.

Я положил папочку на стол.

— Почта доставила.

Ракитин взял ее, повертел, прочитал написанное, потом передал Виталию.

Тот столь же внимательно изучил послание.

Потом оба, не сговариваясь, посмотрели на меня.

— Ты принес, тебе и говорить.

Я спокойно и с достоинством изложил свою теорию об упыреборце, особо упирая на использование самого слова «упырь» вместо навязываемого Голливудом «вампира».

— Все? — спросили они хором.

— Все. Если не считать, что прошлой ночью Маркиза злобно выла на дверь и не позволила мне открыть ее, — несколько приукрасил происшедшее я. Маркиза, мол, не дала, а сам я рвался, так рвался...

Они переглянулись.

— Значит, у Маркизы хватило ума не открывать дверь кому попало, — констатировал Виталий.

— Ну кому я нужен...

— В городах — в крупных городах — адреса работников МВД, прокуратуры и прочих ответственных лиц не выдаются по справке. Их телефоны отсутствуют в телефонных книжках. Как думаешь, почему?

— Ради безопасности, — ответил я.

— Правильно. Здесь, в районе, каждая собака знает, где живет прокурор, где судья и где капи-

тан Ракитин.

— Ну, я-то не прокурор...

— Не прокурор, — согласился Ракитин. — И все-таки кто-то может на тебя сильно обидеться. Или уже обиделся. Ты ночью того... гуляешь? В смысле — выходишь из дому?

— Бывает. Больного привезут по «скорой помощи». Или просто бессонница.

— Тогда будь осторожен.

— Что значит — будь осторожен? Головою вертеть во все стороны? При виде незнакомца начинать молиться? И знакомца — тоже?

— Примерно так. Если вызов в больницу — то пусть «скорая» везет тебя туда и обратно от порога до порога. Если бессонница — считай овечек, а из дому — ни-ни. А приспичит — бери с собой оружие.

— Ага. «Шмайсер» и пару гранат.

— У тебя есть «шмайсер»? — без удивления спросил Виталий.

— И гранаты, Ф-1. Нет, конечно, откуда?

— В районе много железа в земле лежит, еще с войны.

— И с до-войны, — добавил Ракитин.

— Я в лес по грибы хожу, а не по гранаты.

— Правильно. Ржавь, оно само в руках взры-

вается. Но, знаешь, ты в лес пока тоже... не ходи. Один, во всяком случае.

— Да и вдвоем, — Виталий, похоже, говорил совершенно серьезно. Как и Ракитин.

Капитан открыл сейф — большой, на вид неподъемный. Из тех же времен, что и мой книжный шкаф.

— Держи! — Ракитин достал сверток. — Не Новый год, но Дед Мороз и летом делает подарки. Полезные и практичные.

— Что это?

— А ты посмотри.

Я разрезал на свертке шпагат, развернул плотную коричневую бумагу. Кобура. Пистолет. И коробка с патронами.

— И все равно — что это?

— Пистолет Макарова. Газовый, не бойся, газовый. Ты стрелять-то умеешь?

— Из обыкновенного, негазового стрелял. Табельное оружие.

— Ну конечно. Патроны — не халтурка, что в магазинах продают, не перец...

— «Черемуха»? — перебил я Ракитина.

— Нет. Посильнее. Вырубает минут на пятнадцать-двадцать. Сердце бьется, дышать может — чуть-чуть, а более — ничего. Полежит так с

четверть часика, потом встанет, отряхнется и дальше пойдет. Но ты не жди, пока очнется.

— Это понятно, — согласился я, с сомнением поглядывая на пистолет.

Но подарок взял. С бумажкой, которая была разрешением на газовое оружие. С моей фотографией. И где они ее только взяли.

— Ночью без пистолета не выходи, — посоветовал Ракитин.

Ах, если только ночью... Другое дело. Ночью, пожалуй, он и пригодится. Мало ли...

6

Огородом я не обременен. Не может хирург конкурировать с потомственным крестьянином в выращивании картошки, огурцов и прочего. Не может и не должен. Хирургу положено жизнь прожить, не касаясь земли. Не из-за спеси, а просто правила асептики.

Да и зачем? Ведро картошки или сумку огурцов купить по карману, но обыкновенно больные или их родственники избавляют меня от трат. Благодарность за лечение? Да, возможно. Но порой мне кажется, что это жертва идолу. На всякий случай, умилостивить темные силы. И выходит — я служитель этих самых темных сил. Сегодня бутылкой «Гжелки» одарили...

Но другие заводят и огород, и кабанчиков, а уж кур, уток, гусей — без счета.

Заведу, положим, и я. Не одного кабанчика, а сразу трех. С утра до ночи жить в хлопотах: накормить, убрать навоз, рассказать сказку на ночь. Три поросенка и я — образцовая семья. Устроим соцсоревнование: кто быстрее наберет центнер. Потом — полтора. А еще потом? Их, поросят, ведь придется того... штыком под лопатку...

Я уж лучше в праздности. Философствовать буду. Поводов предостаточно. Стоит только оглянуться. Зачем я здесь? Для чего? Оперировать ущемленные грыжи, зашивать раны и вскрывать абсцессы?

Об этом ли я мечтал, поступая в Черноземский медицинский институт, заканчивая его с красным дипломом и стажируясь в лучшей московской клинике? Нет, не об этом. Но человек мечтает, а судьба мешает. Раз — и я в моздокском госпитале, врач-хирург. Два — и я в черноземском госпитале — пациент. Три — и я комиссован, возвращен в первобытногражданское состояние, опять хирург, но уже без куража. Сдулся. Сам себе назначил бессрочную ссылку.

Оглянешься этак, устрашишься — и за стакан.

Но ведь я новую жизнь начал, трезвую. И поэтому пусть бутылка «Гжелки» поскучает. Я запросто обойдусь без нее. Вот уже почти сутки алкоголь не поступает в организм — и ничего, живой. Мыслю — если это мысли. Существую — если это существование.

Конечно, существование, что же еще? Пульс, давление в пределах нормы, самочувствие — отличное, полет продолжается нормально.

Куда лететь?

Лететь-то куда?

Я представил себя со стороны. Классический сельский интеллигент в светлом костюме таинственного производства: на ярлычке пропечатано «Парриские моды Версачеза», но где находится этот «Паррис» с двумя «р», и кто таков Версачез — неведомо. Совсем неплохой костюм, между прочим, целых тридцать пять процентов хлопка, не мнется, да и сидит прилично.

В таком виде не стыдно сходить в гости. Кого осчастливить?

Я долго не раздумывал. Вечер рабочего дня, светлый костюм, Сатурн в созвездии Весов — гадать нечего.

И я пошел к Вильгельму Нафферту, для друзей — Вилли Соломоновичу, военному пенсионеру.

Домик его, аккуратный, опрятный, ухоженный, со всех сторон окруженный зеленью, был воплощением мечты полковника-отставника. Послужив двадцать пять лет где-то в районе Аральского моря, полковник Нафферт решил, что лучшую часть жизни он проведет здесь, в средней полосе России, среди нив и дубрав. В последние дни советской власти он сумел потратить заработанные деньги и купил дом. Здесь, в ста сорока километрах от Черноземска, дома

стоили недорого, и офицерских накоплений хватило еще на раритетный автомобиль «Победа», мотоцикл «Минск» и на аквариумы в сто, двести и триста литров со всем содержимым», все куплено у прежних хозяев дома «до кучи» — они, хозяева, переселялись даже не в Черноземск, а в саму Москву, благо сын сделал невиданную карьеру и стал помощником Очень Важного Лица. А в Москве они и аквариумы новые заведут, и машину, и все прочее.

И, наверное, завели. Теплое, несмотря на водопровод, газ, канализацию и двухэтажные дома (у нас даже пятиэтажка есть!) оставалось в душе деревней со всем ее показным простодушием, тщательно скрываемой, но все равно наивной хитростью, страстью к пересудам, вечной нелюбовью к успеху соседей и готовностью повздыхать над соседской же бедой.

Полковник отремонтировал дом, «Победу» и мотоцикл и зажил жизнью простой и здоровой. Той, о которой задумываюсь и я. Из живности полковник держит дюжину гусей и пару собак, лохматых и злых. Дважды в неделю походы в лес, летом — пешком, зимою — на лыжах. По средам полковник садится верхом на мотоцикл и разъезжает с фотоаппаратом по нашему и соседним

районам. Пьет полковник только чай и травы. Не курит. В шахматы не играет, но решает задачи. И еще, и еще, и еще — в Теплом трудно что-либо скрыть от народного взора. Тысячеглазый Аргус есть народ (мое открытие)!

Обо всем я думал по дороге к полковнику. Думы мои приняли форму повествовательную, получилось почти как у некоторых писателей, предваряющих явление героя его биографией, описанием быта, привычек, и прочего и прочего. Почти — так как я ничего не знал ни о дотеплинской биографии Нафферта, ни о его близких, если они вообще существуют, а главное — потому что я пришел раньше, чем разрозненные мысли выстроились в стройную конструкцию. Живи полковник подальше, за Уралом или в Приморье, тогда...

Дом полковника не утопал в зелени — такой дом не потонет. Зелень его маскировала, скрадывала — и черемуха, росшая вокруг дома, и виноград, и фасоль, и плющ, ползущие вверх, к звездам, под самую крышу. Да и крыша какой-то особенной зеленой черепицы, сверху, с самолета, поди, растворяется среди окружения.

Зеленой была и сетка, растянутая на железных столбах, выкрашенных опять же зеленою

краской. Вдоль сетки росла какая-то колючая дальневосточная флора, образуя второй эшелон обороны. Но в здравом уме никто через забор не полезет, да и в калитку не сунется. Двортерьеры!

Для гостей, званых и незваных, на калитке висит табличка «Осторожно! ОЧЕНЬ злые собаки!». А рядом — кнопка звонка. Звонок у полковника старинный, на батарейках, и потому происки чубайцев ему не страшны.

Я нажал кнопку. Собаки меня, конечно, знают, а рисковать все ж не стоит.

Вилли вышел на крыльцо через минуту.

— А, Корней Петрович! Проходи, проходи. Я как раз самовар ставлю!

Только сейчас я открыл калитку (она простая, без запоров и крючков, на слабой пружине, все равно без позволения, никто не войдет) и пошел по дорожке, вымощенной желтым кирпичом. Двортерьеров я не заметил — верно, лежат под кустами смородины и ждут, не передумает ли хозяин.

Хозяин не передумал, напротив — вынес из дому самовар и поставил на привычное место, вымощенный все тем же кирпичом каменный круг, метр в поперечнике. Специальный самоварный круг.

Специальным же сапогом он наладил огонь. Я стоял рядом, любуясь изделием тульских умельцев. Самовар был небольшим, полуторалитровым, и закипал быстро. Начищенный до блеска, он отражал и меня, и хозяина, в комнату смеха идти не нужно.

— Пойдем посидим, — убедившись, что огонь горит как положено, предложил полковник.

Мы прошли на террасу.

Два плетеных стула, взятые из дореволюционной жизни, ждали нас.

Я сел — осторожно, опасаясь упасть, но стул выдержал и на сей раз.

— Труп, насколько я понял, не нашли? — полковник кивнул на соседний дом, что стоял в двадцати метрах. В том доме жила уборщица из пивбара, и все услышанное за день она передавала своей матери. Мать же была глуховата, и потому дочкин голос разлетался далеко, осведомляя полковника о каждом мало-мальски значимом событии в поселке и окрестностях.

— Не знаю.

— Тайна следствия?

— Просто не знаю.

Вилли Соломонович поверил. Или сделал вид, что поверил.

— Ну, в твоей практике такого, пожалуй, и не было.

— А в твоей? — Мы с ним были на «ты», хотя, признаюсь, мне это давалось нелегко. Разница в возрасте, в жизненном опыте, в чине, наконец. Но Вилли Соломонович настаивал. Он вообще был очень настойчивый человек.

— В моей? — полковник усмехнулся. — В моей практике торпедный катер однажды пропал — из Аральского моря! Но тебе не до катеров, пусть и торпедных. А вот насчет трупов... Минуточку, самовар закипел.

Пока он заваривал чай четкими и уверенными движениями, я терпеливо ждал. Терпение, оно хирургу первый помощник. Иной раз важнее пенициллина.

— Был у нас один немец. Свято верил в превосходство нордической расы и прочие нацистские штучки, но специалист — поискать! Собственно, мы его и нашли в Берлине в сорок пятом... Так вот он, немец этот, считал, что, вопреки общепринятому мнению, подавляющее большинство египетских гробниц отнюдь не были разграблены кладбищенскими ворами. Да, археологи не нашли сокровищ, не нашли даже забальзамированных мумий, но...

— Но? — подал реплику я.

— Но причиной тому являлись сами мумии. Полежав отведенное время, они восставали из саркофагов и начинали существование потаенное и страшное. Египтяне не охраняли Город Мертвых. Казалось бы нелепо: тратить огромные средства на сооружение гробниц и пирамид — и отдать их на откуп грабителям. Ан нет, никто не тревожится, патрули не снаряжает. Более того, согласно папирусу Хорихора, вор, приговоренный к смерти, может заслужить помилование, если он отправится в Город Мертвых и достанет из некой гробницы серебра на сумму ущерба. Описан случай: вор согласился, ушел в Город Мертвых — и больше его никто не видел.

— Чего ж удивительного? Бежал куда-нибудь с награбленным серебром.

— Куда ж ему бежать? Древний Египет — чрезвычайно организованное государство, каждый человек на строгом учете. Уйти из города в пустыню — смерть. И зачем бежать, если обещано помилование, а слово тогда держали? Нет, дело в другом.

— В чем же?

— Египтяне считали, что бессмертная душа, «ка», не бесплотна и нуждается в пище. Поначалу

«ка» питается соками собственного мертвого тела, но что такое одно тело? И ожившие мертвые — немец звал их детьми Луны — выходят на охоту. Они сами прекрасно справляются с грабителями, а если те медлят, мертвецам приходится выбираться из гробниц и искать добычу. Вот почему не было стражи в Городе Мертвых — слишком накладно посылать воинов на верную смерть. Пусть гибнет сброд, воры и грабители. И дети Луны сыты, и добропорядочные люди целы.

— Ваш немец — человек не без фантазии. Ему бы книжки писать. Или сценарии для Голливуда.

— Мой немец, Георг фон Титц, был прекрасным биохимиком и до войны выдвигался на Нобелевскую премию.

— Что с того? В лаборатории Резерфорда был клуб вралей, так его переименовали в клуб Капицы. Ученому человеку фантазии не занимать.

— Фон Титц не просто фантазировал. Он взял да и смоделировал ситуацию.

— Как?

— На кошках. В буквальном смысле. Добился того, что умерщвленная, помещенная в особый раствор кошка еще долго совершала различные движения — открывала пасть, перебирала ла-

пами...

— Ну, я слышал, что еще в двадцатые годы Брюхоненко собакам головы отрезал, и те головы чуть ли не кусались. Нам в институте об этом говорили, — почти извиняясь добавил я.

— А вам говорили, что Сергей Сергеевич и людьми не брезговал?

— Оживлял головы?

— Что головы, целиком оживлял.

— После клинической смерти?

— После всякой. Однажды на острове Врангеля нашли эскимоса из Ушаковской колонии, вмерзшего в лед в тридцатые годы. А оживили в пятьдесят первом.

— Слышу в первый раз.

— Ну еще бы. Не хвастались, держали в тайне. Да и то — покушение на мировоззрение получалось. Чертовщина, мракобесие, а тогда с этим строго...

— В чем же мракобесие? Наоборот, достижение отечественной науки!

— Ты, Корней Петрович, того эскимоса не видел. Когда он выбрался из лазарета, потребовался огнемет, чтобы его остановить. Пули только злили воскрешенного — по глупости у нас и были-то только «ТТ».

— А зачем вообще стреляли, останавливали?

— Пришлось. Эскимос трех экспериментаторов сожрал, да санитара в придачу.

— Так и сожрал?

— Нет, не целиком, конечно. Понадкусал. Но крепко понадкусал, кто видел — ввек не забудет.

— Ты нарочно на ночь глядя страшные истории рассказываешь?

— Я нарочно на ночь глядя делюсь сокровенным. А ты, как тот маленький мальчик — акулов не бывает!

Книжку своего тезки Чуковского я читал и потому намек понял.

— То есть ты, Вилли Соломонович, утверждаешь, что некий жрец или там профессор Брюхоненко оживил давешний труп, и он взял да и сбежал из морга?

— Я утверждаю совершенно другое, мой молодой и недоверчивый друг: если ты не можешь объяснить какое-то явление, это не значит, что явление не может существовать без твоего объяснения. Современная наука кое-что знает о жизни, но безобразно мало интересуется смертью. Или — делает вид, что мало.

— Зачем?

— Зачем скрывали Манхэттенский проект? Се-

кретили станцию «Северный Полюс — 2»? Утаили инопланетную капсулу, найденную при строительстве московского метрополитена? И, главное — зачем запретили производство искусственной «голубой крови»? Сколько людей она бы спасла! Средний человек отнюдь не желает жить в страхе. Знаток человеческой души не зря заметил, что во многом знании много печали. Счастлив ли ты будешь, если вдруг узнаешь: через пять лет вспышка на Солнце уничтожит жизнь восточного полушария, а западного, между прочим, смерть не коснется совершенно, ибо там будет ночь?

— Есть такие данные? — испугался я.

— Нет, я так... Для примера...

— И примеры же у тебя...

— Доходчивые.

— Оставим вспышки. Оставим Брюхоненко и этого, как бишь... фон Титца с его гробницами. Вчерашний случай к фараонам и эскимосам не имеет никакого отношения. Никто никого не оживлял. Совсем напротив.

— Но труп-то исчез.

— Давеча наш терапевт в Черноземск ездил, к дочке. Гуся зарезал, хорошего, жирного. Приехал, подошел к трамвайной остановке, поставил сумку на землю, отвернулся на минуточку, а гусь-то

и улетел. Безо всяких фон-дер-Пшиков, или как там твоего немца звали...

— Вижу и слышу, что юмор не покинул тебя. Но в данной ситуации осторожность важнее.

— С осторожностью у меня еще лучше, чем с юмором, — уверил я полковника.

— Надеюсь, надеюсь. Во всяком случае, кто предупрежден, тот вооружен. — Он ушел в дальнюю комнату и вернулся с баллончиком граммов на пятьдесят. Простенький баллончик, серебристый, без маркировки. — Вот, у меня лишний. Пользуйся.

— Что это?

— Спецсредство. Ты его на собак или мелких хулиганов не расходуй.

— А на кого расходовать?

— Увидишь, на кого. Вот тогда не раздумывай. А то давай, поживи у меня. Места много, не стеснишь.

— Спасибо, конечно, от души. Пока повременю. Да и Маркиза предпочтет видеть меня дома, а не скрывающимся невесть от кого.

— Да, Маркиза... Кошка — это хорошо. Кошки, как утверждал фон Титц, обладают способностью распознавать мнимо-воскресших. Как тебе термин: мнимовоскресшие, звучит? Если твоя кошка

проявляет неуместную активность, скажем, прячется под кровать или, напротив, не подпускает тебя к двери, будь начеку. Бери этот самый баллон и смотри в оба. У тебя ведь второй этаж?

— Второй, — ответил я.

— Все ж лучше, чем первый. Хотя какие сейчас этажи...

— А разве вампиры не летают?

Полковник задумался на секунду, потом решительно ответил:

— Предрассудки. У них и крыльев-то нет. Другое дело, что мнимовоскресший может напрячься и прыгнуть довольно-таки высоко...

— Насколько высоко?

— Метра на три, четыре.

— Стало быть...

— Стало быть, твой второй этаж тебя не спасет. Право, погости. У меня и решетки на окнах стальные, и собаки в обиду не дадут, да и я сам кое-чего стою...

— Не сомневаюсь. Прижмет — приду. С Маркизой.

— А хоть с принцессой, места хватит. — Но видно было, что в мой приход он не особенно верит. Не прижмет — то вроде и незачем. А прижмет — не успею.

— Солнце сядет через... — он посмотрел на часы, — через сорок три минуты. Если ты решил возвращаться домой, то — самое время. Дети Луны скоро проснутся.

Я намек понял и откланялся.

Назад я шел озадаченный. Вилли Соломонович человек, скажем так, неоднозначный. Но склонности к мистификациям я прежде за ним не замечал. Опять же насчет кошки — как он угадал, что Маркиза ночью не пустила меня к двери?

Ответ прост донельзя. Он и приходил ночью ко мне. Он и письмо мне написал. Он, если на то пошло, мог и труп похитить. Зачем? Можно выдвинуть кучу совершенно нелепых, диких, бредовых версий, от желания попрактиковаться в анатомии до приготовления из мертвого тела собачьего корма. Каждая версия будет все-таки тысячекратно более приемлема, нежели предположение о беспокойном упыре.

7

Так думал я по пути домой. Посмеивался, а все-таки торопился. Хотел попасть под крышу до захода солнца.

Но по пути меня перехватили. Должен сказать, что, уходя из дому, я обыкновенно в двери оставляю листок с предполагаемым маршрутом. Иначе районному хирургу нельзя. Всякое может случиться. Видно, и случилось — больничный «газик» пылил мне навстречу. Все-таки великое дело — лето, посветило солнышко, и высохла грязь.

Много ее кругом, отсюда и названия — Топлое, ныне, правда, Тёплое, переделали для благозвучия. Красное — зачастую измененное Грязное. Откровенно и без прикрас: Грязи Черноземные. Есть у народа словцо гвазда, что означает ту же самую грязь. А в области имеется село Гвоздевка. Гвоздей в ней сроду не делали, просто прежде она называлась Гваздевкой. Соседний райцентр Большая Гвазда! На черноземе стоит. Соседний губернский город Воронеж того же корня: ворон — черный, Воронеж — черная плешь. Иначе — грязная.

Вопросы языкознания заняли у меня не более полуминуты. «Газик» остановился рядом, и больничный шофер Ефим Ерофеев, которого иначе как Фимкой не звали, выглянул наружу:

— Велено вас везти, Корней Петрович. Срочно и немедленно, аллюр четыре креста Вассермана.

— Поехали, — вздохнул я.

— Ничего страшного, — поспешил успокоить меня Фимка. — Всего-то навсего семейная ссора.

— Ну, брат... Ссоры, они разные бывают.

— Не тот случай. Никакой поножовщины, поутюжницы, потопорницы. Наш-то пропащий, Иван Харитонович, нашелся, по этому поводу и семейные радости.

— Нашелся? Где?

— В сарае своем разукрашенном, ну, вы знаете.

Я знал. Добрые люди свели у Ивана Харитоновича корову с теленком, и тот зарекся держать крупную живность. Почистил сарай самым настоящим образом, выбелил изнутри и снаружи, поверх известки синькою нарисовал круги, ромбы и треугольники и провозгласил себя сторонником вегетарианского боси-комства. Будучи, как ночной сторож районной больницы, отчасти причастным к миру медицины и наблюдая вереницы страждущих, раз за разом приходящих

в нашу поликлинику, он пришел к выводу, что беды людские и болезни — от неправильного питания и плохой походки. Питание мясом и, особенно, молоком приводит к взаимной вражде клеток, отсюда идет корень рака, язвы желудка, желтухи и прочих хворей, а неправильная походка искривляет позвоночник, сотрясает голову и вызывает гнев, зависть, общую слабость и скопидомство. Потому сам он зарекся есть животную пищу и каждодневно по три часа ходит по земле босиком, за исключением дней зимних, когда почва покрывается снегом. Покрывается она не зря — зимняя земля закрывается от злой энергии Полярной звезды, стоящей высоко над горизонтом. При чем здесь Полярная звезда, понять сложно, но это только привлекало к сторожу сторонников нового учения. Конечно, славы Кашпировского, Порфирия Иванова и других величин масштаба государственного Иван Харитонович не достиг, но в том, пожалуй, вина была его жены, злой и завистливой тетки. Мужа своего бранила свихнувшимся дармоедом (хотя Иван Харитонович службу сторожем в больнице не оставил), учеников и последователей его, числом до дюжины, иначе чем злыднями не называла и в дом не пускала. Но сарай — сарай был гордой

и независимой территорией, где царствовали кротость, неприхотливость и твердая вера в босикомство. Приходили даже из соседних районов, и всякому беспристрастному человеку было ясно, что Иван Харитонович на верном пути.

— Он что, в сарае отсиживался?

— Получается так. Пришла жена, начала ругать за то, что ушел, смену не сдал, а Иван Харитонович ее укусил.

— Укусил?

— Да разве это укус... пустое... Но Харитониха прибежала сама не своя (она, Корней Петрович, вечно сама не своя), раскричалась, требует обработки и именно хирургической обработки раны, а еще прививки от бешенства.

— Прививку-то зачем?

— Сбесился, кричит, муж ее. И не муж даже, а оборотень, чудище злое, нежить.

— Ага... — сказал я и замолчал.

Одно к одному. Вот вам влияние кинопропаганды в действии. Насмотрелись страшилок про вампиров, что стар, что млад.

В приемном покое встретила меня Анна, фельдшерица, девушка молодая, но с характером твердым и решительным.

Я бы с ней в разведку пошел.

Я, может быть, еще и пойду.

— Не дает обработать рану, Корней Петрович.

— И не дам! — громко и визгливо проговорила Харитониха. — Здесь опыт требуется и знание врачебное.

— Идите сюда, — сказал я авторитетным голосом. — Показывайте ранение.

Слово «ранение» Харитонихе понравилось, она подсела к перевязочному столику и размотала полотенце, что было у нее на предплечье.

Да, укушенная рана. Не очень глубокая, но доставить бед способна: человеческие зубы — кладезь инфекции.

Промыв рану перекисью водорода, наложив пяток отсроченных швов и побрызгав на совесть метрогиловым спреем, я забинтовал предплечье и велел прийти на перевязку завтра к одиннадцати.

— А вакцину? От бешенства? — чувствовалось, что Харитониха готовится к скандалу.

— Это можно, — охотно согласился я. — Любой каприз за ваши деньги.

— Какие деньги?

— Обыкновенные. Российские рубли. Впрочем, если есть свидетельство санэпидстанции, что вас покусала бродячая собака, вакцина пойдет за

счет обязательного медицинского страхования. А нет свидетельства — за счет страхования добровольного.

— Так я согласна — добровольно.

— Внесите тогда добровольный взнос.

— Куда?

— В кассу, как положено. Мы заключаем договор: больница проводит антирабический курс вакцинаций по вашей просьбе, вы предупреждены о возможных неблагоприятных последствиях.

— Каких неблагоприятных последствиях?

— Аллергические реакции, энцефалит, мало ли что. Но это бывает нечасто.

— Если нечасто, то давайте этот договор — и колите вакцину.

— Договор-то я могу дать, а уколю только после оплаты.

— Оплаты?

— Да. В этом и смысл добровольного страхования. Можете заплатить сразу за весь курс, а можете частями, за каждую дозу отдельно. Есть и третий вариант: если инфекционист поставит вашему мужу диагноз бешенства, то, разумеется, вас будут лечить за счет казны.

— Так пусть ставит поскорее!

— Хорошая идея. Анна, кто у нас сегодня дежурит по больнице?

— Федор Федорович.

— Вот пусть он и организует осмотр Ивана Харитоновича. Тем более Иван Харитонович — наш сотрудник.

— Но Федор Федорович того... — Анна покосилась на Харитониху.

— Ничего, если надо, он сможет. — Я записал в журнале переработку, она пойдет в оплату как сверхурочные, век бы их не иметь. — Если что, я теперь домой.

— А как же я? — спросила Харитониха.

— Как только Федор Федорович поставит диагноз бешенства, я тут же вернусь, — успокоил я жену сторожа. — Вернусь и сделаю вакцину по всем правилам антирабической науки.

Ушел я без сожаления. Дело свое сделал, рану обработал, а вакцинировать только из-за вздорной прихоти нелепой бабы — никогда.

А Федор Федорович выпьет нашатырю с водой, протрезвеет и развеется. Ему полезно.

Федор Федорович пил, и пил крепко, но его держали. Не столько из жалости, просто другого невропатолога поди найди. Невропатологом Федор Федорович был отменным. Знающим,

опытным и даже известным. До буржуазного переворота (или революции?) он возглавлял кафедру нервных болезней в Черноземске и, подойдя к пятидесятилетию, совершил обычный для этих лет профессорский поступок, женился на студентке. И это бы не беда, но в порыве благородства Федор Федорович (заглазно — Фе-Фе) отдал семье квартиру и сберкнижку, решив начать жизнь сызнова на всех фронтах. Время тому благоприятствовало: Фе-Фе пригласили на должность заведующего кафедрой в азиатскую республику, посулив и какой-то совершенно громадный оклад сразу, и чуть ли не трехэтажный дом вскоре, а затем и звание академика той самой республики.

Он и поехал. Провожали его слезно, кафедра рыдала, клялась в вечной любви и памяти, и лишь сознание того, что большому кораблю требуется большое плавание, как-то скрашивало горечь разлуки.

Но стоило профессору приехать в братскую советскую республику, как приключился очередной переход количества в качество. Выяснилось, что освободившейся от ненавистного русского ига стране требуются кадры исключительно титульной нации, а уж об окладах, жилье и ака-

демической мантии чужеземцу и думать нечего. Чемодан-вокзал-Россия, такой лозунг вывесили над входом в университет обретшие национальное самосознание студенты.

Фе-Фе и уехал. Вернулся в Черноземск немного напуганный, немного голодный, но предвкушающий радость воссоединения с любимым коллективом.

Коллектив же отчего-то радости не испытал. Бывшее его место стало для кого-то своим, и чтобы его вернуть, требовались не только связи, но и доллары. Ау Фе-Фе и рубли-то кончались. Хорошая должность в больнице тоже стоила доллары. А на плохонькую брать профессора, доктора наук, без пяти минут академика как-то не решались. Долго тянулась история трудоустройства Фе-Фе, долго — и закончилась здесь, в центральной районной больнице.

Могло быть и хуже.

Новая, молодая жена осталась где-то в Черноземске, но это уже совсем неинтересно — так заканчивал рассказ Фе-Фе после очередной попойки. Я выслушал эту историю раза три, после чего под благовидным предлогом от общения за бутылью самогона уклонялся. Не то чтобы брезговал Фе-Фе, кто я такой, просто тягаться с ним в

пьянке мне не под силу.

Одна работа как-то оживляла Фе-Фе, вот я ему работу и подкинул.

Сделал доброе дело.

Начало дежурства. Солнце только-только село за горизонт, и потому невропатолог выпить успел немного, граммов сто настойки боярышника. Еще пятьдесят он выпьет к полуночи, еще — часам к трем утра, и последнюю стопочку уже после сдачи дежурства. Проверено многажды. Снимает, некоторым образом, стресс. Но по виду не скажешь, пятьдесят граммов настойки он выпил или пятьдесят капель.

Я столь долго думал о Фе-Фе потому, что судьба его меня и занимала, и пугала. Пройдет совсем немного времени, и я, не став ни доктором наук, ни профессором, тоже буду начинать дежурства с пузырька боярышника.

Я опять порадовался, что день прошел трезво. В новооткрытом обществе анонимных алкоголиков районного центра Теплое, состоящем из одного меня, подобная психологическая поддержка считается действенным средством.

Придя домой, я поздоровался с Маркизой, переоделся в затрапез, выпил стакан противного зеленого чаю (противный, а аппетит отбивает)

и начал рассматривать подарки. Пистолет мне понравился куда больше баллончика. Умом я понимал, что он, пистолет, может запросто спровоцировать на выстрел из оружия настоящего, того, что с пулями. Баллончик в этом смысле предпочтительнее. Но, с другой стороны, сам вид пистолета действует на хулигана весьма отрезвляюще, а баллончик, что баллончик... Одни слезы...

Фу, какие хулиганы! Мне ведь упырей бояться велено, «мнимовоскресших». Детей Луны.

Колышков, что ли, натесать. Дубовых — по одним источникам, осиновых — по другим.

Топор у меня был, туристский, когда-то я в туристические походы ходил. Потом в другие походы, не туристические. От первых остался топорик, от вторых — лопатка саперная. И топором, и лопатой — хоть брейся, до того остры. Лежат себе в кладовочке, всегда готовые к труду и обороне. Я, словно известное животное господина Буридана, гадал, что выбрать. Если возьму лопатку, соседи решат, будто мне хочется выкопать ямку и посадить дерево. Вишню у дороги, например. А если я возьму топорик, то они решат, что я хочу срубить что-нибудь, вроде засохшего клена у той же дороги, который часто цепляет прохожих, а

некоторым даже рвет одежду.

Топорик я положил под диван, а лопатку носил то в коридорчик перед дверью, то в ванную. Никак не мог решить, где она нужнее. Моюсь я, например, намылился мылом душистым, а в дом упырь пробрался. Что прикажете делать?

Решил, раз уж пришла идея, помыться. И только ступил ногою в горячую воду, как стук в дверь.

Положим, упырь стучать вряд ли станет, но я все равно вздрогнул. Потом вытащил из воды ногу, вытер ее. Закрыл кран и накинул банный халат.

Вышел в коридорчик и покосился на Маркизу. Та оглядела меня с сомнением, но давешних воплей не повторила.

Ну, не упырь, значит.

И я пошел к двери.

Стук повторился. Сейчас, когда мне не мешал шум набираемой ванны, я готов был поставить бутылку «Гжелки» против бутылки яблочного уксуса, что стучит Фе-Фе.

И не обманулся. На пороге стоял именно он — пахнущий настойкой боярышника, в криво сидящем халате (не банном — медицинском) и с перебинтованной правой рукой.

— Угадай с трех раз, кто это меня тяпнул? — су-

нул он повязку мне под нос.

— Собака Баскервилей?

— Осталось две попытки.

— Просто упал и ударился о камень?

— Два раза за неделю я не падаю. Последняя попытка.

— Иван Харитонович?

— Кусачий, однако, у нас сторож, собаку держать не нужно.

— Глубоко? Нужно обработать?

— Уже. Даже противостолбнячную сыворотку ввели. Анна и ввела.

— А как насчет антирабической?

— Никакого бешенства нет, хоть я и не рабиолог. Отличие очевидное.

— Нет? А что есть?

— Случай спонтанной ликантропии.

— Чего?

— Наш Иван Харитонович вообразил себя оборотнем. Кто ни подойдет — укусит.

— Что же делать?

— Что, что... в Соколовку везти, вот что.

В Соколовке находится областная психиатрическая больница, и среди жителей Черноземской губернии бытует выражение «Соколы по тебе плачут», выражение явно не лестное для того,

кому адресуется.

— Он, поди, не дастся.

— Я, пока он кусался, вколол ему реланиума изрядно.

— Значит, Иван Харитонович...

— Еще часов пять проспит, или даже шесть.

— Где?

— В машине. Я его по «скорой» и отправил. Созвонился с Соколовкой, там мой знакомый работает. Примут.

— С кем отправил?

— Не с Аней, не волнуйся. Твоего санитара послал сопровождающим, из кадаверной. Ему деньги нужны, а тут, пока туда, сюда, сверхурочных и набежит. Да еще проценты за психиатрию... Будет доволен.

— Ладно. А зачем ты ко мне-то зашел?

— За медицинской помощью. «Скорая» повезла нашего кусаку в Соколовку, Анна в приемном осталась, а я решил дойти до тебя. Очухаться от пережитого. Не каждый день ведь подвергаешься нападению доброго знакомого.

— Ты хорошо знал сторожа?

— Как не знать... Он со своим босикомством экземпляр прелюбопытнейший. Живет человек, живет, а потом вдруг либо вечный двигатель

изобретет, либо рисовать станет, либо, вот как Иван Харитонович, идею о здоровой жизни в массы нести начинает. И ведь не каждый с колеи съезжает, отнюдь. Что тому причина?

Я покачал головой.

— Тебя, Федор Федорович, в больнице ждут. Вдруг что случится?

— Уже случилось — ликантроп объявился. А в остальном — есть ли на ночном дежурстве невропатолог, нет ли его, велика ль разница? Во всем остальном, кроме своей неврологии, я ничем не лучше Ани.

Я с ним согласен. Оставлять без врача больницу не полагалось, потому все врачи по графику выходили в ночное. Но ведь профанация получалась. Что может сделать стоматолог, если поступит больной с ножевым ранением? Вызовет хирурга. Что могу я, если поступит больной с инсультом? Вызову невропатолога. Что сделает невропатолог, если поступит роженица? Вызовет акушера. Что сделает акушер, если поступит больной с инфарктом миокарда? Вызовет терапевта. И так далее и тому подобное. Все это способен сделать и фельдшер.

— Да я уйду, уйду. Окажи только медицинскую помощь, и пойду.

— Посмотреть руку?

— Руку завтра успеешь. Ты того... противострессовое дай. Если есть, конечно, — добавил он в приступе деликатности.

— Ты ж на дежурстве, — засомневался я.

— А ты в плепорцию, только для поддержания духа.

Я достал из холодильника «Гжелку». Видно, такова ее судьба: быть початой еще до полуночи.

— О! Кучеряво живешь!

Я протянул Фе-Фе стакан и бутылку. Взрослый человек. Дай мне бутылку, и я буду пьяным сегодня. Дай мне работу, и я буду пьяным каждый день.

Невропатолог откупорил «Гжелку» со всем бережением. Налил немного, граммов пятьдесят.

— А ты? — спросил он меня. — Ты ведь не на дежурстве?

— Оттого и не хочу.

— Правильно! — Фе-Фе пил не залпом, как алкоголик начинающий, не смакуя, как алкоголик матерый, а просто — словно воду. — Водку без острого желания пить грешно. Ну, я пошел. — И он действительно пошел обычной походкой слегка уставшего человека.

Я заперся на два оборота и вернулся в ванную.

Вода не успела остыть настолько, чтобы нельзя было окунуться, но удовольствия не получилось. Быстро намылился гелем, быстро смыл его, быстро вытерся, быстро надел пижаму и быстро лег в быстро постланную постель.

Все. Буду спать.

И уснул на диво сразу, без самокопаний, мечтаний и сожалений о бездарно прожитых годах.

8

Разбудил меня телефонный звонок — пронзительный и настойчивый до наглости. Я даже просыпаться не хотел. Пришлось. Только сел, опустил с дивана ноги, как телефон и замолчал. Шуточки, да? Врачу если звонят, то до упора, чтобы трубку снял да выслушал. Атак... Я зажег фонарик, посмотрел на часы. Всего-то половина второго, едва вышел на крейсерский сон.

И только тут я спохватился: как мог звонить телефон, если кабель поврежден? Восстановили? Сейчас, за полночь?

Я подошел к столику, старому журнальному столику времен пятилетки качества, снял трубку и поднес к уху.

Мертвая тишина. Как и должно быть. Ночные ремонтники, щас! Мы не в Чикаго, моя дорогая! — последнюю фразу я сказал вслух, Маркизе.

Та потерлась о ножку столика и пошла в ванную. Санузел совмещенный, а она, умница, привыкла пользоваться ватерклозетом.

Пришлось ждать очереди.

Хорошо, Маркиза читать не умеет.

Наконец кошка вернулась. Вот и славно, вот и

ладно, вот и мир в моей семье.

А телефонный звонок мне просто приснился. Бывают же сны, которые реальней яви.

Не успел я вновь пригреться в постели, как в дверь постучали. Просто явочная квартира, право. Не дают мне покоя то милиция, то упыри, то Фе-Фе, кого теперь нанесло? Не иначе, прослышали про «Гжелку» и слетаются, комариное племя. Ни капли не дам!

— Корней Петрович! Корней Петрович! — звала баба Настя, санитарка.

— Что случилось? — спросил я через дверь.

— Федор Федорович не у вас?

— Нет. — Я наконец отпер дверь. Она — баба Настя, а вовсе не Дракула.

— Ой, что же делать? Никого ж в больнице из докторов нет!

— Что делать, что делать... — Я посторонился, пропуская санитарку внутрь. — Известно, что...

Действительно, известно. Фе-Фе, похоже, после меня зашел к кому-нибудь еще, потом опять, и опять, и теперь либо спит в гостях, либо голова в кустах. Требовалось доложить главврачу, что больница осталась без дежурного, тот волевым решением назначит другого. Ну а утром — разбор полетов.

— Чем тревожить Алексея Васильевича, решим так: на дежурство заступаю я, а об остальном подумаем утром.

— И верно, и хорошо, — обрадовалась баба Настя. Обрадовалась тому, что не идти ей к дому главврача, потом не идти поднимать назначенного на дежурство. Все бы на нее ворчали, ругались, гонцов с дурными вестями не жалуют. А я и не ворчу, и ноги ее жалею.

Нет, я вовсе не добряк. Просто, узнав, что баба Настя уже побывала у меня, главврач меня в дежурство и поставит. Все равно разбужен.

— Вы одевайтесь, а я у крыльца подожду, — деликатно решила баба Настя.

Едва я натянул последний носок, как Маркиза принялась выть — страшно, протяжно.

Я постоял, чувствуя, как холодный пот течет по хребту.

— Маркиза, ну чего ты, кошечка, — голос мой звучал жалко и слабо.

Она замолчала и шмыгнула под диван.

Теперь я напугался по-настоящему.

В окно видно было плохо, все-таки ночь, но у входа в подъезд почудилось мне что-то очень нехорошее.

Уже не думая, смешно выгляжу или нет, я схва-

тил пистолет в одну руку, топорик в другую — и лишь затем кинулся вон. Фонарик сунул в карман: луна кое-как светит, а узкий луч фонарика, высвечивая малое, скрывает большее. Да и рук у меня только две.

По темной, но знакомой лестнице я спустился очень быстро. Висевшая на одной петле дверь подъезда чуть поскрипывала на ветру.

Я шагнул наружу.

Неподалеку, в пяти шагах, виднелись две фигуры.

— Вот я тебя, — сказал я хрипло.

Одна из фигур поднялась и бросилась на меня.

Хорошо, я загодя с предохранителя снял пистолет и дослал патрон. Выстрелил не задумываясь. Будь это боевой пистолет, стрелял бы, конечно, в воздух, а так — на поражение. Пусть покашляет, поплачет. Или обездвижится.

Но начинка в патроне оказалась иной. Лиловая вспышка, несильная, не слепящая, вырвалась из ствола и окутала приближавшуюся фигуру светящимся облачком. Словно рой светлячков был в патроне. Но эти светлячки стоили ос — жестоких, злых и беспощадных. Нападавший зашипел, как шипит раскаленное и опущенное в воду железо. Зашипел и кинулся прочь. Через

несколько мгновений и он, и окружавшие его светлячки скрылись за гаражами, что стояли метрах в сорока от дома.

Я положил топорик на землю и, не опуская пистолета, достал фонарик. Он светил тускло, беря пример с луны в облаках.

Увидел я достаточно. В пыли лежала баба Настя, руки и лицо ее были в крови.

Я прикоснулся к артерии на шее.

— Ох, доктор, ушел он, окаянный? Ушел?

— Убежал. — Похоже, санитарка пострадала меньше, чем мне думалось. — Как вы себя чувствуете?

— Кажется... Кажется, ничего не сломала... Но покусал, поцарапал он меня... если б не ты... — Баба Настя всхлипнула и стала подниматься. Я хотел помешать ей: мало ли, сначала сгоряча вскочит, а потом коллапс. Но она уже стояла, тихонько подвывая, не зная, что делать, куда бежать.

Не знал и я. Поэтому осмотрел раны более внимательно и решил оставить больную у себя. У себя дома то есть. Раз уж так получилось. Небольшая аптечка, что хранится на дому, позволит обработать раны. Укушенные раны. И весьма глубокие. Баба Настя просто находится в возбужденной

стадии шока, потому и держится. Адреналин. Но хватит его не надолго.

— Эй, Корней Петрович, ты стрелял?

Голос донесся из углового окна. Сосед сбоку, Володя.

— Я.

— Видишь, это он, я ж тебе говорил, — сказал он, обращаясь к кому-то в комнате.

К жене, к кому ж еще. Затем опять повернулся в окно:

— А зачем?

— Бандит напал на бабу Настю, санитарку. Ранил.

— Ее в больницу нужно?

— Нужно. Только телефон не работает, да и «скорая» с больным уехала далеко.

— Моя машина на ходу. На ней и отвезем, ладно?

— Отлично.

Минуту спустя Володя уже шел к гаражам. На селе люди отзывчивей, чем в городе. Или Володя просто подумал, что рано или поздно я пойму: он смотрел в окно, а на помощь не шел. Еще обижусь. А жить в селе, если на тебя обижен хирург, не совсем удобно. Особенно если хирург этот связан с милицией и даже имеет пистолет, а ты возишь

из глухой деревеньки самогон на продажу.

Поэтому Володя и решил сделать доброе дело. Оно, доброе дело, не пропадет.

Слышно было, как Володя отпирает гаражный замок (не три-четыре, как в городе, правда, и машина у него не «Мерседес»), скрипит воротами (нарочно не смазывает, противоугонная сигнализация), терзает стартер. Наконец мотор ожил, затлели фары, и машина, «Жигули»-шестерка, подкатила к нам.

— Аккумулятор подсел, — сообщил Володя.

Вместе мы посадили бабу Настю на заднее сиденье, где предусмотрительный сосед постелил ветошку, опасаясь кровавых пятен. И то, случись что, поди доказывай, чья это кровь.

До больницы мы доехали быстро, я даже решил, что неплохо бы и самому обзавестись машиной. Но где мне взять старую «шестерку», идеальную машину по нашим дорогам? А на новую «Ниву» или командирский «УАЗ» средств не хватает. Дурно я веду хозяйство, неэкономно. Ем каждый день.

Из машины баба Настя вышла сама и, лишь дойдя до приемного покоя, сомлела.

Анна, не говоря лишнего, помогла уложить ее на носилки, и мы переправили ее в операцион-

ную. Оперировали при свете трех керосиновых ламп. Настоящая бестеневая лампа у нас тоже была. Но не было напряжения в сети. Аккумуляторы же давно скончались от старости.

Поработать пришлось всерьез: зашить пару сосудов, обработать раны, ввести метрогил капельно, а в другую вену флакон крови. Большая кровопотеря. По счастью, на День донора у нас ходят охотно — сдал кровь четыреста кубиков, а получил денег на два литра самогона. Опять же донор — человек без СПИДа и сифилиса, которыми в нашем захолустье по-прежнему не гордятся.

Закончив с бабой Настей, я вспомнил, что следует сообщить о нападении дежурному по УВД.

В ординаторской телефон еще вчера работал, к нему вел другой кабель, не тот, что к моему дому.

Но сегодня телефон молчал. Я ритуально дул в трубку, стучал по рычажкам, но результата не достиг.

— По всей больнице то же самое, — сказала Анна. — Ни в приемном покое, ни в терапии телефоны с полуночи не работают.

— Подождем до утра. — Похоже, эта фраза скоро станет единственной в моем органчике.

И мы сели ждать. Я и Анна. При свечах, в приемном отделении. Никто не тревожил, да и как потревожишь, если телефон не работает. Больные могли прибыть и своим ходом, пешим или машинным, но, видно, они тоже ждали утра.

Кресла в приемном старые, но усталому человеку кажутся мягкими. Мне казались.

Когда рассвело, я проведал бабу Настю. В палате, кроме нее, никого. Подобное случается, особенно летом. Не дают себе люди разболеться. Терпят до осени.

Баба Настя спала покойно. Пульс, дыхание не внушали никаких опасений. Пусть спит, сон — тоже доктор.

Вернулся, Анна как раз чай заварила. Выпили чаю. Встретили солнце.

Мы ни о чем не говорили. Посидеть молча — что может быть лучше. То есть может-то многое, но работа есть работа. В любой момент ждал я призыва о помощи хоть из родильного отделения, хоть из инфекционного.

Рассвет закончился, закончился и покой. К больнице подъехал милицейский «жигуленок», и инспектор сказал, что наша «скорая» стоит на обочине дороги в семи километрах от Теплого.

— А люди? — спросил я, ожидая худшего.

— Людей нет, — ответил инспектор. — Машина в порядке, двигатель холодный, давно стоят. Чуть в сторону съехали, в посадку, с дороги ночью не заметишь. А то плакала бы ваша «скорая». Народ на дороге ушлый, на ходу колеса рвет. Я там пока сержанта оставил, чтобы присмотрел. Угнали, а вы тут в неведении...

— Не угнали, — медленно ответил я. — На машине повезли больного. Водитель, санитар, больной, все пропали.

— Он что, особенный больной?

— В смысле?

— Ну, чтобы его похищали?

— Сторож наш, Иван Харитонович.

— Сторож... Все равно нужно сообщать. — Он включил милицейскую переносную рацию. Старую, которая больше трещит, чем говорит. Но сегодня она даже не трещала.

— Аккумулятор сел. И когда нам только новую технику дадут? Рация — времен московской олимпиады, «Жигулям» пятнадцать лет. На честном слове работаем!

— Безусловно, — подтвердил я слова инспектора с самым серьезным видом.

Да и чему улыбаться? Честному слову гаишника? Право, мне не до того. Слишком уж много в

последние дни событий. Шел себе человек, любовался видами, и вдруг оказался на пути лавины. Откуда лавина, если и гор поблизости нет никаких, хоть три дня в любую сторону скачи?

Или есть, но я в слепоте не вижу? Горы, ущелья, пропасти?

Опять развел философию.

— Я поеду сообщу. — Инспектор посмотрел на меня, на Анну, тонко улыбнулся и ушел в солнечный день.

— Что могло случиться? — спросила Анна. Спросила не меня, а — вообще.

— Что уже случилось, — поправил я.

— Да. Будто туча повисла над нами. Черная тяжелая туча.

А по мне — скорее, смерч. Воронка, всасывающая людей и уносящая во тьму. Впрочем, у меня подобное настроение после каждого ночного дежурства. Сегодня, по крайней мере, не было пострелянных, порубленных людей.

> *— Любо, братцы, любо, любо братцы жить,*
>
> *С нашим атаманом не приходится тужить!*

Со стороны послушать — ясно станет: не чай

мы пьем.

А на самом деле песня стресс снимает лучше водки.

Пели мы недолго — две строчки всего. Потом стали заполнять документацию, протокол операции и прочее. Медицинская реформа на деле: час работай, три пиши.

Потом пришлось пробу снимать на пищеблоке, что означило конец дежурства и наступление полноценного рабочего дня.

Я, как заправский интриган, пробрался в кабинет главврача и поговорил с глазу на глаз. Вывалил все — приход Федора Федоровича ко мне на квартиру, его предположение о случае спорадической ликантропии, последующее исчезновение невропатолога, нападение на бабу Настю, исчезновение направленного в психиатрическую больницу сторожа Ивана Харитоновича вместе с санитаром и водителем.

Алексей Васильевич выслушал меня со спокойствием экранного Генералиссимуса: неспешно набивал трубку (привез из Лондона, куда ездил по обмену опытом. Я все гадаю, какой опыт нашей больницы пригодился лондонцам. Из зависти, конечно. Если бы в Лондон позвали меня, я б им уж порассказал, они от меня трубкой бы не отде-

лались!), неспешно прикурил ее от специальной «трубочной» спички, неспешно прошелся вдоль коротенького стола.

— Ничего, ничего... Бывало и похуже... Будем разбираться. Хорошо, я свяжусь, — он махнул рукой, отпуская.

Я вышел едва ли не на цыпочках.

Спустя несколько минут Алексей Васильевич провел утреннюю пятиминутку, вскользь упомянул о веерных отключениях, сделал упор на необходимости соблюдения трудовой дисциплины и призвал высоко нести звание медицинского работника.

Я вернулся в отделение. Баба Настя по-прежнему спала, что, пожалуй, объяснялось шоком и кровопотерей. Пульс не частил, давление как у космонавта (заезженное, но верное сравнение), а температура тридцать пять и одна десятая. Маловато. Но раз гемодинамика в норме, гипотермия не обязательно является признаком неблагоприятным.

Просто — особенность данного района. Эндемический признак.

Остальные больные заняли меня аккурат до полудня. Сегодня я работал медленно, как старая лошадь на борозде. Неглубоко пахал. И пил тоже,

как лошадь, только не воду, а зеленый чай. Черный я оставлял для ночи.

В полдень я решил вновь навестить главврача. Узнать, что с отправленным больным, нет ли новостей. Да и о Фе-Фе беспокоился.

Но за столом Алексея Васильевича сидел Виктор Петрович, стоматолог-ортопед.

— Нет Алексея Васильевича. Уехал он.

— Куда уехал? Как?

— Срочно. У него сестра в аварию попала, в Туле. Вот он и уехал. Отпуск взял.

— Ага... И кто за него?

— Я.

— Ну, поздравляю. — Признаюсь, я был уязвлен. В который раз. То есть не тем, что оставили на хозяйстве начмеда (Виктор Петрович, помимо протезирования зубов, был и замом по лечебной части), а тем, что начмед — не я. При моем-то при уме. Работаешь с утра до ночи. Оперируешь. Третий год в отпуск не ходишь. А золотых дел мастер — начальник по лечебной части. Золотые зубы у нас в районе все еще в чести.

— У вас ко мне вопрос, Корней Петрович?

— Два. Первый — что с телефонами?

— По всему поселку молчат, наверное, на телефонной станции неполадки. Или же просто

оттого молчат, что весь район за долги без электричества оставили.

— Надолго?

— Как знать. — Виктор Петрович был огорчен. Без электричества и протезировать нельзя, убытки.

— А Фе-Фе... Федор Федорович то есть, нашелся?

— Нет. Но, знаете, учитывая привычки нашего профессора, искать лучше не торопясь. Во всяком случае, искать с милицией. Найдут, а как он мертвецки пьян? И больнице позор, и ему.

В словах Виктора Петровича была сермяжная правда. На улице-то он не лежит, нашли бы уже, а вот у какой-нибудь молодки...

Я покинул кабинет в печали и тревоге. Не понравилось мне исчезновение Алексея Васильевича. Ничего не сказал, взял да и уехал. И потом, как он узнал про сестру? Телефон не работает, электричества нет.

Я пошел домой. Поработал, и будет. Одной переработки с начала месяца вышло часов... — я попытался подсчитать и не смог. Совсем плохая голова. Еще и запуганная.

Одним страхом меньше стало после встречи с Соколовым — тот ехал на велосипеде навстречу. В магазин, не иначе, ездил, в северный. Там хлеб

на полтинник дешевле, чем в южном, который к нему ближе, макароны, масло — на рубль. Небольшая ныне денежка — полтинники да рубли, а если на триста шестьдесят пять дней умножить, даже на триста шестьдесят шесть, если год високосный, уже сумма. Особенно для Соколова. Районный спорткомитет не олимпийский, не до жиру.

— Видел, главный ваш семью в машину посадил, да и поехал, — сказал он мне.

— Куда поехал?

— По дороге в Черноземск, а там — кто знает. Я почему внимание обратил: жена его спрашивала, куда спешим, а он на нее — зверь зверем, торопись, мол, дура.

— Так и сказал — дура?

— Нет. Крепче. Но упор был на слове «торопись».

Я рассказал про попавшую в аварию сестру.

— Может быть. Но тогда брать жену и ребенка вовсе не обязательно. Не на похороны же... И потом, знаешь, не он первый уехал сегодня, ваш главный.

— В каком смысле — не первый?

— Да все начальство, кто вчера на ночь глядя, кто сегодня спозаранку вместе с чадами и домо-

чадцами, кто победнее — на одной машине, кто побогаче — на трех рванули из района, словно советская власть вернулась. Говорят, подобное было в Припяти в восемьдесят шестом.

— В Припяти? А что у нас в Припяти?

— У нас уже ничего. А у украинцев саркофаг стоит над четвертым блоком.

— Ну... Это ты хватил. До ближайшей атомной станции километров двести. И не слышал я ничего... Гражданская оборона опять же молчит.

— Она всегда молчит. — И Соколов поехал в присутствие или даже домой.

А я пошел к себе.

Если нет автомобиля, то, быть может, стоит купить велосипед?

Не такой, как у Соколова, а горный.

Буду на нем по горам ездить. В отпуск поеду куда-нибудь в Альпы. Или на Валдайскую возвышенность. А для Маркизы приспособлю корзину на багажник.

То-то будет весело, то-то хорошо!

9

Видно, не судьба мне поспать вволю. У самого дома нагнал милицейский «уазик», и Ракитин, приоткрыв дверцу, предложил:

— Подвезти?

— Да вот он, мой дом, будто не знаешь.

— Тогда зови в гости.

— Заходи, коли того... Пришел...

Николай выпрыгнул наружу, бодрый, энергичный, собранный. Мне стало досадно: отчего я такой квелый, словно вчерашнее картофельное пюре? Тоже хочу порхать и серењким чирикать перепелом. Наступит ли время?

Отпустив машину (я едва успел сделать ручкой Степан Степанычу, водителю), он зашагал быстро и пружинисто, заставляя меня еще больше пожалеть о лишних килограммах и пренебрежении утренней гимнастикой. Еще и бегать похвально, по утрам, вслед уходящей ночи. В кроссовках от известной фирмы или даже босиком, по примеру Ивана Харитоновича. Стекло вот только мешает, битое стекло. А то бы побежал, слово даю, побежал, присоединившись к адептам босикомства. К их чести нужно сказать, что босикомцы не только

не сорят, не только других призывают уважать землю, но и убирают ее при каждом удобном случае. Если увидишь в Теплом человека с ведерком, по пути подбирающим в него всякую дрянь, особенно битое стекло, то сразу ясно — босикомец!

Догнав у подъезда Ракитина, я придержал капитана за рукав:

— Вот здесь вчера некто напал на нашу санитарку, бабу Настю и нанес ей телесные повреждения. Искусал, проще говоря.

— Сильно искусал?

— Пришлось оперировать, переливать кровь.

— Она здесь...

— Она за мной приходила, из больницы. Ждала, пока я оденусь. А некто на нее и напал. Я вышел, выстрелил из твоего пистолета.

— Из твоего, — поправил Ракитин.

— Выстрелил, он и убежал. Хороший газ, однако.

— Хороший, — лаконично ответил Николай. — Потерпевшая в сознании?

— Когда я уходил — спала после операции. Последствия шока.

— Ты думаешь, шока?

— Что ж еще? — удивился я.

— Очень надеюсь, что ты прав. Ладно, зови

меня внутрь.

Но пока я у двери шарил по карманам в поисках ключа, открылась дверь напротив и выглянул Володя.

— А, Корней Петрович! — Он юркнул назад и вышел уже с туристским топориком. — Давеча вы в машине оставили.

Не глядя на капитана, я взял топор.

— Как там старушка?

— Жива, спасибо, что подвез. — Я торопливо открыл дверь. Навстречу выскочила Маркиза, встала на задние лапы и обняла меня. Ну, не меня всего, а левую ногу.

— Понимающая кошка, — деликатно сказал капитан.

Вода, по счастью, была. Вместо электромотора трактор приспособили, иначе водокачка опустела бы в три часа. Мы, теплинские, смекалистые!

Посадив кошку на табуретку, я вымыл руки и заглянул в холодильник. Одно название, что холодильник — хранил я в нем продукты стратегического резерва, которым тепло не страшно. Преимущественно консервы.

И початую «Гжелку».

— Ты теплую водку пьешь?

— Я даже горячую пью. Наливай.

Но я все-таки прежде открыл «кальмаров в собственном соку», «сайру тихоокеанскую» и нарезал черствого хлеба. Потом налил и водку. В один стакан.

— А себе?

— Перемирие у меня с водкой.

— Ага, понятно. — Он выпил, закусил кальмаром, сайрой тоже не побрезговал. Потом налил уже сам, потом еще. Обе банки смолотил, а бутылку уполовинил.

— Я, понимаешь, с дежурства, как и ты, потому голодный. Прослышал, здесь пальба была, решил проведать. А ты не промах, еще и с топором! Отбил старушку.

Я скромно убрал топорик за холодильник.

— Если серьезно, то знай, ты поступил совершенно верно. И учти, в данном случае ничто не может считаться превышением обороны.

— В каком — данном?

— В этом самом. На твоих глазах напали на старушку... Кстати, ты разглядел нападавшего?

— Какое. Испугался, выстрелил. Инстинктивно.

— Инстинкты у тебя здоровые. И потому, действительно, объявить перемирие водке — идея своевременная.

— Еще бы. Ведь четверо пропали на моих глазах.

— Четверо?

Я перечислил — невропатолог и трое из «Скорой», что поехали в Соколовку.

— Забыл, — укоризненно покачал головой Николай.

— Кого?

— Уж не знаю, как правильней, кого или что...

— Ты имеешь в виду пропавший труп?

— С него, похоже, все и началось.

— Пост хок эрго протпер хок, — блеснул я остатками институтской латыни.

— Кто пил, я или ты? Попрошу не выражаться на непонятных языках.

— После этого — значит, вследствие этого, — перевел я.

— Пожалуй, не совсем так, — после короткого раздумья ответил Ракитин. — Скорее, все это — звенья одной цепи.

— Цепи? Какой-то безумец убивает женщину самым диким способом, словно она упырь из легенд. Потом он же, или другой безумец, или группа, похищают тело из морга. Одновременно, но совсем не обязательно в связи с похищением тела, исчезает больничный сторож, который,

однако, вскоре обнаруживается у себя в сарае, повредившимся в рассудке. Спонтанная ликантропия — он, вообразив себя волком, кусает жену и нашего невропатолога. Доктор, накачав сторожа снотворным, отправляет того в областную психиатрическую больницу. Но и больной, и санитар, и водитель, едва отъехав, из машины куда-то исчезают. Невропатолог навещает меня, после чего тоже исчезает. Глубокой ночью у подъезда моего дома на санитарку нападает неопознанное лицо. Я верно излагаю?

— Ты, Корней Петрович, перечти Конан Дойла. Здорово помогает.

— С каких пор российская милиция чистит себя под Шерлоком Холмсом?

— Не остри. Устами Шерлока Конан Дойл говорит очень умную вещь: отбрось невозможное, и оставшееся, каким бы невероятным оно ни казалось, и будет истиной. Допусти: жертва убийства в самом деле была упырем. И тогда связь между событиями становится очевидной, — Николай говорил тоном насмешливым, несерьезным, словно расплачиваясь балагурством за выпитое и съеденное.

Я решил поддержать шутку.

— Тогда дела наши плохи. Святой воды нет, а

главное, статьи нет в уголовном кодексе насчет упырей. А нет статьи — нет и преступления. Если упырство — или упырячество, как правильно? — не запрещено, следовательно, оно разрешено.

— Ты, Корней Петрович, когда-нибудь слышал о секретных статьях уголовного кодекса? Уверен — нет, иначе бы серьезнее отнесся к предположению более сведущего в подобных делах товарища. — Он встал, потянулся, всласть, с хрустом. — Пойду я. Нужно добровольную народную дружину возрождать. Пока в отдельно взятом районе.

— Серьезно?

— Куда серьезнее. Мобилизовать людей на поиск пропавших. Милиции одной не справиться — подвалы обыскать, погреба, всякие другие места... Да и кто даст санкцию на обыск? А если добровольно — другое дело.

Я подумал о пропавшем Фе-Фе.

— Тогда и меня запиши.

— Тебе других забот хватит. По докторской части. И смотри, с пистолетом не расставайся.

— А если дело столь серьезное, то нельзя ли не газовых патронов, а настоящих, боевых?

Ракитин как-то странно посмотрел на меня, потом сказал:

— У тебя самые что ни на есть боевые патроны, разве ты не понял?

И, более ничего не добавляя, ушел.

Шутит он, нет?

Я настроил будильник, лег на диван и поспал десять минут. Отличная метода. Если спать дольше, час, другой, то остаток дня будешь чувствовать себя разбитым и слабым. За десять минут не успеваешь разомлеть. А отдохнуть успеваешь.

Проснулся за секунду до звонка и стал вспоминать, что увидел в короткометражном сне. Или не увидел, а просто придумал.

Придумка не очень мне нравилась, даже совсем не нравилась, но пренебречь ею я не мог. Нацепил кобуру с пистолетом, поверх надел рубаху навыпуск — по случаю летнего времени сойдет, поменял в фонарике батарейки и спустился вниз. Под домом был подвал, разгороженный жильцами на клетушки, картошку на зиму хранить, прочее. Те, кто похозяйственнее, имели настоящие погреба, вне дома, а этот использовали для всякого хлама. Но замки на каждой клетушке висели могучие, словно хранилось в них достояние республики. Правда, сам подвал запирался на палочку, а то и вовсе не запирался. Сегодня вот не запирался. Палочка лежала рядом, а дверь была

просто прикрыта.

Я ее распахнул, глянул внутрь. Не пахло ни сыростью, ни говнищем — в соседнем подъезде жил коммунальщик из районной администрации, и потому поломки и протечки устраняли с завидной быстротой. Завидной для тех, кто жил в доме по соседству.

Спустился на ступеньку вниз. Потом еще на ступеньку, на десятой включил фонарик.

Было спокойно и тихо. Я вытащил пистолет из кобуры, снял с предохранителя. Глупо, даже смешно. Выйду из подвала и посмеюсь от души.

Лестница кончилась, начался лабиринт. Где-то в трубах булькало, переливалось — Минотавру хотелось есть.

Я шел, глядя и по сторонам, и под ноги. Мусора в подвале было мало, когда прошлой зимой неделю стояла котельная, каждую щепочку подобрали на прокорм буржуек и впредь уже не бросали. Кто знает, какова будет зима нынешняя...

Замки на клетушках пребывали в исправности. Вот и моя клетушка, тоже под замком, хотя внутри ничего нет.

Я обошел подвал, но следов Федора Федоровича и других пропавших не нашел.

А разве могло быть иначе? Что им тут делать, в

подвале, от кого прятаться?

Уже подходя к выходу, я увидел на полу клеенчатый лоскуток.

Поднял, пригляделся.

Когда человек рождается, ему на запястья привязывают клеенчатые бирочки, на которых написано, кто он, собственно говоря, таков. Чтобы не перепутать с другими младенцами.

Когда человек поступает на секционный стол, ему тоже привязывают бирочку, но уже на ногу. Обычно — на лодыжку. Если труп хранится в ячейке специального холодильника, то лежит он ногами к дверце. Открыл ее и сразу прочитал, тот труп или не тот. У нас холодильника нет, но порядок, он для всех порядок. И я лично написал на бирке: «Баклашова Н. И. 1962».

И теперь эту бирку я нашел в подвале собственного дома.

10

Конечно, в подвале холоднее, нежели на улице или в квартире. Но не настолько же!

Дрожь колотила, трясла, едва ли не ломала.

Я поспешил наверх.

По счастью, никто меня в подъезде не встретил.

Ах, каким искушением была бутылка «Гжелки», в ней оставалось еще достаточно, стакан с лишком мужества и отваги, чуть тепловатых, но полностью готовых к употреблению.

Вместо этого я неспешно поставил на огонь чайник. Газ по трубам пока шел, а кончится, у меня примус есть.

Я следил за чайником и предавался пустым размышлениям. Потихоньку уходит — не страх, нет, что страх, страх штука полезная, мобилизует силы. Уходит ужас, парализующий, обессиливающий, лишающий проблеска мысли ужас.

Когда вода наконец вскипела, я нашел приемлемое для рассудка решение. Совсем недавно здесь, на этой кухне, капитан Ракитин говорил о том, что если убрать все невозможные объяснения, то оставшееся, как бы маловероятно оно ни было, и

есть верное. Неспроста говорил, с намеком.

Приход сюда мертвого тела, упыря, я считаю совершенно невероятным. Не верю я в упырей. А вот если кто-то, рассказав про предстоящий обыск подвалов, подкинул в подвал ярлычок — маловероятно, но возможно. Не буду указывать пальцем, хотя знаю, что этот кто-то Ракитин и есть. Дурацкая шутка. Крайне маловероятная шутка. Но куда вероятнее, нежели крадущийся в ночи упырь.

И потом, откуда мне знать, что именно Ракитин считает смешным? Как он, собственно, относится ко мне? Вдруг я ему неприятен, хуже того — ненавистен. Маловероятно? Но вероятнее, чем упырь. Вдруг он и похитил тело. Не представляю зачем, но еще труднее представляю упыря.

Я поднял с пола за уголок клеенчатый ярлычок (конечно, мои отпечатки на нем есть, так они и с самого начала были, мне б чужих не попортить) и спрятал в пластиковый пакетик.

Чужая душа — потемки. Иногда. Иногда же она — черный, густой, беспросветный мрак. И никакой фонарь, никакая свеча тот мрак не рассеет. Сунется самонадеянный человечек в чужую душу, а мрак его окутает, опутает и засосет, как Черная Топь. Есть в районе такое местечко.

Километрах в двадцати. Стра-а-ашное место, говорят. Сам я там не был, но слышал, как им пугают детей.

Что ж, если Ракитин хочет меня разыграть — пойду ему навстречу. Отчего ж не пойти? Притворюсь, что жутко напуган, мне не трудно, стоит только вспомнить собственное состояние получасовой давности. Буду вздрагивать от громкого стука, от телефонного звонка (если телефон когда-нибудь оживет), бледнеть при упоминании ночи и носить пистолет с досланным патроном. Мне не трудно.

Посмотрю, что из этого получится. Неизвестно, кто над кем посмеется в итоге.

И на душе стало немного спокойнее и даже веселее. Вот оно, волшебное действие настоящего китайского зеленого чая!

Чай я пил до донца чашки, потом чашку вымыл и выглянул в окошко. Не зря выглянул — издали увидел идущего в направлении дома 24 по улице Советской — моего дома, между прочим, — человека, похожего на Дмитрия Морозовского, претендента на звание второго шахматиста Теплинского района.

На часах было только три, и я удивился — в это время Морозовский должен был вовсю работать.

Надежда и опора района, птицефабрика была акционерным обществом, и каждый ее работник был отчасти и совладельцем. На фабрике платили пусть маленькую, но зарплату, но больше уповали на будущее, живя по принципу «нам бы день простоять да ночь продержаться». Директор слыл честным, умным и толковым человеком, на Канары не ездил, особняк не строил, джипом не обзавелся, и потому основания верить, надеяться и добросовестно трудиться у акционеров были: вдруг да и получится капитализм с человеческим лицом. И вот один из лучших работников, отличный водитель (яйца в город возить — работа не из легких, а у Морозовского бой при транспортировке нулевой) идет по улице, и идет явно ко мне.

Странно.

Еще страннее был его вопрос, когда я, не дожидаясь стука (чтобы не вздрагивать) встретил его у открытой двери.

— Док, ты про куриный грипп что знаешь?

— Почти ничего, — честно ответил я. — Не ветеринар, даже не инфекционист я. Хирург. Резать умею.

— Резать! — И Митька, не сдержавшись, стукнул по стене. — Резать, мать-перемать!

— Ты успокойся. Успокойся. Что случилось?

— Аты не слышал? Уже, говорят, и по «Маяку» сообщили.

— О чем? О пропавших людях?

— Каких людях? Куры наши пропадают! — И он зарыдал.

Я завел его в комнату. Митька не сопротивлялся, не сопротивлялся и «Гжелке», которую я налил.

— У нас столько сил ушло... Мы так надеялись...

— Ты толком объясни, что случилось?

— Из области с утра приехали люди. Из ветнадзора, говорят. Ну, встретили их честь по чести, как полагается, а они возьми и объяви: куры-де ваши носители гриппа. Особой злокачественной формы. И потому их требуется зарезать и сжечь подчистую. А можно и так сжечь, живьем.

— Откуда ж он взялся, грипп? Ваши куры что, больные?

— Какое! Здоровее не видал. Отбраковка, падеж — ниже нижнего предела. Мы ж как с ними возимся!

— Но почему под нож?

— Нет, не под нож, то есть не сразу под нож. Должно подтверждение из Москвы прийти. А пока — карантин.

— На фабрику?

— На весь район! Он, куриный грипп, говорят, через людей передается. Правда?

— Передается.

— А на фабрике у нас, считай, со всего района работают. Вот на район и карантин. Вам что, в больнице не говорили? Вы ж в первую очередь знать должны.

— Я рано ушел. Должны, конечно. Карантин — это не шутка. Но почему ты здесь?

— Везти мне нечего. И некуда. И не только мне. Карантин, он всем карантин. На выезде из района пост, всех заворачивают. Ни въехать, ни выехать. Как при чуме.

— Ты видел чуму? — не нашел более умного вопроса я.

— По ящику. Американское кино.

— А пост видел?

— Ну! Я ж поехал в Черноземск, меня и завернули. Даже приблизиться не дали. Транспарант «Карантин», бетонные блоки посреди дороги, колючка и автоматчики.

— В противогазах?

— Нет. В респираторах. У нас на фабрике такие же есть — при обработке против куриного клеща положено носить.

— Какой обработке?

— Окуриваем всякой химией для профилактики... Окуривали, — он опять загрустил. — А от куриного гриппа средства, говорят, никакого нет. Я и решил спросить тебя про этот грипп. Машину в гараж загнал, и вот...

— Я в больницу вернусь, может, там что знают.

— Ага. И тебя тоже того... В карантин.

— Идем вместе, — предложил я. И Митьку одного оставлять не хотелось, и самому веселее.

Заодно и хлеба куплю.

Поход мой оказался коротким — в поликлинике оставались те, кому выпала вторая смена, в стационаре же и вовсе никого.

Карантин? Начмед завтра обещал разъяснить. Бумагу ждет. Пока же велено носить ватно-марлевые повязки и проводить влажную уборку с хлорамином, вот и все.

Все, значит, все. Я могу быть спокоен. Ватно-марлевая повязка — наша сила. Трепещи, поганая бацилла. Стишок неважнецкий, но для санбюллетеня сойдет. Начмед обожает всякие санбюллетени, в стихах и с рисунками.

— Больнице хоть бы что. А фабрику закрывают.

— Мы ж не кур лечим, — ответил я Митьке, но

сомнения были и у меня. Карантин... А не уехал ли прочь Алексей Васильевич именно потому, что раньше других узнал о карантине? Поэтому и спешил, чтобы блокпосты проскочить.

Ноги после больницы сами повели в магазин. Я купил хлеб и двадцать банок консервов. Кто его знает, как теперь будет с питанием. Впрочем, картошка молодая уже есть, лук есть, с голоду не умрем.

Митька же с горя порывался купить водки. Насилу отговорил, прибегнув к логике кошелька: раз с работой перспективы туманные, нужно копейку беречь, а не водку пить. Возьми лучше пачку зеленого чая — недорого, хватит надолго, и голова останется ясная. Ясная голова ох как пригодится. В конце концов, станет невмочь — сам и нагонит горилки из картошки.

Митька сопротивлялся недолго, а услышав мое предложение — организовать матч-турнир Большой Четверки, — сдался окончательно. Раз карантин, то следует не унывать, а, напротив, проводить время в приятности и забавах. Об этом даже Пушкин стихи сочинил, «Пир во время чумы».

Мы зашли в спорткомитет и застали Соколова за пишмашинкой.

— Пишем? — спросил Морозовский.

— Барабаним, — ответил Соколов, не отрываясь от клавиш. — Третью страницу.

Мы сели тихонечко в уголок и стали ждать, пока Соколов добарабанит урок.

Работа в спорткомитете устраивала Соколова тем, что давала массу свободного времени. В свободное время он творил. Писал романы. И эти романы публиковали! Уже шесть штук увидели свет. Что бы ни случилось — война, наводнение, понос или, вот как сейчас, карантин, — Соколов выдавал на-гора три страницы очередного детектива. Свои пределы он знал и на четвертую страницу не замахивался. «Таланта не хватает на четыре страницы», — как-то после попойки признался он. По мнению Соколова, обыкновенный писатель, вроде него, пишет по три страницы в день, хороший — по пять, отличный — по десять. А самый замечательный способен и на большее. Три страницы в день, триста дней в году — девятьсот страниц. Аккурат два романа, по четыреста пятьдесят страниц каждый. Шестьдесят пять оставшихся дней Соколов оставлял на правку, на непредвиденные обстоятельства, а ежели таковых не случалось, то писал впрок, про запас.

Романы Соколова я читал. Действовал в них

отставной капитан, инвалид афганской войны. Потеряв под Гератом правую руку, он оставшейся левой творил справедливость, наводя ужас на воров в законе, воров вне закона, а также шпионов и террористов. Капитан наловчился бросать особые метательные ножи, за тридцать шагов попадая в спичечный коробок или негодяю в горло, по обстоятельствам, и потому, естественно, кличка у него была «Метатель». И книги назывались соответственно: «Метатель чистит город», «Метатель в зоне», «Метатель и президент». Сейчас Соколов заканчивал очередное творение, «Метатель едет в Багдад», но о чем оно, не говорил.

Если честно, никто и не спрашивал.

Наконец он вытащил листок из машинки, добавил к двум другим листкам, спрятал листки в папку, а папку — в сейф.

— Итак, господа, вы пришли, чтобы сообщить мне пренеприятнейшее известие? — сказал он, не отойдя еще от творческого состояния, так как использовал свой фирменный литературный прием: цитируя классиков, немножко их перевирать.

— Да уж ты, верно, знаешь, — ответил Морозовский. — Куриный грипп на фабрике.

— Не падай духом. На земле живем, не на ас-

фальте. Земля, она всегда прокормит.

— Прокормит, — после секундного размышления согласился Морозовский. — Если ее за долги не отберут.

— А ты не отдавай.

— К бунту зовешь? К топору? Против законной власти?

— Ладно, политики, — счел за благо вмешаться я, — не о том речь. У нас предложение конструктивное.

— Какое?

— Давай-ка организуем шахматный турнир. Официальный.

— Официальный по плану в декабре. Чемпионат района. А летом люди работают.

— Хорошо, полуофициальный. Кубок вызова, например.

— Кому вызов-то?

— Гриппу куриному. Несмотря на грипп и прочие невзгоды, теплинские шахматисты сохраняли бодрость духа и с присущим им от рождения героическим оптимизмом демонстрировали району, области, стране и миру невиданное самообладание и веру в мудрость начальства. Звучит? — я едва не запутался, выдавая на-гора тираду. Все-таки справился.

— Что-то в этом есть, — признал Соколов. — Вроде изучения основ марксизма-ленинизма на льдине.

— Какой льдине?

— Какой-нибудь. Папанинской. Или той, на которую высадились после гибели «Сибирякова».

— Сравнил... Одно слово — писатель.

— Жаль, телефон никак не наладится. Под это дело у облспорткомитета нужно тыщонку-другую выбить. И прессу дать, показать работу лицом, — он посмотрел на телефон. Снял трубку, подул, совсем как я давеча. — Молчит. Вот что значит — нет мобильной связи.

Связи у нас в самом деле не было. Район маленький, бедный и донельзя отдаленный, потому операторы сотовых станций не спешили строить здесь передатчик или что там положено. К тому же над районом наблюдались какие-то отклонения в прохождении радиоволн — якобы из-за близости Курской магнитной аномалии. Радиоприемник на длинных и средних волнах трещал немилосердно, а на УКВ ловил один «Маяк» с ретранслятора в соседнем районе.

Повздыхав еще чуть-чуть, мы решили позвать Бахмагузина. Легко сказать — позвать, до совхоза «Плодовод» добрых пять километров, не докри-

чишься.

— Я съезжу, — решился Соколов.

— Когда?

— Чуть позже, когда он с работы придет. Сейчас в совхозе самая работа. Яблони, они гриппом не болеют.

— Как знать, — пробурчал Морозовский. — И потом, куда они свои яблоки-груши денут, если карантин?

— Да уж найдут куда. Хотя, конечно...

— Вот именно. Я ж говорю — принцип домино.

«Плодовод» отправлял большую часть добра на консервный завод в соседний район. Был и свой заводик, но старенький, работающий на трехлитровых стеклянных банках. Линии постоянно ломались, а Бахмагузин их столь же постоянно чинил. Наш вариант мифа о Сизифе. Но всего выращенного заводику нипочем не одолеть.

— Водки осенью будет... — мечтательно протянул Соколов. — Нужно ж фрукты в дело пускать.

— Не водки. Кальвадосу, — поправил я. — Яблочная водка кальвадосом называется.

— А грушевая?

— Из сахарного тростника ром получается.

— Эк куда хватил... не Куба, чай.

Разговор разладился. Морозовский пережи-

вал беду на птицефабрике, Соколов обдумывал роман.

А я? Неужто у меня иных забот нет, чем деревяшки двигать, бодриться?

Мы скоренько договорились встретиться завтра — и разошлись.

11

Пожалуй, я просто пытаюсь спрятаться. Спрятаться в повседневную суету, мелкие радости и заботы, окружить себя людьми, создав барьер между собой — и чем?

От чего я прячусь?

От непонятного.

Взять бы отпуск да махнуть куда-нибудь подальше... Главный врач так и сделал. А я, я опоздал. Карантин. Разве тайной тропой пробраться?

Ага. Подземный ход проложить, прямо до самого до Черно-земска.

Да и кто мне даст отпуск во время карантина? В обычные дни можно больных в соседний район посылать, по договоренности. Когда тот хирург в отпуске, его больные ездят ко мне. Канитель страшная, хирургическому больному не до разъездов, потому в отпуск я не ходил. Зачем? Если останешься в Теплом, то это и не отпуск вовсе. Все равно бегут домой, выручайте, мол, экстренный случай. А выехать куда-нибудь — на какие деньги? Отпускные?

Это как инвалидам положили по пятьдесят рублей на санаторий от щедрот государства.

Думал-то я о постороннем, а ноги сами привели к УВД.

Зашел прямо в ракитинский кабинетик и, не здороваясь — виделись уже, — положил пакет с клеенчатой биркой на стол.

Ракитин как дремал, так и продолжал дремать. А с виду — работает над документами. Сидит в позе роденовского мыслителя, подперев голову рукой, глаза полуприкрыты, на столе раскрытая папка. Эту его манеру я знал хорошо. Знал также, что система «свой-чужой» у Ракитина включена, и зайди сюда человек, перед которым дремать нельзя, он тут же проснется.

Я сел на стульчик у стены, подальше от раскрытой форточки.

Спит, и пусть. Как знать, что делал прошлой ночью Николай. И уж точно невозможно предсказать, что он будет делать ночью этой. Работа наша такая, работа наша простая...

Я оперся головой о стену. Внезапно сонливость налетела на меня, как налетают чиновники на гуманитарную помощь. Я решил тоже подремать.

Видно, я и в самом деле умотался, потому что когда открыл глаза, в кабинете были и Виталий Резников, и Сергиенко, и, конечно, сам Ракитин. Они сидели вокруг стола, смотрели на клеенча-

тый ярлычок, принесенный мною, и говорили о чем-то тихо, стараясь не разбудить меня, или же просто из конспирации.

Алый свет, освещавший кабинет, говорил: солнце клонится к закату, значит, проспал я изрядно.

— Выспался? — спросил Ракитин и, не ожидая ответа, продолжил: — Организм, он чует, когда обедать, когда спать. Вернее, предчувствует.

— Что — предчувствует? — Я встал. Ноги затекли. И руки словно пересаженные от какого-нибудь бездельника, такими руками не оперировать, а затылок чесать, и то страшно. И шея того...

— Ты разомнись, разомнись. Зарядочку сделай, наклоны, повороты, вращения... Бессонную ночь предчувствует твой организм.

— Отчего ж непременно бессонную? — Я послушался здравого совета и отбил дюжину земных поклонов портрету Феликса Эдмундовича.

— Ты мне что принес? — вопросом на вопрос ответил Ракитин. Типичная манера ведения разговора, присущая работникам уголовного розыска и велосипедистам.

Я коротко рассказал о своем путешествии в подвал.

— Наш человек, — одобрительно сказал Николай. — Храбрый и глупый.

— Почему — глупый? — попробовал обидеться я.

— Вот ты не спросил, почему храбрый, что, собственно, тоже косвенное доказательство... — Ракитин не окончил фразу, махнул рукой.

— А если б оно ждало тебя в подвале? — Виталий спрашивал серьезно, без подвоха.

— Кто — оно? Чудовище? Упырь? Постановление областной думы о взимании платы за пользование пешеходными переходами?

— Вот и с другими так же, если не хуже. Стена неверия. Всяк норовит либо шуткой отделаться, либо в Соколово отправить, надев предварительно смирительную рубашку, — Виталий говорил без горечи, просто констатировал факт.

— Неверия во что? — не отставал я. — В Бабу Ягу и Кощея Бессмертного?

— Хватит, — вступил в разговор Сергиенко. — Разводить дискуссии нам сейчас некогда. Даю вводную. Веришь, не веришь, а за тобой, Корней Петрович, охотится маньяк. В маньяков ты веришь?

— Приходится. Чем только я ему глянулся, маньяку?

— Тем, что распотрошил его жертву. Труп из Волчьей Дубравы. Очень он на тебя обиделся. Считает, что ты не в свое дело впутался. Ну, как если б ты картину Шишкина улучшать стал. Маньяки, они ревнивые, гениями себя считают. Теперь он хочет отомстить. На свой манер. Попутно этот маньяк и других не щадит, кто подвернется. Вот так, крайне упрощенно, в первом приближении. Понятно?

— Чего ж не понять, понятно. — Я лихорадочно вспоминал. Маньяк? Почему нет? Это собственных Ньютонов земля наша рожает редко, а Чикатил всяких в изобилии. — Только кто этот маньяк?

— Знали бы — взяли бы. Но узнаем и возьмем.

— Возьмем непременно, — подхватил Виталик. — Без всяких церемоний. Жестко и надежно.

— Мы только сегодня додумались, бараньи головы, — самокритично сказал Николай, — после того, как узнали, что ночью на тебя напали. То есть не на тебя, на санитарку, но все равно у твоего дома. А тут еще и бирка с трупа. Один к одному. Ты его шуганул, спецсредство крепкое. Но маньяки, они упорны. Поэтому ночью возможно повторение нападения.

— И вы решили использовать доктора Ропоткина как живца, — дошло наконец до меня.

— Что-то вроде этого, — не смущаясь, согласился Ракитин. — Не возьмем — он на других переключится, неподготовленных, слабых, безоружных. Совсем плохо будет.

— А если нападет на меня, то хорошо, — съязвил я.

— Очень хорошо, — подтвердил Ракитин. — Просто замечательно. Ты предупрежден — раз. Ты вооружен — два. Ты смелый и хладнокровный — три. И ты с ним уже встречался — четыре. И, наконец, пять: мы придем спасать. Мы будем неподалеку от тебя, и, как только маньяк появится, мы его и того...

— Задержим, — быстро сказал Виталий.

— Именно. Задержим, повяжем и спать уложим.

— Замечательно, — согласился я с планом, — а неподалеку от меня — это как неподалеку? Три метра, тридцать или три километра? И сколько людей будет задействовано в операции?

— Отвечу по порядку. Лучше всего было бы, конечно, устроить засаду прямо у тебя на квартире. Или, по крайней мере, в самом доме. Но этот э-э... маньяк очень подозрителен и чуток. Возможно,

он уже сейчас наблюдает за домом. Поэтому мы будем делать засаду на квартире у меня, — сказал Николай.

— У тебя? Зачем?

— От моего дома до твоего двести метров. Если верить лазерному дальномеру — сто девяносто восемь. Я проверял. Это медленным шагом три минуты, а бегом — тридцать секунд. Еще двадцать — спуститься-подняться. Из окон моей квартиры твои окна видны очень хорошо и без бинокля. А у меня, как ты знаешь, двадцатикратный морской бинокль с объективами в семьдесят миллиметров, прекрасно все видно в сумерках и при свете луны. Даже если мы проглядим маньяка и он начнет ломиться в дверь, ты подашь сигнал, и через пятьдесят секунд мы будем у тебя. Уж пятьдесят-то секунд дверь твоя выдержит. Но мы не проглядим. К тому же у тебя есть пистолет. Есть?

Я задрал рубаху.

— Ага, порядок. Что касается числа участвующих в операции — их трое, все перед тобой.

— А не маловато будет?

— А ты прислушайся.

Я прислушался. Ничего не услышал. Совершенно.

— Домой разошлись?

— Обеспечивают герметичность карантина. Весь состав районного отделения внутренних дел, способный держать оружие, патрулирует проселочные дороги или сидит в секретах, чтобы не допустить прорыва периметра.

— Вот, значит, как...

— Именно так, и никак иначе. — Он распахнул окно настежь. Было тихо, словно не только милиция, а и все остальные граждане попрятались по секретам. Стоит убрать промышленные, транспортные шумы, теле- и радиоверещание, что останется? По вечернему времени, дороговизне бензина и обложному карантину транспорт поставили в гараж или кто уж куда придумает, и даже отважная молодежь не гоняет на мотоциклах по улочкам и тропинкам.

Хрюканье поросенка откуда-то издали умилило до слез: стало ясно, что на этой планете мы не одни.

— Вверенное население пребывает в мирном довольстве, — констатировал Николай и закрыл окно, да не кое-как, а на каждый шпингалетик. Какая разница, если на окнах все равно решетки, даже здесь, на втором этаже: чтобы подследственные в горячке чистосердечного признания не выпрыгивали наружу. Всякое бывает.

— И, как я понимаю, мирное довольство нам и следует сохранить? — я постарался ответить легко и весело.

— Будем стараться. Но — тебе пора, знаешь, — Ракитин всем видом показал, что и рад бы поговорить подольше, да обстоятельства не позволяют. — Иди, а мы вослед.

Я и спорить не стал. Правы они. Вечереет. Вечером же, а особенно ночью, следует быть дома.

— А сигнал? — спросил я уже на пороге кабинета. — Какой сигнал я должен подать?

— Я думал, ты позабудешь.

— Как видишь, нет. Все-таки любопытно, мне запеть «Боже, царя храни», дать два зеленых свистка или еще что-либо в том же духе?

— Посветить в окно фонариком. И для подстраховки — фонарики отчего-то портятся в самый неподходящий момент — запустить красную ракету.

— Ракету?

— Сигнальную. Проще не бывает. Открыл окно, дернул за веревочку, и все, запуск осуществлен.

Он вытащил из ящика трубку со шнурком, меньше школьного пенала.

— Ага. Сигнальная ракета. Понятно. — И, спрятав пиротехническое изделие в карман, я пошел.

Человек-арсенал. Ракета, пистолет, а дома еще топор и баллон с какой-то гадостью.

А ведь Эрик Соломонович ситуацию предвидел, не зря приглашал меня погостить. Но ведь придется возвращаться. Сейчас, по крайней мере, мне обеспечены наблюдение и подмога.

Я шел быстро, но вечер надвигался еще быстрее. Себе я казался шаром, круглым бильярдным шаром. Не потому, что живот круглый, а просто — катаюсь как неприкаянный, от борта к борту, никак в лузу не попаду. Либо кий кривой, либо маркер.

Докатился до дома, аккурат когда солнышко коснулось горизонта. Успел. Мимо двери в подвал прошел с опаскою. С опаскою же поднялся по лестнице, багровой от пробившихся сквозь пыльное окошко закатных лучей. Инферно, а не лестничная площадка.

На площадке я разминулся с Володей. Тот спешил в пивную, но не пиво пить, а работать — чинить пивопровод.

В квартире тоже полыхал закат, но уже сквозь окна, чистые и большие. Вспомнил, как мыл их особой стекломойной жидкостью двойного назначения: ее еще и пить умудряются. Не летом, летом опасно. Зимой, в мороз, берут вы-

стуженный железный прут, а лучше уголок, и по нему пускают стекломой. Всякая дрянь к железу примерзает, а очищенный спирт течет прямо в стакан. Морозная очистка, русский гений.

О стекломойной жидкости я думал специально, чтобы одно воспоминание о ней отбило желание выпить. Не то чтобы я ее пил, нет, не случалось. Но людей, ее пьющих видел. И совсем не последних людей. Только уподобиться им не желал. А они, те люди, тоже ведь не со стекломоя начинали. С водочки, некоторые даже с коньячка.

Маркиза сидела на спинке дивана, и вид у нее был неважный. Похудела, осунулась, шерстка не блестит. Зато глаза сверкают пронзительно, и когти все — наружу.

Я ее снял, вернее, хотел снять со спинки дивана, да не тут-то было. Маркиза фыркнула и предупреждающе подняла правую переднюю лапу. Боевую. Не знаю, оцарапала бы она меня, нет. Проверять не хотелось. Но чувствовал себя я прескверно. Неладно что-то в нашем королевстве, коль кошки на хозяев осерчали. Может, псиной от меня пахнет? Наступил я на песий след и домой занес?

Я проверил воду в Маркизиной плошке. Есть вода. Проверил еду. Есть и еда, лучший из коша-

чьих кормов, купленный у надежного продавца. Поправил когтеточку, висевшую на стене и уже порядком изодранную. Что я еще могу для Маркизы сделать? Колыбельную спеть?

Пользуясь остатками света, я навел порядок на кухне, залил в лампу керосина, вставил в подсвечники — их у меня четыре, фигурные, работы местного мастера, — новые стеариновые свечи. Положил на подоконник сигнальную ракету. Открыл форточку. Проверил фонарик, лампочка светила, как должно. На стол положил пистолет, рядом баллончик с газом. Подумав, газ убрал в карман: в комнате брызгаться — себе хуже. Кто их знает, маньяков, какова у них устойчивость к неизвестным газам. Я рыдать буду, кашлять, сознание терять, а он вдруг нечувствителен? Невеселая тогда меня ждет судьба.

Пистолет тоже газовый, но эффект от него перекрывает возможные неудобства. Сам видел. И что это за патроны такие? Явно не перчик. И не кураре. С огоньком патроны.

Переложив предметы еще и еще — не то чтобы искал удобство, атак, чтобы привыкнуть к ним, — я зажег лампу, вымыл руки с мылом, чтоб не пахли керосином, и стал ждать.

Дом наш самый обыкновенный. Звукоизоля-

ция паршивая, шепота соседей не слышно, но если говорят в полный голос, разобрать можно. Ну а если начнут кричать, выясняя, куда уходят деньги, получается совершенный эффект присутствия. На счастье, кричали редко, чаще телевизор бубнил за стеной, зато уж до поздней ночи. Но без электричества телевизор не работает.

Потому, наверное, и тишина.

Даже трубы не поют.

С трубами все оказалось просто — в кране не было воды. Хорошо, я запасливый. Тридцать литров питьевой, сто — бытовой. Переможемся.

Выглянул в окошко. Сумерки еще не сгустились, видно далеко.

На удивление, никого не увидел. Не маньяка, маньяк, поди, придет ночью, а людей обыкновенных, тех, которые ходят в пивную, ходят в гости, ходят просто так. Даже в дождь ходят, в непогоду, а сейчас, когда и тепло и сухо, — пустынь.

Или, напротив, все в пивной? Сидят в пивной и ни шагу домой. В пивной и карантин не страшен, пиво делают здесь, в районе.

Скрипнула дверь — рядом, на лестничной клетке.

Я не вздрогнул. Дело привычное — дверь. Хоть часы сверяй. Соседка Вера, жена Володи, пошла

в подвал. Она каждый вечер туда ходит. Грибы выращивает, вешенки, и в пивные сдает, на закуску. Я пару раз их попробовал — не в пивных, просто по-соседски угостили. На любителя, а я не любитель, я профессионал. Или воображаю себя таковым.

Я слушал, как Надя спускается по лестнице, как открывает дверь в подвал, но дальше мой слух был бессилен. Мой, но не Маркизы. Кошка подняла голову, вслушиваясь в молчание дома. Тишина ей не нравилась — кончик хвоста нервно вилял, шерсть поднялась. Внезапно она взвыла. Вой ее был тише давешнего, но нервы мои оказались перетянутыми, и я вздрогнул от души.

Маркиза тут же умолкла, и только поэтому я расслышал короткий сдавленный крик.

Что делать?

Звать подмогу? Причина — кошка воет. Слабовата причина. Этак операцию сорвешь без всякой пользы. Я прислушался. Крик не повторился. Ну и что — крик? Вера мышку увидела, в подвале они водятся, а соседка мышей боится до обморока. Ведь я сам днем проверял — пустой подвал, никаких маньяков. И вообще, у нее муж есть, пусть и смотрит.

Ах да, он же в пивной.

Ладно, раз подвал пустой, то я могу с чистой совестью посмотреть, что и как. Вдруг и в самом деле нужно помочь Вере от мышей отбиться.

Топор я оставил в комнате: увидит Вера меня с топором в подвале, перепугается еще больше. Прихватил баллончик — из всего арсенала он выглядел самым безобидным.

В одной руке — баллончик, в другой — фонарик. Иду моль травить подвальную, муравьев или тараканов. Сейчас отругаю Веру, чтобы не пугала народ зря, и назад, на пост, кусочком бесплатного сыра работать.

Не обращая внимания на протесты Маркизы, я вышел на лестницу, спустился вниз, стараясь не споткнуться. В кино герои, а больше героини постоянно спотыкаются, роняют фонарики, пистолеты, мобильники, падают сами и, вместо того чтобы быстренько встать, только беспомощно визжат, пока к ним приближаются чудовища и маньяки.

Ну, я не в кино.

Я в Теплом.

Подвал был столь же неприветлив, как и днем, но я шел по нему по-хозяйски, высвечивая мощным лучом галогеновой лампочки амбарные замки, трехколесный велосипед без педалей и

цепи, дырявое корыто и прочее добро, которое прятать под замок глупо, а выбросить жалко, вдруг пригодится.

Вот и моя клетушка, а следующая — соседей. Дверь открыта, похоже, горит огонек, но мой фонарик его забивает.

— Вера, ты здесь? — позвал я.

— Ой, Корней Петрович, вы? — отозвалась соседка.

— Я, я, — зря, что ли, немецкий в Школе учил. — Ты, Вера, зачем кричала?

— Мне просто показалось, — ответила она. — А что?

Спрятав баллончик в карман, я заглянул в отсек. Вера, стеллажи, грибы, никаких маньяков.

— Ничего. Нервы.

— Ой, у меня тоже, после вчерашнего. Какой ужас! На улицу выйти страшно. Как она, ваша санитарочка?

— Поправится, надеюсь. — Бабе Насте шестьдесят четыре года, а она все санитарочка. — Раз только показалось, я пойду.

Вера занялась вешенками, а я поплелся назад. Хорошо хоть подмогу не позвал. То-то опозорился б.

Жаль, не спросил, что именно показалось сосед-

ке. Ладно, неважно. Пусть хоть крысиный король явится, я больше из квартиры ни ногой. Заварю свежего чаю и буду читать про африканские приключения. Очень успокаивает.

Пробыл в подвале я дольше, чем думал: на лестнице было темно, сумерки перешли в ночь. Вдалеке громыхнуло. А, это тучи грозовые наползли, оттого и тьма. Только-только подсохло, и на тебе. Одно слово — Топлое.

Узкий пучок света фонарика едва не сметал пыль со ступенек. Ярко светит. Но только в одном направлении.

На середине лестничного пролета я вдруг понял, что за мной кто-то идет. Не просто идет — крадется.

Я хотел было развернуться — резко, внезапно, — как в спину мне уперлось что-то острое.

— Не двигайтесь, доктор!

12

Я замер.

— Погасите фонарь, он слепит.

Развернуться, да и врезать фонарем? Плохая идея. Лучше послушаюсь и погашу.

— Очень хорошо.

Неизвестный не говорил — шептал, а шепот узнать трудно. Но мне казалось, что человек за спиной мне знаком.

Чужая рука схватила меня за запястье. Странно. Он что, пульс мой считает? Насчитает изрядно, сердце колотится бойко.

— Фу… — в шепоте чувствовалось облегчение. — Вы живой!

— Живой, — подтвердил я. — Пока.

Неизвестный отпустил запястье и убрал острие от спины.

— Вам нельзя домой.

— Почему?

— Они могут быть там, внутри.

— Они?

— Упыри.

Грохнуло ближе. Надвигается гроза.

Я осторожно повернулся. Нет, слишком темно.

— Я боялся, что и вы упырь, — признался невидимка.

— Я не упырь, — на всякий случай сказал я.

— Тише, тише пожалуйста. Они услышат!

— Упыри? — перешел на шепот и я.

— Именно. Слух у них неважный, у молодых, шептать можно. Но громко говорить опасно.

— А у старых?

— Здесь нет старых. Надеюсь, нет.

Сверкнула молния, еще неблизкая, но вспышки хватило, чтобы я разглядел собеседника. Петренко, министр финансов из Волчьей Дубравы. И в руках — кол.

Прав был Ракитин, маньяк сам пришел ко мне. А я, вместо того чтобы отсиживаться за закрытой деверю, пошел по подвалам бродить, глупец. Вот и добродился.

— Я промедлил, — прошептал Петренко, — нужно было раньше. Но пока сообразил, пока решился...

— На что?

— Действовать. Я ведь долго сомневался, не верил, что Баклашова упырь. Случайность помогла...

Дослушать я не успел. Еще раз сверкнула молния, яркая, слепящая, оглушительно ударил гром

— и я бросился вверх, забежал в квартиру и захлопнул за собой дверь. То ли молния ошеломила Петренко, то ли он просто не хотел меня убивать, раз уж я не упырь, но преследовать он меня не стал. Только крикнул отчаянно:

— Доктор, вернитесь!

Нет уж, не дождется. Кто знает, что еще придет в голову упыреборцу из деревни Волчья Дубрава.

Нужно подать сигнал, пусть могучая кучка с ним разбирается. Я свое дело сделал — остался живым. Большего желать грешно.

Я проверил замок, сначала на ощупь, потом вспомнил, что держу в руке фонарь, и включил. А чего смотреть, замок простенький, модель «честное пионерское», никаких секретов, либо открыт, либо закрыт.

Батарейки садились прямо на глазах, луч из ослепительно белого стал тусклым, потом совсем желтым... Не напасешься батареек, старятся быстро. От переживаний? Или от грозы?

Опять молния, опять гром, да такой, что дом вздрогнул. Близко лупит, прямой наводкой. Как там Маркиза? Коридорчик маленький, тесный, короткий, но пока я шел по нему, молния ударила еще дважды. Впрочем, и шел я медленно, все слушал, как кричит за дверью Петренко, все

просит вернуться. Ничего, сейчас все кончится.

На порожке комнаты лежал темный бесформенный комок. В свете угасающего фонаря я несколько секунд бездумно глядел на него и лишь потом понял, что это — Маркиза.

В свете очередной вспышки я увидел силуэт. Кто-то стоял посреди комнаты. Враг.

Медленно я поднял фонарик и посветил в лицо. Передо мною была гражданка Баклашова, та, чье тело исчезло после вскрытия в прозекторской нашей больницы. Не сестра-близнец: следы, оставшиеся после секции, еще не затянулись. Вид ее час назад поверг бы меня в ужас, панику, оцепенение, но теперь я чувствовал только гнев — жаркий, всеохватный гнев, когда не думаешь ни о чем, а только хочешь уничтожить.

Уничтожить, потому что убить мертвого невозможно.

Топор валялся на полу. Я наклонился, чтобы поднять его, но не успел — сбил с ног удар по голове. Фонарь отлетел, ударился в стену и разбился. Она двигалась быстро, слишком быстро, но удар молнии заставил ее замереть на несколько мгновений, достаточных, чтобы достать пистолет из кобуры. Достать достал, а выстрелить не сумел. Еще один удар по руке — и рука хрустну-

ла, а пистолет улетел во тьму. Страха не было, только злость. Придется — зубами стану рвать. Но прежде попробую баллончик Нафферта. Новая молния, дом опять дрогнул. Я успел-таки вытащить баллончик. Лег он в руку удобно, даром что левая, большой палец попал в выемку, тут не перепутаешь, на себя не направишь, и, когда упыриха склонилась надо мной, я нажал кнопку.

Струя газа угодила в грудь — и плоть занялась синим огнем. С шипением Баклашова отшатнулась от меня, бросилась к окну и, разбив собою стекло, выпрыгнула наружу.

Звук падения за громом я не расслышал. Подошел к окну. Выглянул. Никаких сигнальных ракет не требовалось — пламя охватило Баклашову целиком, жадное, беспощадное пламя.

Когда Ракитин подбежал к дому, хлынул ливень, но и ливень не мог угасить огонь. Плоть сгорала, превращалась в пепел, потоки дождя смывали его, обнажая скелет.

Из темноты подтянулись Виталик и Сергиенко.

Мы — они внизу, а я из окна — молча смотрели на работу огня и воды.

Гнев ушел, но я не чувствовал ни облегчения, ни покоя.

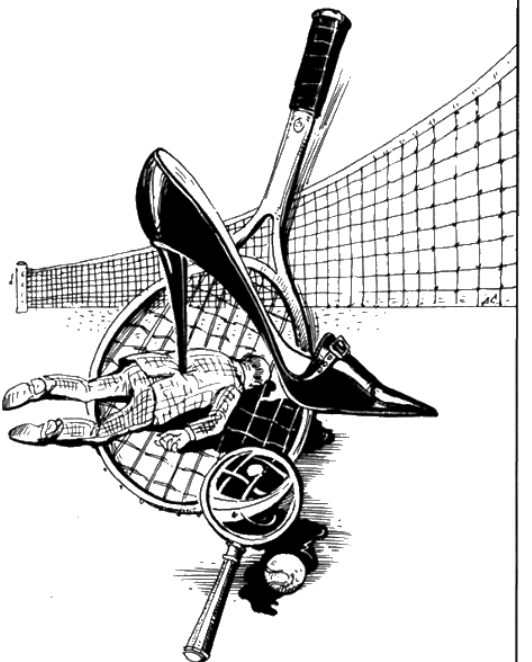
Я понимал мало, очень мало, но одно было

несомненным: ничего еще не кончилось, все только начинается.

Юрий ДОСТОВАЛОВ
ВОПРЕКИ УЛИКАМ

Юрий ДОСТОВАЛОВ

ВОПРЕКИ УЛИКАМ



1

Сырцов стремительно влетел в кабинет Лобова, плюхнулся на стул и, едва переводя дыхание, шумно выпалил:

— Для тебя дельце интересное. Профессор Рябич убит!..

— Что?! — непроизвольно вырвалось у Лобова. Он даже присел на край стола, но тут же резко вскочил и, все еще не веря услышанному, растерянно переспросил Сырцова: — Когда? Как? И где, наконец?

— На проселочной дороге, на ответвлении Эминовского шоссе, что ведет в дачный поселок Купавиху, — выпалил Сырцов. — Да сам все увидишь. Собирайся!

— Но постой, — недоумевал Лобов. — Преступление совершено в области, так? Почему же заниматься им должны мы? Почему не следователи следственного комитета областной прокуратуры?

— Следственный комитет и будет заниматься, только наш, городской, — перебил следователь. — Уж слишком значительна фигура покойного! Рябич, сам знаешь, какая видная персона. Лич-

ный друг многих наших министров, в научном мировом сообществе уважаемый человек. Одним словом, следственный комитет при городской прокуратуре взялся за дело. А тебя, — Сырцов хитро подмигнул Лобову, — Глыба упросил прокурорских привлечь к расследованию в качестве эксперта.

Глыбой работники УВД за глаза называли начальника Управления генерал-майора милиции Петра Петровича Каменкова. Такое редкое сочетание твердости и крепости сразу в его имени, отчестве и фамилии[1] вполне оправдалось, когда Каменков стал начальником Управления и генералом: это был человек-кремень, никто из подчиненных не думал и слова поперек ему сказать, не то что предпринять без его ведома и согласия.

— Поздравляю, — Сырцов поднялся со стула. — Поработаешь в человеческих условиях. Техника у них знаешь какая?

— Как же, видел, — кивнул Лобов.

— Ну вот, значит, раскроешь свои таланты сполна. Пойдем, они уже тебя ждут на улице. — И Сырцов порывисто, насколько позволяла его

---

[1] Примечания: 1
Петр по-гречески — камень.

грузная фигура шагнул к двери.

Лобов поплелся вслед перекатывающемуся по коридорам следователю, шумно протопал по металлической лестнице и вышел во двор Управления, где их уже ждал оперативный фургон прокуратуры.

Высокое летнее солнце пекло нещадно. «Тащиться в такую жару в деревенскую пыль, — представил Лобов и поморщился. — Впрочем, может, за городом полегче будет». Он терпеть не мог московскую жару и с трудом выносил городское лето: автомобильную копоть, забивающую легкие, гнетущую духоту без малейшего дуновения свежего ветерка и неутолимую жажду, сильнее всего прочего отвлекавшую от работы. Лобов как-то добился от Каменкова, чтобы в кабинете экспертов установили кулер с холодной водой, и теперь в жаркие дни спасался только ею. И сразу же возвращалась работоспособность.

«Жаль, что за городом не будет кулера», — усмехнулся Лобов, но тут его осенило, и он попросил Сырцова:

— Подожди минутку, я наберу в термос холодной воды, — и бросился обратно.

— Недолго там, — крикнул вдогонку следователь. — Мне еще тебя представить надо коллегам.

А ждать они не шибкого любят.

— Я скоро, — донеслось до следователя.

Лобов обернулся очень быстро с трехлитровым походным термосом.

Сырцов подвел его к высокому следователю средних лет с погонами майора.

— Эксперт-криминалист Всеволод Никитич Лобов, — представился Лобов.

— Старший следователь следственного отделения при городской прокуратуре младший советник юстиции Суровин Николай Владимирович, — собеседник протянул Лобову сухую жилистую руку. — Мы много наслышаны о вас, Всеволод Никитич. Мне очень приятно будет поработать с таким профессионалом.

— Благодарю, Николай Владимирович — кивнул Лобов. — Постараюсь оправдать ваше доверие.

— Вот и прекрасно, — улыбнулся Суровин и жестом пригласил Лобова в фургон. — Едем!

Осмотревшись, Лобов заметил, что оперативная лаборатория на колесах была оснащена по последнему слову техники. В состав бригады входили даже врач и лаборант.

— Все это к вашим услугам, Всеволод Никитич, — заметив восхищенный взгляд Лобова,

пояснил Суровин. — При расследовании настоящего дела, убежден, все это сослужит вам неплохую службу.

— Благодарю, — кивнул Лобов и спросил: — Понятно, что экспертиза еще не делалась. Но хотя бы оперативные мероприятия провели?

— Какие там оперативные мероприятия? — возразил Суровин. — В деревне-то! Милицию вызвала дочка. Местные сотрудники приехали, осмотрели и сразу в городскую милицию сообщили, когда узнали, что московский профессор. Часа полтора назад.

— А оцепление выставили? — продолжал допытываться эксперт.

— Из кого? — вытаращил глаза следователь. — Откуда там у них столько людей? Просто постового оставили около трупа, и все. Нас дожидаются.

— Но как же так! — воскликнул Лобов. — Ведь, пока мы доберемся, очень важные улики могут исчезнуть! Преступник, может, затаился где-нибудь поблизости и в это время спокойненько так уничтожает все компрометирующее. А потом запросто скроется, и его преследовать даже никто не будет. Хороши работнички!..

— Да понимаю я, Всеволод Никитич! — Суровин раздраженно махнул рукой. — Однако хорошо,

что хоть кто-то там есть. По крайней мере, поддержат дочь до нашего приезда...

— Дочь профессора? — переспросил Лобов.

Суровин кивнул:

— Она была свидетелем преступления. Ехала с отцом в одной машине, когда на них напали. Сейчас девушка в истерике... Но лучше самим все осмотреть. Поехали! — приказал он водителю. Машина взвизгнула и рванула с места...

До поворота на Купавиху добрались минут за двадцать. Свернув с Эминовского шоссе, автомобиль, разбрасывая из-под колес мелкий щебень и обдавая пылью обочины, на возможно предельной скорости подлетел к месту преступления.

Растерянный милиционер услужливо топтался около рыдающей девушки лет двадцати двух в перепачканном легком платье без рукавов. Она сидела возле открытой задней двери огромного «Лексуса» последней модели и все твердила одно и то же, комкая обильно орошенный слезами носовой платочек и беспрестанно поправляя большую сумку, висевшую на плече:

— Так внезапно... так подло... Негодяи...

Приближаясь, следователь с Лобовым увидели накрытый труп профессора, лежавший метрах в трех от машины, на обочине. Поздоровавшись с

девушкой, Суровин попросил ее рассказать, как все было. Оперативники и врач начали осматривать труп, окрестности и проводить необходимые исследования. Лобов сфотографировал тело покойного, поляну вокруг машины, сам автомобиль и внутри него и поспешил к девушке, чтобы успеть дослушать окончание ее рассказа.

Кое-как сдерживая рыдания, давившие горло, девушка (она представилась Ксенией, дочерью профессора Рябича) попыталась собраться и поведала о случившемся. Из ее слов история вырисовывалась довольно-таки жуткая, похожая на леденящие душу триллеры, какими щедро потчуют невзыскательного отечественного телезрителя. Начало этой истории выглядело внешне спокойным, ее развитие стало неожиданным и драматическим, а вот развязка вообще оказалась страшной и кровавой. По словам Ксении, отец недавно получил крупный гонорар из Швеции за изданную там книгу о Второй мировой войне.

Отец давно мечтал купить хорошую трехкомнатную квартиру в центре города и копил деньги. А тут такая удача: шведы выплатили вполне приличный гонорар, добавив который к уже имевшимся средствам, можно было приобрести удобную квартиру в Замоскворечье. Они с отцом

уже видели квартиру, облюбовали ее и согласились на покупку. Оставалось внести деньги. С утра они с отцом поехали в банк, обналичили деньги, получив на руки сто тысяч евро. Для расчета за квартиру необходимо было отдать первый взнос — около ста пятидесяти тысяч. Недостающие деньги (примерно сорок тысяч евро) отец хранил на даче, в глубоком подполе, в крепком сейфе, забетонированном в грунте...

— Извините, — снова перебил Суровин, — но зачем же хранить деньги в таком месте — на даче? Рисковать, ночей не спать...

— Наоборот, — пояснила Ксения, посмотрев на него воспаленными слезящимися глазами. — Папа не доверял банкам почему-то. Считал, что там кругом нечестные люди. Да и опасался огласки: мало ли кому станет известно, какая сумма у него на счету. Поэтому и поспешил снять гонорар со счета вскоре после поступления денег из Швеции... А в подполе на даче, — Ксения попробовала улыбнуться. — Там такой крепкий сейф, к тому же совершенно невидимый, замаскированный в грунт. Никто не знал о нем. Надежный. Вы сами можете его осмотреть...

— Осмотрим, конечно. Продолжайте, пожалуйста, — попросил следователь.

— Когда деньги в банке были получены, — продолжала девушка, — мы с отцом поехали на дачу и забрали деньги из сейфа. Но на обратном пути из кустов на обочине вдруг выскочили двое высоких мужчин и кинулись наперерез машине.

— Простите, — перебил Суровин, — а нападавшие были в масках?

— Нет, в темных очках. А низ лица повязан платком.

— Странно, — размышляя вслух, Суровин посмотрел на Лобова. — Куда как проще натянуть на голову маску, их сейчас везде можно достать. К тому же очки могут упасть, повязка тоже...

— Согласна, — кивнула Ксения. — Но знаете, мне показалось...

— Показалось *что?* — настойчиво перебил следователь замешкавшуюся было девушку.

— Показалось... что налетчики странные какие-то...

— В каком смысле?

— Ну, в смысле профессиональном. Вот вы и сами сказали, что проще бы в маске, а они... Так вот, движения у них были... не отточенные какие-то, ну, не киллерские... Видно было, что все это им впервые приходится делать...

Суровин снова посмотрел на Лобова. Тот мол-

чал, глядя на Ксению.

— Продолжайте, — попросил он наконец.

Как следовало из дальнейшего рассказа девушки, в тот момент, когда двое нападавших бросились к машине, Рябич резко затормозил, но один из нападавших (Ксения запомнила, что у него в руках был тяжелый молоток, наподобие монтировочной кувалды) уже был у дверцы водителя. Он резко распахнул ее и выволок профессора из салона. Другой в это время дернул за ручку второй двери и вытащил наружу девушку. Она пробовала сопротивляться, но тщетно: нападавший ударил ее по голове чем-то тяжелым, и девушка потеряла сознание. Когда она очнулась, увидела жуткую картину: отец с проломленным черепом лежит возле машины, а сумка с деньгами из салона исчезла. Тогда Ксения вытащила мобильный телефон и вызвала милицию...

— Скажите, — спросил Лобов, — а намерение заехать за деньгами на дачу возникло у вашего отца внезапно?

— Нет, конечно, — удивленно посмотрела на него Ксения. — Мы запланировали эту поездку еще вечером, накануне поездки в банк. Отец сказал, что для первого взноса гонорара не хватит. И тут же, помню, пошутил, что вовремя шведы

помогли, ибо отечественного гонорара не хватило бы даже на аванс для покупки комнаты в коммуналке.

— Естественно, — буркнул Суровин. — Выходит, о поездке на дачу никто не знал?

— Думаю, нет, — подтвердила Ксения.

— Почему же нападавшие ждали вас именно здесь? — следователь в упор посмотрел на девушку.

— Не знаю, — едва промолвила она. — Вы ведь следователь, вам и надо разобраться...

— Обязательно разберемся, — заверил Суровин. — И прошу вас, не беспокойтесь, убийц вашего отца непременно найдем. Вы-то в порядке?

— Более или менее, голова болит только, но это пустяки. Да что я! — Ксения махнула рукой. — Отца... отца больше нет... Вы понимаете?.. А он у меня был один... больше никого не осталось... — Ее голос дрогнул, на глаза вновь навернулись крохотные капельки.

Пока Суровин утешал девушку, Лобов внимательно осмотрел автомобиль. «Лексус» был на диво хорош — статный красавец стального цвета, с высоким клиренсом и хорошим обзором.

— Скажите, а сколько лет вашему автомоби-

лю? — спросил он у Ксении.

Девушка посмотрела на него и, не задумываясь, ответила:

— Полтора года всего. Отцу привезли его из-за границы. Помню, выплатил за него весь гонорар за перевод своей книги в Китае.

— Той же самой, что издана в Швеции? — поинтересовался Лобов.

— Нет, предыдущей. У папы много книг, он вообще очень творческий человек... — вдруг она осеклась и едва выдавила: — Был...

— Успокойтесь, Ксения. — Сырцов поддержал ее под локоть и мягко осадил Лобова: — Не спешите, Всеволод Никитич! Я думаю, все вопросы о работе профессора мы зададим Ксении Васильевне немного позже...

— Ничего, ничего, — вступилась за эксперта Ксения. — Я уже ничего... Отец за всю свою жизнь написал более тридцати книг. Вы, если хотите, можете со всеми ознакомиться. Они есть у нас дома.

— Спасибо, мы непременно воспользуемся вашим разрешением, — поклонился Суровин.

— А скажите, все книги вашего отца посвящены теме Второй мировой войны? — снова вмешался Лобов.

Суровин, видимо, был наслышан об экстравагантном поведении Лобова во время следствия, поскольку на этот раз никак не отреагировал на его вопрос, а только внимательно посмотрел на него.

— Да, почти все, — кивнула Ксения. — За исключением двух-трех, да и те рассказывают о событиях, связанных с войной: например, его монография о предвоенных оборонных мероприятиях в Финляндии, о создании линии Маннергейма. А незадолго перед... — она вздрогнула, но быстро овладела собой, — незадолго перед смертью отец задумал новую работу — о Катыни...

— Вот как! — воскликнул Лобов. — А вы, ненароком, не в курсе, под каким углом он хотел раскрыть эту тему?

— Подробностей не знаю, но отец всегда говорил, что самая великая тайна, которую хранит история, — это причины Второй мировой войны и события, так или иначе с ней связанные. Он был убежден, что до конца никому не удастся раскрыть эту загадку. Шутил даже, что все точки над «i» будут расставлены лишь на Страшном суде.

Записав что-то в своем блокноте, Лобов спросил еще:

— И все-таки сам всю жизнь занимался расследованием этой тайны? Знал, что она не раскрываема — и все-таки не опускал руки!

— Вы, наверное, встречали истинных ученых — самозабвенных, увлеченных? Так вот, отец был из разряда таких людей. Мог обходиться самым малым, почти все средства тратил на книги, зарубежные поездки. Машину эту, — Ксения кивнула в сторону «Лексуса», — я настояла купить. До этого у нас была «шестерка», но я захотела выучиться водить, сдала на права, а кататься в наше время на такой... сами понимаете...

— Понимаю, — согласился Суровин и обратился к Лобову: — Всеволод Никитич, вы, если хотите, тоже можете осмотреть тут все вокруг. По горячим следам, так сказать. Вдруг оперативники чего не досмотрят...

Глотнув из термоса, Лобов еще раз внимательно осмотрел место рядом с машиной, потом обочину, дорогу.

«Надо будет непременно почитать книги покойного, — решил он для себя. — И познакомиться с коллегами и учениками профессора... Уж больно все это крепко засело в моей думалке».

В зависимости от разных стадий мыслительного процесса Лобов называл голову по-разному:

«соображалка», «догадалка», «сомневалка», «понималка», «догонялка» и так далее, до бесконечности.

Сейчас, пока он копался в траве и зарослях на обочине, его «выяснялка» старалась не упустить из виду ни малейшей зацепочки, могущей пролить свет на это дело. Прошел немного по дороге в сторону дачи, вернулся, еще раз осмотрел салон автомобиля. Вернулся к Суровину и девушке.

— Ничего нового, — отчитался он. — Я думаю, девушку ударили чем-то мягким, например, замшевым мешочком с мелкой дробью. При таком ударе никаких следов не останется, а человек отключается на полчаса и более.

— Голова все еще болит? — спросил Ксению Суровин.

— Ноет как-то, тянет, будто мозги выворачивает, — поморщилась девушка. — Очень неприятно.

— Позвольте-ка, — Лобов прикоснулся к голове Ксении и ощупал пальцами ее макушку и темя.

— Небольшая гематома имеется. Так больно? — спросил он.

— Боли как таковой вообще нет, — поморщившись, ответила девушка. — Просто ноет неприятно... Вот вы прикоснулись — и словно

давняя боль проснулась, выплыла откуда-то издалека...

— Понятно, — кивнул Лобов. — Именно удар чем-то мягким и вызывает такие ощущения...

— Если хотите, наши люди отвезут вас домой, — предложил Суровин. — Отдохнете. Сожалею, но не обещаю больше не беспокоить вас. Думаю, дело серьезное, и вы помогли бы нам пролить свет на вопросы, которые могут возникнуть.

— Конечно, можете располагать мной, — мучительно улыбнулась Ксения. — К тому же вы хотели прочитать папины книги. А насчет отвезти домой... Нет, пожалуй. Я поеду с вами. Вы ведь еще не собираетесь заканчивать рабочий день?

— К сожалению, нет, — ответил Суровин. — Первым делом мы хотели бы наведаться на вашу дачу.

— Вот и прекрасно, — решительно кивнула Ксения. — В таком случае я с вами. Если не возражаете, конечно.

— Не смею возражать, — улыбнулся Суровин. — Вы в состоянии вести машину?

— Пока нет, — ответила девушка. — Да и вам, наверное, она еще нужна для осмотров, протоколов?

— Хорошо. Всеволод Никитич, — обратился он

к Лобову, — вы уже все, что нужно, сфотографировали?

Лобов кивнул.

Суровин оставил у машины двух оперативников. Дежуривший милиционер из районного отдела неуверенно топтался возле накрытого трупа.

— А вы, — сказал ему Суровин, — вызовите пока машину, пусть увезут тело в морг.

— Ну что, поехали? — Суровин приоткрыл дверцу фургона и пригласил Ксению в салон. — Показывайте, где ваша дача.

Суровин сел рядом с водителем, следственная бригада разместилась в салоне, Лобов устроился на ближнем к двери месте, и машина тронулась.

Метров через сто перемахнули через деревянный мостик над быстрой и чистой речкой Купавой. Лобов вытащил из кармана записную книжку и записал в ней несколько слов.

2

Дача была обыкновенной, совсем не элитной, без особенных удобств и вовсе без роскоши. Первый этаж был выложен кирпичом, второй представлял собой легкую летнюю деревянную мансарду, которая не отапливалась и потому годилась для обитания лишь в теплое время года. Оперативники разместились в небольшой прихожей, на старом скрипучем диване, а Суровину и Лобову Ксения предложила осмотреть кабинет отца. Они поблагодарили и прошли в небольшое помещение, в котором находились лишь письменный стол с компьютером, книжный шкаф, до отказа набитый специальной литературой, да крохотная софа, разложить которую, впрочем, места уже не оставалось.

— Вот в этом кабинете отец написал свои лучшие книги, — Ксения провела ладонью по столешнице, посмотрела на пальцы, стряхнула с них пыль, с извиняющимся видом добавила: — Он не сидел за ним, наверное, недели полторы, пока был занят гонораром и выбором квартиры.

— А здесь есть все его книги? — поинтересовался Лобов, пробегая взглядом по полкам.

— Нет, не все. Лишь ранние работы. Поздние, зрелые вещи отец хранил дома. Но вы не беспокойтесь, я ведь обещала дать вам его последние работы, особенно ту, которая была издана в Швеции.

— И в Китае, если вы не против, — попросил Лобов.

— Да, конечно, — кивнула Ксения и как-то странно посмотрела на Лобова. — Скажите откровенно, что вы хотите в них вычитать? Ну, я имею в виду то, что поможет вам хоть как-то приблизиться к этому... — Она замолчала, словно комок встал у нее в горле, но быстро овладела собой. — К этому случаю, я хотела сказать...

— Видите ли, — замешкался Лобов, — как бы вам сказать-то поточнее... — Он на минуту умолк, собираясь с мыслями, потом посмотрел на девушку в упор и закончил: — В одном из последних моих дел я нашел разгадку преступления именно в книгах убитого, вернее, в планах его будущих книг.

— Вы хотите сказать, что желаете посмотреть и рабочие записи отца, его наброски, заметки?

— Совершенно верно, — подтвердил Лобов.

— Но ведь вы... простите... ведь вы не следователь? Насколько я понимаю, следователь

— вы? — Ксения повернулась к Суровину.

— Вы совершенно правы, — кивнул тот, — Всеволод Никитич — эксперт-криминалист. Однако в силу своего богатейшего опыта имеет полное право участвовать в расследовании.

— Благодарю вас, Николай Владимирович, — улыбнулся Лобов, — но я, собственно, не в следствие даже вникаю, а лишь попутными деталями интересуюсь. Они, знаете, могут многое прояснить в этом деле. Хотя, если я не кстати...

— Ради бога. — Ксения равнодушно пожала плечами и кивнула на компьютер: — Разрешаю включить, там в нескольких папках можно найти все планы, заметки, наброски отца. Вы сейчас хотите этим заняться?

— Я всего лишь скопирую документы на флешкарту, если вы позволите, а в более удобной обстановке с ними ознакомлюсь, — предложил Лобов.

— Да, конечно. — Ксения включила компьютер, предложила Лобову сесть за стол, а когда монитор засветился, показала нужные папки.

Пока Лобов копировал материалы, Суровин спросил Ксению о работе отца, о его коллегах и учениках.

— Отец возглавлял кафедру новейшей исто-

рии в Историко-археологическом университете, — начала Ксения. — Собственно, он и был ее основателем, когда восемь лет назад создали университет. Отец привлек к работе на кафедре многих известных ученых из Москвы, Петербурга. В основном это были молодые, перспективные историки. Постепенно усилиями отца кафедра стала своего рода центром исторической мысли страны. Я не преувеличиваю, — горячо настаивала девушка, видя, как при последних словах глаза Суровина скептически сузились. — Историческая наука сегодня, мягко говоря, спит летаргическим сном. Так вот, отец с коллегами попробовали ее разбудить. И реанимировать. Им многое удалось. Работы ученых кафедры начали удостаиваться престижных наград на солидных мировых форумах, ученые стали непременными участниками именитых конференций во Франции, Германии, Англии. Их книги переводились за рубежом. У отца выросли достойные ученики...

— Максим Родский — из их числа? — неожиданно прервал Ксению Лобов.

Девушка вздрогнула, замолчала на полуслове и метнула в Лобова неприязненный взгляд. Заметно было, что ей очень неприятен этот разговор.

— А вы откуда его знаете?

— Я его вовсе не знаю, — ответил Лобов. — Но вот увидел перед монитором небольшую фотографию в паспарту с надписью: «Дорогому учителю от благодарного ученика Максима Родского» — и сразу понял, что это питомец гнезда отцова, извините за плагиат. — Лобов повернул портрет лицевой стороной к девушке, которая несколько секунд неотрывно смотрела на фотографию, будто видела ее здесь впервые. Взгляд ее, поначалу жесткий и колючий, постепенно теплел, и вот она уже с улыбкой взяла портрет, прочитала надпись и равнодушно поставила его на стол.

— Да, это ученик отца, первый выпуск факультета, — кивнула она. — Сейчас он доцент на кафедре. Отец души в нем не чаял...

— А каково ваше мнение о нем? — настаивал Лобов.

— Да мое-то мнение тут при чем? — удивилась Ксения. — Хотя, если желаете... — Она присела на уголок софы и вытащила из сумочки сигареты:

— Вы не против?

Затянулась, выдохнула струйку в потолок и начала:

— Неприятный он какой-то, скользкий, хотя с виду лощеный, вы видите. Несомненно, талантлив, окончил университет два года назад,

а уже кандидат наук и готовит докторскую диссертацию. Но по жизни... — Она снова глубоко затянулась и долго выдувала струю дыма. — Рядом с ним мне всегда было гадливо как-то, меня тошнило и выворачивало наизнанку. Отец мне возражал: «Он очень талантлив, его первую книгу перевели в Германии!» Я не спорю, умный он, но... я думаю, он способен на подлость...

— У вас есть основания так говорить? — спросил Суровин.

— Есть, — она кивнула и поправила сбившиеся волосы. — Как-то раз, собираясь на конференцию в Лондон, отец предложил Родскому поехать с ним и подготовить доклад. Тот согласился и через два дня показал отцу текст. Отец утвердил. Но когда на конференции, уже в Лондоне...

— Вы были там? — прервал Лобов.

— Да. Так вот, когда Родский начал читать, я посмотрела на отца. Он заметно менялся в лице, побледнел, потом покрылся испариной, заерзал в кресле, словом, кое-как сдерживался. Оказалось, Родский украл у отца тезисы его будущей книги.

— Отец сам вам сказал об этом?

— Прямо нет, но я ведь в курсе всех тем отца, я знаю их наизусть. Доклад Родского был построен на тезисах отца!

— В последующем отец не вспоминал об этом?

— Нет.

— Как вы думаете, почему?

Ксения вздрогнула, растерянно переводя глаза с Лобова на Суровина, потом устало махнула рукой и ответила:

— Теперь уже все равно... Дело в том, что отец прочил Род-ского мне в мужья.

Суровин и Лобов переглянулись, словно решая, кто первым задаст следующий вопрос. Молчание затягивалось, и Суровин кивнул Лобову. Тот произнес:

— Скажите, Ксения, а каково ваше отношение к Род-скому? Как к возможному мужу, я имею в виду?

— Если бы не интересы следствия, я бы вам этого не простила! — покраснев, выпалила она. — Я его терпеть не могу! Презираю! Третирую в глаза! Это не человек — какая-то муха Т ретьяковского!

— Кто-кто, простите? — едва не в один голос спросили Суровин с Лобовым.

— В записных книжка Гоголя, — улыбнулась девушка, — есть такая фраза — «муха Третьяковского», а далее писатель поясняет, что она рыжая, с черными полосками, пребывающая неотлучно на говне. Простите меня. Свои заметки Гоголь

не думал публиковать, а потому писать можно было все, что угодно. Так вот, посмотрите на Родского, — она кивнула на портрет, — рыжеват, усы подкрашивает в черный цвет. И постоянно пребывает в отвратительной самонадеянности, в высокоумной гордыне! Что может быть хуже?

— Вы так хорошо знаете Гоголя... — начал было Лобов, и Ксения пояснила:

— Я перешла на пятый курс филологического факультета папиного университета. Пишу дипломную работу по творчеству Гоголя.

— Скажите, Ксения, а какова была тема выступления Родского на том лондонском семинаре? — поинтересовался Лобов и приготовился записать в блокнот. — Ну, та, которую, как вы говорите, он похитил у вашего отца?

— Так как раз тема Катыни, — взволнованно заговорила девушка. — Отец перед этим набросал основные тезисы работы. Наверное, ознакомил с ними и Родского. А тот...

— Но в любом случае Родскому пришлось из набросков, тезисов, самому выстроить обстоятельный доклад, логически продуманный и доказательный? — продолжал Лобов.

— Вы намекаете на талант Родского? А что это меняет? — вспылила Ксения. — Разве это

исключает плагиат и нечистоплотный поступок? Родский, конечно, талантливый историк. Но как человек... Совершенно без каких-либо нравственных устоев... И я убеждена, ради личной выгоды, ради личного имени в науке пойдет на многое...

Лобов задержал на Ксении внимательный взгляд, потом записал что-то в блокнот.

— Ну а коллеги отца по работе, ученые кафедры? — спросил Суровин.

— Там вообще — болото! — категорично отрезала Ксения. — Если ученики отца что-то собой представляют, то подавляющее большинство «кафедралов», как я их называю, полнейшие ничтожества!

— Даже так безапелляционно? — удивился Суровин. — Но ведь вы говорили, что многих ученых привлек на кафедру именно ваш отец. Он что, плохо их знал?

— Тут надо пояснить, чтобы вы поняли...

— Уж сделайте такую любезность, — попросил Суровин.

— Поначалу отец сколотил отличную кафедру. Но через три года ректором университета был назначен профессор физико-металлургической академии Ирбитов. Он в чистом виде технарь, даже не представляет, зачем и кому нужна исто-

рия. Тем паче в русле современных монетарных настроений...

— Каких-каких настроений? — не понял Суровин.

— Монетарных, — Ксения удивленно воззрилась на следователя, словно изумляясь, как это он не знает этого термина.

— Да нет, термин «монетаризм» мне знаком, — словно пытаясь разубедить ее, вставил Суровин. — Мне просто не понятен контекст, в котором вы сейчас его употребили.

— Ясно, — улыбнулась Ксения. — Умонастроение современного общества я называю монетарным. Даже и не умонастроение, потому как ума у большинства обывателей нет, вы согласны?

— Допустим, — кивнул Суровин.

— Так вот, скорее не ум, а настроение души, что ли... Хотя и о душе говорить как-то не пристало... Ну, образ жизни, что ли, стиль поведения — все сплошь подчинено погоне за деньгами и наживе.

— Это, разумеется, вне дискуссий, — согласился следователь. — Так что же ректор Ирбитов?

— Да сам по себе он, кажется, человек неплохой, видимо, крупный ученый в своей области. По крайней мере, постоянно вылетает на зарубеж-

ные конференции. Но вот только гуманитарному направлению он уделяет совсем мало внимания...

— В чем это заключается? — перебил Суровин.

— Зарплаты на историческом факультете самые маленькие. Денег на зарубежные командировки не выдают...

— А как же ученые ездят на конференции?

— Представьте, на свои средства. — Глаза Ксении сверкнули злым огоньком. — На последнюю лондонскую конференцию отец летал на свои деньги.

— А Родский? — спросил Лобов.

— Родский? — немного замешкалась Ксения. — Не знаю... Наверное, тоже на свои...

— Он обеспеченный человек?

— Думаю, да, хотя... кто его знает... Мне он не отчитывается... Вообще-то он еще где-то работает...

— Но в любом случае сто пятьдесят тысяч евро ему не помешали бы? — Лобов пристально посмотрел на Ксению.

Девушка смутилась и потупила глаза.

— Если вы думаете, что это он... он сделал это... Так вам нужно ведь это доказать...

Она вдруг замолчала и схватилась руками за грудь.

— Что с вами? — спросил Лобов, но Ксения лишь махнула рукой и выбежала из комнаты. Вдалеке послышались звуки горловых спазмов, кашель, потом спустили воду в унитазе. Через некоторое время вошла Ксения и смущенно улыбнулась:

— Простите, все это вынести...

— Конечно, конечно, простите нас, — извинился в свою очередь Лобов. Какое-то странное чувство на мгновение колыхнулось в нем. Но он тут же забыл о нем и напомнил девушке:

— Мы говорили о Родском...

— Да. Так вот. Что касается меня, то, зная характер Родского, я совсем не исключаю возможности, что он... ну, что он мог бы сделать такое...

Повисло тяжелое молчание. Чтобы разрядить его, Лобов спросил:

— Ну хорошо, продолжим все-таки про коллег вашего отца. Почему вы назвали «кафедралов», — Лобов выделил это слово, — болотом?

— Многие из этих, — презрительно поморщилась Ксения, — пришли уже после того, как выдающиеся люди покинули кафедру и перешли в другие вузы. Один из новых — профессор Кучин. Уж не знаю, какие у него заслуги. Из его книг я пыталась читать только монографию «Прогрессивная журналистика в борьбе за обще-

ственное мнение в России в середине XIX века». Не дочитала...

— Почему? Что там плохого, на ваш взгляд? — поинтересовался Суровин.

— Не только на мой взгляд, но и на любой, мне кажется. На любой более или менее развитый вкус — это полная белиберда! В духе, знаете, советских ура-агиток. Там о Чернышевском, разумеется, о Добролюбове и иже с ними...

— В положительном, разумеется, ключе?

— Разумеется, как ни странно в наше-то время...

— И больше ничего не писал профессор Кучин? — продолжал расспрашивать Суровин.

— Так, несколько статей в научных журналах, о жестокостях царизма, о ссыльных писателях типа Полежаева и Шевченко...

— Ну а что он за человек — профессор Кучин?

— По большому счету, никакой он не ученый, — безапелляционно заявила Ксения.

— Вот как! А кто же тогда? — изумился следователь.

— Скорее — спортсмен, нет, не спортсмен даже, а культурист!

— С чего это вам так показалось?

— Ничего мне не показалось, — парировала

девушка. — Я сама неоднократно видела, как он играет на теннисном корте, бегает кроссы. Едва кончатся вузовские «пары» — он в охапку свою спортивную сумку (с которой и является на лекции) и на стадион или в тренажерный зал.

— Сколько ему лет?

— Да лет-то немало, около пятидесяти. А вот здоровье, вы правы, здоровье на зависть любому юноше. Высокий, стройный, поджарый, мускулистый. Женат третьим браком на своей бывшей аспирантке.

— Завидное здоровье, — вздохнул Суровин.

— Вы нам, пожалуйста, дайте телефоны Родского и Кучина, — Лобов отвлек следователя от грустных размышлений.

— Разумеется, — кивнула Ксения и потянулась к сумочке, чтобы вытащить мобильный телефон, но тут он сам дал о себе знать.

— Алло? — раздраженно ответила девушка, едва взглянув на определитель номера. — Я тебе позже позвоню! Да, сейчас некогда!.. Тут такое!.. Потом! — резко выкрикнула она и отключила связь.

Лобов внимательно посмотрел, как взволнованная Ксения убирает мобильник в сумочку, уточнил время, записал что-то в блокноте и спро-

сил девушку:

— Простите, вы обещали номера телефонов...

— Ах да, Родского и Кучина, — спохватилась, как бы опомнившись, Ксения и снова вытащила мобильник и открыла список телефонов: — Вот, запишите.

Когда Лобов и Суровин записали номера, Ксения спросила:

— Какие-то еще вопросы у вас ко мне будут? А то, знаете, проблем еще куча: морг, организация похорон...

— Конечно, мы понимаем, — спохватился Суровин и начал собираться. — Скажите, с похоронами проблем не будет? То есть я имею в виду, есть кому вам помочь?

— Ну, я думаю, что в любом случае родной университет, — она ехидно усмехнулась, — отдаст дань памяти известному профессору. К тому же принесшего так много славы — мировой, можно сказать... Не беспокойтесь, у папы, помимо вузовских коллег, есть немало настоящих друзей.

— А в личной жизни... — замялся Суровин.

— Понимаю, — кивнула Ксения. — Запишите телефон. Ирина Арнольдовна Тамме. Это давняя знакомая отца...

— Простите, вы сказали «знакомая»...

— Хорошо, если нужно более откровенно — его подруга, любовница, наконец. Они знакомы уже более десяти лет — с тех пор, как умерла мама, — голос девушки дрогнул.

— Извините, если я... — начал было Суровин, но Ксения взяла себя в руки и постаралась улыбнуться, однако нотки горечи все еще сквозили в ее словах:

— О маме, если позволите, я расскажу вам в другой раз. Сегодня и без того очень тяжело.

— Разумеется, мы понимаем. Разрешите откланяться, — стал прощаться Суровин. — Пожалуйста, обо всех неординарных событиях, я имею в виду звонки, разговоры и прочее, — сообщайте мне. — И он протянул девушке свою визитную карточку.

— Конечно, — устало улыбнулась Ксения. — До свидания. Кстати, вы ведь сейчас поедете мимо того места?

— Конечно, — подтвердил Суровин.

— Скажите, пожалуйста, пусть подгонят машину сюда, — попросила девушка. — Я немного приду в себя и поеду в город.

— Непременно пришлют, не волнуйтесь.

Суровин с Лобовым вышли из дома и сели в фургон.

— Что думаете, Всеволод Никитич? — спросил Суровин.

Тот не ответил — глубоко задумался.

— Найти убийцу будет весьма непросто, — продолжал следователь.

— Николай Владимирович, я вас попрошу об одном исключении, вы не откажете? — ушел от ответа Лобов.

— Говорите.

— Разрешите мне присутствовать при ваших разговорах с этими тремя людьми, о которых мы узнали от Ксении.

— Можно было предугадать вашу просьбу, Всеволод Никитич, — улыбнулся Суровин. — Хорошо, благодаря вашему реноме, так сказать, разрешаю. Сейчас вернемся в город, и я начну им звонить. Не думаю, что они загорятся нетерпением встретиться с нами, так что, скорее всего, встречи будут иметь место лишь завтра.

— Мне, наоборот, почему-то кажется, что они захотят побыстрее поговорить с нами. Так что сегодня нам предстоит долгий рабочий день.

— Что ж поделаешь, — пожал плечами следователь и стал глядеть на дорогу, отвернувшись от Лобова.

— И еще, Николай Владимирович, попрошу

вас об одном одолжении, — Лобов приблизил лицо к затылку Суровина, ехавшего на переднем сиденье. — Сейчас будем проезжать речку Купаву. Так вы меня высадите там, а когда приедете в прокуратуру, пришлите за мной автомобиль, можно обычный, дежурный. Думаю, что у меня найдется что привезти на стол следователя...

— Все вы загадками да недоговоренностями, — обернулся к нему Суровин. — Да впрочем, меня предупреждали. Хорошо, Всеволод Никитич, через час, — он посмотрел на часы, — машина будет у речки. Хватит времени?

— Вполне, — кивнул Лобов, а машина уже притормозила возле небольшого деревянного моста.

Лобов выбрался наружу и еще раз поблагодарил следователя. Фургон дал по «газам», а Лобов стал спускаться к берегу, под откос, прямиком под опоры моста. Хорошо, что было сухо, а то пришлось бы ему намотать на свои ботинки килограммы сырой глины, которой был покрыт берег этой шустрой и прохладной речушки.

Ударяясь в опоры моста, вода закручивалась затейливыми косичками, свивала небольшие воронки, в которых крутились щепки и сухие листья, и, смыв с берега кусочки глины и мелкие камешки, неслась дальше. Тяжелые доски и сучья

деревьев, нагнанные под опоры, безмятежно колыхались на волнах, равнодушные к капризному течению. Разумеется, течение бессильно было увлечь за собой и увесистую кувалду, которую Лобов заметил под одной из опор. Обухом своим кувалда застряла в ветвях небольшого, но густого кустика, вольготно пустившего свои корни в напоенную влагой почву, а рукоятка инструмента колыхалась на поверхности потока, тщетно пытаясь стронуть с места цепко угнездившийся металл. Тут же, неподалеку, зацепившись за черную осклизлую доску, крутилась в водовороте белая нитяная перчатка, тогда как ее подружка, вся в засохших пятнах крови, мирно почивала на ветвях того же куста.

Лобов надел перчатки, осторожно высвободил кувалду из сплетенных ветвей и обследовал ее через лупу. Почти весь обух был выпачкан спекшейся кровью, к которой пристали несколько волосков. Убрав кувалду в пакет, Лобов то же самое сделал с обеими перчатками, аккуратно подцепив их пинцетом.

Он выбрался со своим кейсом из-под моста на дорогу, закурил и включил «соображалку». Все это было весьма любопытно. Скорее бы в лабораторию...

На его счастье, едва он отшвырнул окурок в Купаву, вдали показалась посланная Суровиным машина.

3

Лобов оказался прав — Родский согласился на встречу сегодня же; более того, как сообщил Николай Владимирович, даже настоял на свидании.

— Я поражаюсь вам, Всеволод Никитич, — сказал Суровин, когда ехал с Лобовым к дому Родского, — вы не оракул, случайно?

— Вы мне льстите, — поскромничал Лобов. — Тут всего лишь здравый смысл. Согласитесь, вряд ли ученик убитого станет оттягивать встречу, узнав о смерти учителя. Для него это такое потрясение, что, не узнав всех подробностей, он и уснуть-то не сможет...

— Это если он не виноват, — заметил Суровин. — А если причастен — зачем ему спешить встречаться с нами?

— Тут тоже просто: виноват, значит, надо показать, что чист, следовательно, добровольно навязаться на разговор, пустить пыль в глаза, что всячески заинтересован помочь следствию.

— Вот только бы понять: причастен или нет? — задумчиво произнес Суровин.

Лобов ничего не ответил, а поведал следователю о находке под мостом. Суровин оживился

и выпалил:

— Результат уже есть?

— Сдано на химический анализ и на исследование ДНК, — ответил Лобов. — Но я даже и на первый взгляд заметил, что на обухе разные волосы.

— Как так «разные»? — удивился Суровин.

— Одни волосы принадлежат Рябичу, профессор был сплошь седой, а другие — видимо, убийце.

— То есть на обухе волосы двух людей? И как они выглядят? Те, другие, я имею в виду?

— Такие волосы, увы, очень распространены, — вздохнул Лобов. — Темно-русые, с легкой сединой. Недлинные, сантиметров пять.

— М-да, — протянул следователь, — придется повозиться... А что перчатки?

— С ними вот что получается. На той, которая была в воде, мало что сохранилось, но все равно достаточно для определения идентичности с кровью на сухой перчатке. Эта кровь аналогична крови на обухе. Но самое интересное вот что. Внутри перчаток сохранилось несколько крохотных волосков — скорее всего с кожного покрова руки. Но вот потожировых выделений внутри перчаток я не обнаружил. И это меня страшно изводит. Ведь от момента преступления до того,

как я исследовал перчатки, прошло часа четыре, не больше. За это время выделения просто не могли улетучиться.

— И что это означает, на ваш взгляд?

— Сам пока не пойму, — пожал плечами Лобов. — Думаю, для начала надо отыскать владельца волос на кувалде и внутри перчаток...

— Разумеется, — поддакнул Суровин.

— И при этом нас устроит только такой вариант, если все волосы будут принадлежать одному человеку.

— А если разным?

— Если разным, значит, перчатки придется исключить.

— Но ведь на них кровь Рябича!

— Перчатка висела на том же кусте, за который зацепилась кувалда. Возможно, кувалда при падении задела и перепачкала бывшую там прежде перчатку.

— Похоже на то, — согласился Суровин. — Ведь резонно было бы предположить, что преступник сначала выбросил кувалду и лишь потом снял перчатки.

— В том-то и дело. Но все загадки раскроются или, наоборот, прибавятся только после экспертизы. Пока ясно одно: именно этой кувалдой

убит Рябич. Следы ударов на голове профессора соответствуют форме обуха.

— Резонно, — пробурчал Суровин и замолчал, задумчиво глядя перед собой в лобовое стекло автомобиля.

Они уже подъезжали к дому, где жил Родский.

Максим Эдуардович Родский отрыл дверь сразу же и, едва они представились, любезно пригласил Суровина с Лобовым в квартиру.

Они прошли в большую комнату, обставленную книжными шкафами, посреди которой стоял письменный стол с компьютером. Хозяин легко опустился в кресло жестом пригласил гостей садиться на диван, что они, поблагодарив его, и сделали.

— Догадываюсь, с чем вы ко мне, — подавленно промолвил Родский, показывая на компьютер. — В интернете уже сообщили о смерти профессора Рябича.

— Нам бы так оперативно поспевать, — удивился следователь.

— Преступники и репортеры — самые оперативные люди на свете, — грустно констатировал Родский. — Тут уж ничего не поделаешь: профессия у них такая...

— Скажете тоже — «профессия»! — как бы

упрекнул его Суровин.

— А разве нет? — спросил Родский. — Ведь несомненно, что убийцы профессора — профессиональные киллеры, это видно и по почерку, и по характеру преступления.

— Это вы, надо полагать, опять же из интернета почерпнули? — поинтересовался следователь.

— Откуда же еще, — кивнул Родский.

— Поразительная компетенция у господ репортеров! — Суровин раздражительно хлопнул ладонью по колену и поглядел на Лобова, словно искал у него сочувствия. — Тут вон даже мы, следователи, еще не во всем разобрались, а они уже все разъяснили! А известно ли вам... Максим Эдуардович, если не ошибаюсь?..

Родский кивнул.

— Так вот, известно ли вам, Максим Эдуардович, — продолжил Суровин, — что современные, как вы говорите, киллеры, по обыкновению, работают огнестрельным оружием. Беззвучным, кстати. Чтобы следов и шума меньше было. Об этом могли бы в том же интернете немало интересного прочитать. А тут, как в стародавние, разбойничьи времена, — кувалдой по голове.

— Нестандартность преступления говорит лишь о его тщательной подготовленности... —

возразил Родский.

— То есть вы хотите сказать, что убийство готовилось заранее? — нетерпеливо перебил его Лобов, пристально вглядываясь в глаза Родскому.

— Несомненно, — кивнул тот. — Возможно, убить Рябича готовились уже давно. Знали — как, чем. Не знали только — где. Но тут вдруг узнали, что профессор с дочерью собирается покупать квартиру и даже завтра снимет крупную сумму денег...

— Позвольте, — жестко прервал его Суровин. — А вы откуда это знаете?

— Что — «это»? — спросил Родский.

— Ну, что профессор собирается покупать квартиру.

— Так Василий Нифонтович сам мне говорил...

— Подробнее, пожалуйста. — Суровин кашлянул и снова взглянул на Лобова. Тот, впрочем, и сам напряженно смотрел на Родского.

— Пожалуйста, — невозмутимо ответил Родский, и Лобов в душе подивился его самообладанию. — Профессор давно хотел купить хорошую квартиру. А недавно, после получения гонорара из Швеции, взялся за это всерьез. Он неоднократно говорил мне об этом. А вчера так даже сказал

конкретно, что с утра поедет с дочерью в банк и повезет деньги в строительную фирму.

— Он кому-то еще говорил об этом?

— Откуда мне знать? — пожал плечами Родский. — У Василия Нифонтовича было много друзей.

— И много врагов? — Суровин так и сверлил собеседника взглядом.

— Совершенно верно, — тяжело вздохнув, подтвердил Родский, тяготясь, видимо, подозрениями следователя.

— А в каких отношениях были с ним лично вы?

— В самых доверительных, — ответил Родский. — Василий Нифонтович был мне как отец. Я вырос сиротой и когда поступил в университет, он как-то сразу и целиком взял меня под какую-то недекларируемую опеку, что ли, если можно так сказать... Нет, он никогда не говорил об этом, но я это чувствовал. И был всегда благодарен ему...

— Настолько, что, как бы это мягче сказать, позаимствовали у него тезисы выступления на конференции в Лондоне? — не отступал Суровин.

— А, это вам Ксения рассказала? — грустно улыбнулся Родский. — Не любит она меня, это

верно, ну да это ее право.

— А вы, разрешите спросить? Если можно.

— Конечно, можно, — кивнул Родский. — Я люблю ее. — И он в упор, не отрываясь, посмотрел в глаза Суровину.

Тот не выдержал, отвел взгляд и переменил тему:

— Извините, это, разумеется, личное. Ну а что же все-таки с теми тезисами?

— Да все просто, — устало отмахнулся Родский. — Василий Нифонтович сам разрешил мне использовать их в качестве темы выступления. Дело в том, что об этой теме мы давно неоднократно говорили, я знаю точку зрения профессора на эту проблему...

— Но почему же Ксения утверждает, что профессор был ошеломлен, когда услышал вас?

— Он был ошеломлен не потому, что услышал из моих уст свою, как полагает Ксения, тему. Он изумился, как своеобразно, по-новому я трактовал ее. Да вот, — Родский поднялся из кресла, подошел к книжной полке и вытащил оттуда золотистый диплом в деревянной рамке, — вот, англичане здесь указали, за что мне выдан диплом.

— Позвольте, — Лобов взял диплом из рук Род-

ского.

— Вы понимаете? — спросил Суровин.

— Достаточно, чтобы разобрать суть, — кивнул Лобов и, прочитав, объяснил: — Все верно. «За неординарное, талантливое и убедительное раскрытие спорной научной проблемы».

Суровин кашлянул, Лобов отвлекся и посмотрел на него. Следователь поглаживал голову, словно поправлял прическу. Лобов и сам давно заметил, что волосы Родского темно-русые, на висках с едва заметной сединой, недлинные.

— Простите, где у вас туалет? — Лобов положил диплом на стол. — Вы позволите?

— Конечно. Он там, совмещен с ванной, — кивнул Родский в сторону прихожей.

Лобов вышел из комнаты и осторожно прикрыл за собой дверь ванной. Чисто, аккуратно, даже не похоже, что живет холостяк.

«Никакой косметики, — Лобов с интересом осмотрел полочку под зеркалом, где стоял лишь стакан для зубных щеток и лежала безопасная бритва. — Ага, вот она!»

Он вытащил из стакана с зубными щетками большую зеленую расческу с ручкой и осмотрел ее. Впрочем, и навскидку было заметно, что между зубьями застряло несколько волос. Отличаясь

не просто хорошей памятью, а памятью феноменальной, Лобов заметил, что волосы совсем не те, какие присохли к обуху. Понял и с облегчением вздохнул. Для порядка все-таки взял несколько волосков и убрал их в маленький пакетик, который опустил в нагрудный карман пиджака. Хотел было выйти, но увидел на табурете возле ванны толстую стопку листов. Приподнял десяток-другой, пролистал. Студенческие работы кафедры профессора Рябича.

Лобов погасил в ванной свет, закрыл дверь и вернулся в комнату. Суровин продолжал расспрашивать Родского.

— Профессор Рябич не говорил вам, что он будет делать сегодня утром?

— Нет.

— А где вы были с утра, часов в девять-десять?

— На кафедре.

— У студентов ведь каникулы...

— У меня и помимо преподавательской работы много дел, — мягко улыбнулся Родский.

— Каких, например? — настаивал следователь.

— Готовился к очередной конференции, которая состоится через пару недель в Санкт-Петербурге.

— Конференция мирового уровня?

— На сей раз нет, денег у нас маловато, знаете

ли, на такие мероприятия. Своя, отечественная. Хотя кое-кто из иностранных ученых непременно будет приглашен.

— Ваше присутствие на кафедре могут подтвердить?

— Разумеется, там были почти все преподаватели...

— Максим Эдуардович, — вмешался Лобов, — а студенты будут в числе участников конференции?

— Да, самые талантливые обязательно будут.

— Их имена уже известны?

— Оргкомитет конференции решил на этот раз провести уникальную конференцию и пригласить на нее новые, подающие надежды имена. Чтобы их выявить, объявлен конкурс студенческих работ, которые принимаются в нескольких вузах страны, в том числе и в нашем университете.

— Вы член оргкомитета?

— Да, но его руководителем был... — Родский запнулся, но тут же твердо закончил: — До последнего времени был Василий Нифонтович Рябич... Думаю, конференция будет посвящена его памяти.

— Это справедливо, — согласился Лобов. — А

студенческие работы уже собраны вами? Кто вообще этим занимается?

— Как раз я и занимаюсь, ну, и еще два-три ассистента кафедры. Но, повторяю, это только в нашем университете. В других вузах свои комиссии.

— Понимаю, — кивнул Лобов. — А когда заканчивается прием работ на конкурс?

— Еще два дня. Потом читать будем дня два-три.

— Что ж, если у Николая Владимировича к вам больше нет вопросов, — Лобов выразительно посмотрел на удивленного Суровина, — не станем вам мешать.

— Всеволод Никитич, мне рекомендовали вас как опытного криминалиста, — сухо выговаривал Суровин коллеге, когда они спускались в лифте. — Но следствие все-таки веду я.

— Простите, Николай Владимирович, — Лобов прижал руку к сердцу, — мне показалось, что мы зря теряем время у Родского, тогда как оно нам ох как необходимо для других встреч...

— Зря? — воззрился на него Суровин. — Почему это?

— Ну какой Родский убийца? Разве не видно, что это закоренелый ученый, этакий ботаник,

образно говоря?

— Оно, конечно, видно, — смягчился Суровин. — Только вы волоски-то его все-таки проверьте. Нашлись они?

— Да, вполне достаточно. Сейчас же сдам на экспертизу. Заодно и узнаю, есть ли результаты исследования волос и крови с обуха и перчаток. Только знаете, Николай Владимирович, я почему-то уверен... не знаю даже, как объяснить вам все это... Одним словом, я убежден, что убийство Рябича никак не связано с хищением денег.

— Вот даже как? — удивился Суровин и остановился посреди двора, куда они только что вышли. — Но для себя-то хоть как-то прояснили?

— Говорю ведь, нет, — покачал головой Лобов. — У меня такое часто бывает. Нахлынет какое-то чувство необъяснимое, невероятное даже, однако я все равно чувствую, что в нем что-то есть, что-то непременно за ним кроется...

— И что, не подводило это чувство никогда?

— Практически никогда, Николай Владимирович. Наоборот, это первоначальное чувство и оказывалось потом, в конце следствия, самым верным.

— Интересно. — Суровин посмотрел на Лобова и уточнил: — Ну а все-таки, нынешнее убийство

— оно с чем связано, если не с деньгами?

— Не с деньгами, это точно. Скорее причина убийства — личные взаимоотношения.

— Между кем?

— В том-то и дело, что пока это не ясно. Может, Рябича с коллегами, может, профессора со студентами... Есть одна мысль... — Лобов задумался.

— Ну-ну? — поторопил Суровин.

— Мне кажется, что кое-что прояснится через студенческие работы...

— То есть?

— Ну, те работы, которые поступают к Родскому для отбора участников конференции.

— А что это может дать?

— Николай Владимирович, умоляю, не тяните из меня того, что во мне самом еще не укоренилось! — улыбаясь, взмолился Лобов. — Давайте подождем день-другой, когда закончится срок приема работ, тогда посмотрим.

Суровин угрюмо помолчал, идя к машине, потом все же спросил:

— Но ведь деньги-то исчезли!

— Исчезли, — согласился Лобов. — Но попутно, так сказать, поскольку были при профессоре. Кто-то воспользовался этим фактом для того, чтобы убедить нас в ограблении. Уверен — так

все и было.

— Ладно, убедили. Посмотрим. — Суровин взглянул на часы. — Встречаемся в девять часов. Профессор Кучин дал согласие на встречу.

— Буду, Николай Владимирович.

4

Ирина Арнольдовна Тамме понимала, что свершилось ужасное, непоправимое. Она чувствовала, как неумолимой волной на нее накатывает страх. Он леденил руки и ноги, комком застывал в гортани. Она пробовала пить горячий чай — не помогло. Подошла к бару, плеснула в стакан немного виски, влила в горло, запрокинув голову. Обжигающий напиток опалил ротовую полость, но в пищевод не попал. Она закашлялась, поперхнулась, выплюнула виски на пол. Расширенными в ужасе глазами смотрела, как жидкость впитывается в палас бесформенным, рваным пятном. В изнеможении присела на диван, бессильно опустив непослушные руки. Они повисли, как пустые рукава.

Ирина Арнольдовна отсутствующим взглядом смотрела на циферблат больших напольных часов. Как же раздражающе медленно ползла секундная стрелка! Каждый ее шаг отзывался в сердце женщины острой режущей болью. Шаг — укол боли! Ужас! Терпеть такое становилось мучительно, невыносимо...

Днем, после убийства профессора, позвонил

ее брат, сотрудник городской прокуратуры, и сказал, что к расследованию привлечен эксперт-криминалист Лобов.

«О чем ты, к чему это все?» — не поняла она, но брат пояснил, что Лобов — звезда столичной криминалистики, и если уж он взялся за дело, то непременно через несколько дней преступника найдут.

«Боже! — содрогнулась Ирина Арнольдовна. — Уже так скоро! Но что же мне делать?»

Вспоминая сейчас свое тогдашнее чувство, она понимала, что оно только усилилось, разрослось в ней одним огромным, жгущим углем и терзает, выжигает ее душу.

Надо что-то делать! Что-то необходимо предпринять срочно, теперь же!

Она резко вскочила и кинулась к платяному шкафу. Начала лихорадочно хватать с полок вещи и разбрасывать их по полу.

«Не то, не то!» — она в отчаянии швыряла одну вещь за другой, но не могла ни на одной остановиться.

Потом внезапно замерла, ее взгляд постепенно становился осмысленным. Снова подошла к бару, еще раз плеснула виски и на этот раз свободно проглотила его. Казалось, самообладание снова

вернулось к ней. Она взяла черный маркер и прошла на кухню. Через минуту вернулась в комнату, подошла к гардеробу, собрала кое-какие вещи в небольшой чемодан, оделась и прошла в ванную комнату. Умылась, причесала короткие темно-русые волосы с пробивающейся сединой, покрасила губы, ресницы и брови. Внимательно осмотрела квартиру, подняла с полу чемодан и... чуть не выронила его: тишину квартиры разрезал резкий звонок во входную дверь. Она опустила чемодан, на цыпочках подошла к двери и, не дыша, посмотрела в глазок. Так и есть!

Ирина Арнольдовна почувствовала, как возвращается недавний страх. Ни жива ни мертва стояла она у двери, не отрывая лица от глазка. С той стороны ждали и время от времени давили на кнопку звонка.

«Тут кто кого! — решила Ирина Арнольдовна и, осторожно отойдя от двери, присела на пуфик. — Пусть звонит. Надоест все же... Свет погасить, однако...» — Она поднялась и щелкнула выключателем. В квартире воцарился полумрак, надвигающиеся за окном сумерки стерли очертания, уплотнили пространство, заострили чувства. Ирина Арнольдовна терпеливо ждала. Она уже не боялась, как прежде. Мысли ее работали четко

и продуктивно.

Наконец звонки прекратились. Ирина Арнольдовна опять осторожно подошла к двери и прислушалась. Открылись двери лифта. Посмотрела в глазок, но ничего не увидела: лифт был в стороне. Однако услышала, что в него вошли.

Двери закрылись. Лифт пополз вниз. Ирина Арнольдовна подошла к окну и осторожно выглянула во двор. Та самая машина! Из подъезда вышел человек. Ирина Арнольдовна отпрянула от окна. Через полминуты посмотрела еще — машины не было.

Ирина Арнольдовна облегченно вздохнула, взяла чемодан, вышла на площадку и закрыла двери. Спустилась на лифте и вышла на улицу черным ходом...

Примерно в это же время Лобов вошел в кабинет Суровина и доложил:

— Есть результаты, Николай Владимирович.

— Валяйте.

— Кровь на обухе кувалды и перчатках принадлежит Ря-бичу, — начал Лобов. — Что касается волос, то, как я и предполагал, они принадлежат двум людям — профессору и другому человеку, возможно, убийце...

— Всеволод Никитич, как же так — «возмож-

но»? — прервал Суровин. — Нам ведь нужны четкие, безапелляционные доказательства!

— Хорошо, — согласился Лобов. — Гипотетически предположим, что это волосы убийцы. Как ни назови их владельца — это мало что нам даст, пока мы не отыщем самого владельца. Пока что он не найден, как вы понимаете. Хорошо уже то, что один подозреваемый отпадает. Экспертиза показала, что это волосы *не Родского.*

— Уже хорошо, — облегченно вздохнул Суровин. — Нам надо побыстрее закрыть это дело, сами понимаете, профессор очень уж знаменитая фигура. С нас просто так не слезут...

— Это естественно, Николай Владимирович. Будем уповать на Всевышнего. А моя жена помолится об успехе нашего дела.

— Она верующая? — спросил следователь.

— Да, и серьезно.

— Так, может, она нам подскажет, что надо сделать, чтобы поглаже все у нас шло? Ну, съездить куда-нибудь, например, в святые места или помолиться кому?

— Видите ли, Николай Владимирович, если самим что-то такое предпринять, это будет выглядеть как корысть, и неизвестно еще, чем все закончится. Как бы вообще не напортить. А вот

попросить другого человека помолиться за нас — это другое дело.

— Так какая же тут корысть, как вы говорите? Ведь мы стремимся к тому, чтобы справедливость восторжествовала! Никакого личного интереса тут и нет вовсе...

— Это на наш, человеческий, взгляд, Николай Владимирович, — возразил Лобов. — А там, — он поднял палец над головой, — свои соображения, порой с нашими не согласующиеся. Для Бога важнее не справедливость, а милосердие. Подумайте, готовы ли мы к милосердию, Николай Владимирович? Одним словом, не могу это грамотно выразить, но именно так.

— М-да-а-а, — обескураженно протянул Суровин. — Мне этого, видимо, не понять никогда... Значит, самим нужно добираться до сути.

— Что мы и делаем, Николай Владимирович, насколько я понимаю, — улыбнулся Лобов. — На очереди у нас Кучин, кажется? Времени уже без четверти девять. Не опоздаем?

Они не опоздали. Кучин как раз закончил накрывать стол в гостиной своей роскошной профессорской квартиры.

— Сегодня такая роскошь кажется просто неправдоподобной для обычного профессо-

ра, — суетясь в прихожей, встречал он гостей, артистично поводя атлетическими плечами. — Но эта квартира досталась мне в наследство от тети, у которой детей не было, а я был единственным племянником — любимым и обожаемым. Проходите, я вас ждал.

Лобов и Суровин прошли в просторную комнату, посредине которой был накрыт стол на три персоны.

— Вы люди занятые, — суетился профессор у стола, — так что очень кстати будет и поужинать. Поди, не обедали даже сегодня? С такими-то новостями, — Кучин грустно вздохнул и опустил голову. — Бедный Василий Нифонтович! Он был в том возрасте, когда идеи фонтанируют, когда зарождаются новые оригинальные замыслы...

— Спасибо, Илья Матвеевич, — поблагодарил Суровин, располагаясь вместе с Лобовым на красивых венских стульях. — Но скажите, ведь вы были, как это говорится, на ножах *с* ныне покойным?

— О, это лишь в научной сфере. — Нимало не смутившись, Кучин сел рядом с гостями и принялся раскладывать им на тарелки поджаристые шницеля с лимонными дольками. — Давайте сперва покушайте как следует, а разговоры

потом, ну, или параллельно, как хотите. Хотя, чтобы по-настоящему насладиться вкусом этого шницеля, готовить который, кстати, научила меня та же покойная тетушка (она была женой дипломата и где только не побывала, чего только не попробовала на своем веку), — так вот, говорю, чтобы насладиться этим непревзойденным вкусом — надо есть шницель молча. Так что прошу вас, — Кучин, взяв в руки нож, кивнул на тарелки, приглашая гостей присоединиться и не церемониться. Лобов заметил, что тыльные стороны ладоней Кучина покрыты густыми русыми волосами.

Смущенно переглянувшись с Лобовым, Суровин первый принялся за еду.

— Необходимо немного запить это превосходное блюдо! — продолжал Кучин. Он налил в бокалы красного вина и сделал большой глоток. — Нравится? Весь секрет этого шницеля в том, что его ни в коем случае нельзя пережарить, передержать то есть. Всего полминуты, но в кипящем масле. А предварительно отбить хорошенько. Вкусно, правда? — Он с наслаждением запихнул в рот огромный кусок говядины. Жевал не спеша, смакуя и умиляясь на глазах у смущенных гостей.

— Шницель и впрямь отменный, Илья Матвеевич, спасибо огромное, — поблагодарил Лобов, проглотив последний кусок. Потом сделал глоток из бокала и вытер салфеткой рот. — Но не пора ли перейти к делу. Вы, наверное, многое можете нам рассказать...

— О чем же? — вздрогнул Кучин. — Вовсе нечего рассказывать, если вы имеете в виду нынешнее утро и то, где я провел его. Я был на кафедре, я теперь временно заведующий кафедрой, после смерти... гибели Василия Нифонтовича... Так что с самого утра был в университете... Извините, — Кучин составил посуду на поднос и ушел на кухню.

— Вы бы в ванную, Всеволод Никитич, а? — намекнул Суровин. — За волосами.

— Всегда успеется, Николай Владимирович, — ответил Лобов. — Только я думаю, что это ни к чему.

— То есть как ни к чему?

— Проще говоря, Кучин не убийца.

— Ну вы даете, коллега! — изумился Суровин. — Может, тогда сразу, вот тут, скажете, *кто* убийца?

— Я, пожалуй, готов это сделать дня через два, после опроса всех знакомых Рябича. Но одно теперь знаю точно: Кучин ни при чем!

— А я вам не верю, представьте себе! — резко возразил Суровин. — Нужны четкие доказательства, Всеволод Никитич, вы же знаете! Наверху тем более никто не поверит вашим предположениям.

— Тогда пусть все идет по накатанному сценарию?

— Пусть, пусть идет! — отрубил Суровин. — И станем выполнять каждодневную, рутинную работу. Каждый свою. Я — расследовать, а вы — экспертизы проводить. — В голосе следователя слышалось едва заметное раздражение, и Лобов знал, что спорить в таких случаях бесполезно.

— Ну, тогда я руки мыть, — промолвил Лобов, взял салфетку, смахнул в ладонь крошки со стола и направился на кухню.

— Илья Матвеевич, — обратился он к хозяину, мывшему посуду, — со стола я вытер. Где можно руки вымыть?

— Да что же это вы, право слово! — засуетился Кучин. — Я бы и сам справился. Вот гостей-то поднапряг, а? Извините, ради бога!

— Ничего-ничего, никакого напряга тут нет. Так где помыть?

— В ванной, конечно, — Кучин кивнул в сторону прихожей. — Средний выключатель. Полотенце

возьмите любое, они все чистые.

— Благодарю. — И Лобов вышел из кухни.

В ванной Кучина было роскошно: красивая плитка, суперская стиральная машина, всевозможные шкафчики, полочки, флакончики и тюбики. И конечно же, как полагается, расческа для волос на своем месте.

Лобов взял ее в руки и маленьким пинцетом подцепил несколько волосков. И вдруг его передернуло: моментально, едва поднес пинцет поближе, он узнал волосы с обуха кувалды, которой был убит Рябич.

«Чушь, — пробормотал он, — чушь, галлюцинация, быть не может».

Он вытащил платок, протер глаза, вытащил из футляра очки и протер линзы, надел очки и внимательно посмотрел еще раз.

«Бред полнейший! — в полный голос выругался он и спохватился, не услышали ли его в комнате. — Интуиция капризничает или вообще отказала? Рановато бы еще... Но ведь *такого* быть не может! Просто не может быть!» — И он, не доверяя себе, вытащил из кармана лупу, раскрыл ее и еще раз пристально рассмотрел волоски на кончике пинцета. Сомнений не было — такие же волоски присохли к обуху кувалды, найденной

им под мостом.

Мрачнее тучи вышел он к Суровину и Кучину. Следователь сидел в кресле и в упор смотрел на оправдывающегося Кучина. Профессор стоял перед ним и резко жестикулировал:

— Накануне Василий Нифонтович предупредил нас, что завтра до полудня его не будет. Никто, естественно, не поинтересовался, какие у него дела. Завкафедрой все-таки...

Когда Лобов вошел, Суровин вопросительно посмотрел на него. Лобов кивнул, это заметил Кучин и еще больше распалился:

— Позвольте, мне кажется, вы определенно подозреваете меня в этом убийстве! Но ведь я сказал вам, что все утро был на кафедре! С половины десятого до тринадцати тридцати...

— А потом?

— А потом поехал на теннисный корт!

— Там вас видели?

— А по-вашему, я играл один, со стенкой? Простите, но это для чайников. А я все-таки мастер спорта.

— России?

— Еще СССР.

— Снимаю шляпу, Илья Матвеевич, — как можно мягче сказал Суровин. — Да не кипятитесь

вы. Работа у нас такая — все проверять, никому не доверять. Незадолго до вас мы встречались, например, с Максимом Родским.

— Хорошо, — немного успокоился Кучин. — Скажите, вы наверняка ведь уже определили время смерти Рябича?

— Конечно, — кивнул следователь. — Около десяти часов.

— Вот видите! Именно в *это* время, — Кучин сделал ударение на местоимении, — я был на кафедре. Тот же Родский, если вы с ним уже общались, мог бы подтвердить вам это. Что же, не подтвердил? Да с него станется, пожалуй, — обреченно махнул он рукой и устало опустился во второе кресло.

— Подтвердил, Илья Матвеевич, не волнуйтесь, — включился в разговор Лобов. — Более того, сказал, что видел, как вы подъезжали к университету как раз в половине девятого.

— Спасибо ему. По крайней мере, честный человек.

— Илья Матвеевич, расскажите, пожалуйста, о ваших разногласиях... ну, с тем же Родским, например. Или с профессором Рябичем, — попросил Лобов, устраиваясь на стуле. — Я ведь знаю, в научном мире не все так просто. Вечные споры,

дискуссии... Что вас разъединяло?

— Вы правы, рассказать, пожалуй, стоит, хотя бы для того, чтобы расставить перед вами все точки над «i». Так вот. Василий Нифонтович Рябич... — Кучин запнулся, но быстро овладел собой: — Извините, придется, видимо, говорить «был», а это не укладывается у меня в голове. Но все наши разногласия, как вы говорите, были именно *разногласиями,* то есть разными воззрениями на одну научную тему. Никакой личной вражды между нами не было и быть, не могло. С чего бы вообще? Профессор Рябич был... был, конечно, новатором в науке, первопроходцем. Смелым, порывистым, отважно берущимся за любую гипотезу с целью определить наконец ее истинность или, наоборот, ложность. Это непростой путь, здесь удобнее всего получить по шапке. Но это не отпугивало Рябича. Один за одним он делал ошеломляющие доклады на международных конференциях, стал популярен, его везде приглашали, много печатали за границей.

— Так чем же он вам не угодил-то? — перебил Суровин. — Простите, я хотел сказать — чем его взгляды так отличались от ваших? Правильно так сказать?

— По сути правильно, — улыбнулся Кучин. —

Вы понимаете, Рябич был скорее ученым западной школы. В его работах много догадок, гипотез. Смелых, конечно, оригинальных, но все-таки предположений. Отечественная историческая школа опирается на иную методологическую базу. *Нам,* — он с гордостью, как показалось Лобову, выделил это слово, — нам интересны глубоко аргументированные выводы, а как можно, например, писать о Второй мировой войне, когда многие архивы по-прежнему закрыты?

— Так что же, не изучать вовсе этот период истории? — удивился Лобов.

— По мне, так и не изучать! Рябич сказал както, что тайна этой войны раскроется лишь на Страшном суде...

— Да, мы знаем об этой его фразе, — поддакнул Суровин.

— И тем не менее постоянно искал чего-то, выступал порой с неимовернейшими предположениями. Они, на западе, любят сенсации. Но, простите меня, это не наука.

Кучин замолчал, взял бокал с вином и выпил немного. Суровин посмотрел на Лобова и, поймав его хитрый взгляд, встал:

— Спасибо, Илья Матвеевич. Еще раз извините нас. Если что понадобится, мы еще к вам обра-

тимся.

— Всегда пожалуйста, — ответил Кучин. — И вы меня простите. Обращайтесь, конечно.

Он вывел гостей в прихожую и закрыл за ними дверь.

— Сейчас же волосы на экспертизу! — распорядился Суровин на улице. — Чтобы к завтрашнему полудню были готовы! Что-то не нравится мне этот Кучин! Да подождите вы, Всеволод Никитич, с вашими предположениями! — видя, что Лобов как-то насторожился, поторопился следователь. — Ведь за научную идею тоже можно человека убить! Что, разве не было такого в истории?

— К сожалению, было, Николай Владимирович.

— Ну вот. — И поглядев на Лобова, сказал уже мягче: — Дождемся результатов экспертизы, тогда и поговорим.

Лобов понял, что может произойти непоправимое.

— Хорошо, Николай Владимирович, — понуро ответил он. — А вас можно попросить об одном одолжении?

— Разумеется.

— Нужно проверить, кому принадлежит теле-

фонный номер, с которого Ксении Рябич звонили сегодня в тринадцать сорок три.

— Хорошо, завтра сделаю запрос сотовому оператору, попрошу пооперативнее. Давайте так: вы с результатами к обеду ко мне, а я буду ждать вас с определенным номером. Хорошо?

— Хорошо. Спасибо, Николай Владимирович, — Лобов попытался ответить как можно дружелюбнее.

Хотя на душе у него кошки скребли.

5

Около полуночи Лобов сидел за кухонным столом напротив жены и через силу (через «не хочу», как говорила Ирина) жевал кусочки рыбного филе.

— Я ничего не понимаю, Ирина, — мрачно промолвил он. — Кучин не виноват, понимаешь, не виноват! Я чувствую это, печенкой чувствую, ты ведь знаешь меня! Кучин кто угодно — карьерист, серость, подлиза, но не преступник!

— Раз он не виноват, ты сможешь это доказать, — успокаивая, Ирина погладила его по голове, как маленького капризного ребенка. — У тебя получится. Именно потому, что я тебя знаю.

— Но сколько копий придется сломать, чтобы доказать это Суровину!

— Ты — докажешь! Ведь есть же еще что-то помимо этих волос?

— Так только, догадки, смутные чувства...

— Так надо развить их, превратить чувства в убеждения, а потом попробовать подобрать доказательную базу.

— Да я-то подберу. Но как это воспримет Суровин? Знаешь, мне всегда было нелегко работать

со следователями. Ладно Сырцов, он меня знает тысячу лет. А Суровин? Да и не посмотрит он вовсе на какие-то мои из-мышлизмы!

— Всякая работа есть тяжелый, упорный труд, — возразила Ирина. — И относиться к нему нужно безропотно, с благодарностью, сам знаешь, *Кому*. Труд нам во спасение дается, — она еще раз взъерошила его волосы и ласково заглянула в глаза.

— Надоело мне все, Ириша, — устало произнес Лобов. — Бросить, что ли, все да открыть свое агентство? Хоть никто мешать не будет...

— Вот до пенсии дотянешь, там и откроешь, — категорично отрезала жена. — К тому же сам знаешь, что частные детективы — по большому счету никто. Если у милиции власть, сила, то у частных сыщиков что? Пфу! — она дунула на пальцы и раскрыла их веером.

Они помолчали. Лобов доел филе, поднялся из-за стола и подошел к мойке. Открыл кран, стал мыть посуду. Ирина о чем-то напряженно думала, глядя на него.

— Слушай, — вдруг сказала она, словно очнулась. — Сядь-ка.

Лобов удивленно посмотрел на нее, вытер руки и сел на табурет.

— Скажи, ты ведь уже кого-то подозреваешь? Не спрашиваю, кого. Знаю, что могу сглазить. Но ответь — есть подозреваемый?

— Пока — только чутье какое-то...

— Неважно. Твое чутье, как правило, всегда непогрешимо.

Так вот, надо отнестись к подозреваемым как к пациентам, например...

— Пациентам? — Лобов вытаращил глаза.

— Ну да! Знаешь, в нашей практике часто попадаются такие пациенты (алкоголики, конечно), которые всеми правдами и неправдами пытаются увильнуть от лечения, говорят, что оно им ни к чему, что они и сами могут справиться с зависимостью. Это и понятно: ни одни алкоголик не признается в том, что он алкоголик.

— Ты к чему?

— Вот к чему. Во время бесед врач или психолог обычно задает им всевозможные вопросы, как правило, не относящиеся напрямую к их алкогольной зависимости, но тем не менее могущие приоткрыть какие-то тайники его психики. Спрашиваешь, например: «Перед уходом из дома бывает ли так, что вы возвращаетесь на кухню, чтобы проверить, выключена ли плита?» Он понимает, что в вопросе содержится какой-то

подвох, чувствует, что сам факт *возвращения на кухню* может быть использован против него, и отнекивается: что вы, мол, никогда не возвращаюсь, всегда прекрасно помню, выключил или нет! Говоря вашим, следственным, языком, он запутывает следствие, уводит следователя от сути, сбивает его на не относящиеся к делу мотивы, поступки, лица, наконец. Понимаешь?

Лобов кивнул, сосредоточенно вглядываясь в глаза Ирине.

— Но задача врача (или следователя, неважно) — понять, что вот тут-то он и водит его за нос. Смотри: если на обухе волосы Кучина, а он, как ты уверен, не виноват, значит, кто-то специально приклеил их к кувалде, чтобы навести следствие на Кучина. Иначе как волосы попали на улику?

— Да, ты права, — оживился Лобов. — Умница. Мы опросили двоих знакомых Рябича, остаются еще двое близких ему людей. Один — точно близкий, и даже очень. А второй… Второй, думаю, тоже что-нибудь знает. Завтра встретимся с ними, тогда, думаю, картина преступления сложится более отчетливо.

— А точнее — сформируется, — поправила Ирина. — Ведь пока что, я понимаю, у тебя ее нет?

— Нет, — улыбнулся Лобов, — но с твоей помо-

щью, уверен, она обязательно сложится.

— Не с моей, а с Божьей! Молиться надо, сколько раз тебе говорила, — и она слегка щелкнула его по лбу. — Давай спать.

«Кто-то уводит подозрение от себя, — думал Лобов, засыпая. — Кто-то непременно хочет, чтобы осудили невиновного... Кто же? Завтра, завтра многое прояснится...»

...Утром худшие предположения подтвердились. Экспертиза ДНК установила, что волосы на обухе кувалды оставил Кучин. Более того — волоски на внутренней стороне перчаток также принадлежат ему.

— Ну вот видите, — обрадованно вскочил со стула Суровин, когда Лобов положил перед ним результаты исследований. — А вы говорили! У меня ведь тоже, Всеволод Никитич, интуиция не вчера появилась! Тоже в органах не первый десяток лет! Ну что же, все улики налицо. Остается взяться как следует за Кучина. Думаю, долго он увиливать не станет — кишка тонка. Но пока суд да дело, направлю ходатайство в суд о мере пресечения.

— Какую хотите? — грустно поинтересовался Лобов.

— Самую строгую в данных условиях, — отче-

канил следователь. — Помещение в изолятор временного содержания! А как вы думали? Опасный преступник, убийца будет свободно по городу ходить? Студентам преподавать?..

— У студентов каникулы сейчас...

— Все равно! А вдруг ему вздумается еще кого-нибудь на тот свет отправить?

— Мне кажется все-таки, что вы спешите, Николай Владимирович, — попробовал не согласиться Лобов. — Неловко потом будет перед человеком, извиняться придется...

— Перед человеком? — чуть не закричал Суровин. — Да какой это человек, позвольте спросить?!

— Такой же, как мы с вами, Николай Владимирович, гражданин своей страны, — Лобов старался говорить спокойно, хотя возражения так и лезли из него наружу. — Он тоже под защитой Конституции, — сказал напоследок первое, что пришло в голову, и замолчал, бессильно опустив руки.

— Понимаете, Всеволод Никитич, — голос Суровина стал мягче, — к сожалению, наша работа плоха тем, что совершенно исключает человеческий фактор. Совершенно! У всех у нас холодная голова, вы помните девиз. Для нас гораздо важнее

улики. А они в данном случае неопровержимы, я считаю. Так что давайте станем выполнять каждый свою работу, еще раз прошу вас. И не дуйтесь на меня, ладно? — он подошел к Лобову и приобнял его, заглядывая в глаза.

— Все в порядке, Николай Владимирович, — слабо улыбнулся Лобов. — Вы правы, конечно, улики есть улики. А что с телефонным номером, помните, я просил вас вчера узнать?

— Ах да, конечно, — спохватился Суровин. — Чуть не забыл. Записан у меня, — он подошел к столу и протянул Лобову листок. — Только зря вы это, Всеволод Никитич, улики-то против Кучина налицо...

— Я все-таки попробую, если вы не возражаете, провести дополнительное расследование, пока вы будете допрашивать Кучина.

— Конечно, не возражаю. В экспертизах пока надобности нет, а заняты мы одним делом, вот и занимайтесь, чем считаете нужным, пока дело не закроем. Думаю, два-три денечка у вас есть.

«Да, не больше, — подумал Лобов. — И за это время надо успеть доказать, что Кучин не виноват. А значит — найти настоящего убийцу!»

— Спасибо, Николай Владимирович. — Лобов вышел от Суровина и взглянул на листок. На нем

был записан номер мобильного телефона некоего Константина Сергеевича Онипко. И адрес в придачу.

Перекусив в буфете прокуратуры, Лобов набрал номер. Долго не отвечали, а слух настойчиво атаковала агрессивная мелодия последнего шлягера группы «Рамштайн». Наконец щелкнуло соединение, и Лобов услышал осторожный, будто напуганный голос:

— Да, слушаю. Кого вы хотели?

— По всей видимости, вас, молодой человек, если вы Константин Онипко.

— Ну, я Онипко, — настороженно ответили Лобову.

— Вот и прекрасно. Значит, вы мне и нужны.

— А кто вы, простите?

— Я из милиции, меня зовут Всеволод Никитич Лобов. Скажите, Константин, мы не могли бы с вами встретиться?

— Для чего? — собеседник был явно взволнован.

— Вы, наверное, знаете, что вчера убили профессора Ря-бича. Ведь вы учитесь на историческом факультете?

— Да, на историческом, но я ничего не знаю о гибели профессора, — тон собеседника стал уже

вовсе паническим.

— Успокойтесь, я и не думаю, что вы знаете что-то о его смерти. Просто мне бы хотелось поговорить кое с кем из его студентов, составить более объемный портрет профессора. С его коллегами по кафедре мы уже поговорили, было бы интересно услышать и мнение студентов. Считайте, что очень меня обяжете, если согласитесь на встречу. Или у вас сегодня занятия?

— У нас сейчас каникулы.

— Так, значит, вы дома?

— Да. Но вообще-то у меня много дел... Не знаю, как и быть-то... Я должен именно сегодня закончить одну работу, очень срочную, и отправить ее по электронной почте... Может быть, завтра встретимся?

«Как бы тебя прижать-то? — соображал Лобов. — Соображай же, моя соображалка! Скорее!»

Он кашлянул и пошел ва-банк:

— Вы знаете, Константин, мои дела в общем-то тоже не терпят. Ценя ваше время, мог бы подъехать к вам домой. Отвлеку вас всего минут на пятнадцать.

— Вы знаете мой адрес? — в голосе Онипко сквозил откроенный ужас.

— Простите, работа у нас такая... Так как насчет

встречи?

В трубке помолчали, потом Онипко выдохнул:

— Хорошо. Жду вас через час. Но только на пятнадцать минут.

— Спасибо, ни минутой больше. — И Лобов отсоединился.

Он посмотрел на часы — девять сорок.

«Теперь только бы успеть!»

Он быстро вышел во двор Управления и сел за руль своей старенькой «Мазды». Хорошо, что ехать до дома Онипко было недолго. Лобов давил на педаль газа и молился, чтобы на Садовом кольце не было пробок. К счастью, в нужном ему направлении заторов не оказалось, и скоро он остановил машину во дворе обыкновенного панельного семнадцатиэтажного дома. Взглянул на часы. Девять пятьдесят две. Вышел из салона и направился к ближайшему подъезду. Не тот. Просчитал и предположил, что, скорее всего, следующий. Так и есть. Должно быть, девятый этаж. Он вошел в подъезд и подошел к лифтовым кабинам. Их было две. Грузовой лифт спускался вниз, а пассажирский отдыхал наверху, на семнадцатом. Лобов стал ждать, пока спустится грузовой. Вот он прогрохотал и, слегка вздрогнув, остановился и замер. Через секунду дверь

начала тяжело открываться, но не дождавшись, пока она раскроется до конца, из кабины резво выскочил молодой человек и, едва не налетев на Лобова, кинулся из подъезда. Лобов среагировал молниеносно.

— Гражданин Онипко?

Парень остановился на середине лестницы и, неловко сжавшись, медленно повернулся к Лобову.

— Да, это я... А вы?.. Вы из милиции?..

— Совершенно верно, — кивнул Лобов. — Что же вы так? Ведь договаривались, что дождетесь меня.

— Видите ли... — смущенно забормотал Онипко, жестикулируя длинными тонкими руками. — Тут... внезапно срочное дело... Одним словом, я не могу сегодня... Давайте, может быть, завтра...

— Э, нет, молодой человек. — Лобов приблизился к Онипко и положил руку ему на плечо. — Так вовсе не годится. Вы, получается, водите следствие за нос, отказываетесь от дачи показаний. За это все-таки ответственность предусмотрена. Хотите жизнь свою молодую исковеркать?

— Но понимаете... честное слово, мне очень важно быть в другом месте... вопрос жизни и смерти, клянусь!

— Значит, так. — Лобов крепче стиснул руку Онипко и медленно, но жестко развернул парня к себе. — Или вы беседуете со мной, как полагается, минут десять, как мы договаривались, или... Ну, вы понимаете...

— Ладно. — Онипко обмяк и тяжело вздохнул. — Но только не дома. Там мать, она больна...

— Хорошо, тогда в моей машине. Или вы предпочитаете у меня в Управлении?

— Давайте лучше в машине, — испугался Онипко.

Едва они сели в машину, Лобов понял, что парень не на шутку испуган.

— Не тряситесь так! — приободрил его Лобов. — Если вы ни в чем не виноваты, бояться нечего. Я с. удовольствием послушаю о ваших внезапно нагрянувших проблемах и помогу чем смогу, но только после того, как вы ответите мне на несколько вопросов. Идет?

— Идет, — обреченно кивнул Онипко. — Спрашивайте.

— Во-первых, скажите мне, где вы были вчера утром, с девяти до одиннадцати?

— Дома был. Работу срочную писал, я ведь вам по телефону говорил.

— А подтвердить кто может?

— Мать может. Она дома постоянно, болеет очень, инвалид второй группы.

— Допустим, поверил. Во-вторых. В каких отношениях вы были с ныне покойным профессором Рябичем? Впрочем, про «отношения», наверное, громко, вы ведь его ученик. Ну, скажем, как он к вам относился?

— Да я вовсе не его ученик, кроме обязательных дисциплин, которые сдавал ему. Мой научный руководитель — профессор Кучин, Илья Матвеевич.

— Знаю такого. То есть нет никаких точек, в которых вы соприкасались бы с профессором Рябичем?

— Н-нет, — ответил Онипко, и тогда Лобов пустил в ход запасной козырь:

— Тогда третий вопрос. С его дочерью не знакомы?

Онипко вздрогнул, и Лобов дожал:

— Вчера днем вы звонили ей на мобильный телефон. Она была занята и обещала рассказать все потом. Ну, помните?

Онипко вжался в кресло, опустил голову и отвел глаза в сторону.

— Отвечайте же, не стоит молчать, уверяю вас.

— Да, мы знакомы, — наконец выдавил он.

— Насколько близко знакомы?

— *Очень* близко, — негромко продолжал парень. — Если вы понимаете, о чем я.

— Чего ж не понять? Все предельно ясно. А как к вашим отношениям относился ее отец, простите за тавтологию?

— Никак. Не одобрял. Прочил Ксении, как он говорил, достойных женихов, будущих знаменитостей, — Онипко едва заметно усмехнулся, но это не ускользнуло от Лобова.

— Вам это не нравилось, конечно?

— А что толку? Кто я такой?

— А Ксения?

— Она уважала Василия Нифонтовича, он все-таки один воспитывал ее с двенадцати лет, с тех пор, как умерла мать...

— Ваше отношение к профессору можно назвать неприязнью?

— Ну что вы! Скорее его ко мне... Послушайте, — Онипко резко повернулся и в упор посмотрел на Лобова полными ужаса глазами. — Вы серьезно можете думать, что это я... что это я убил профессора?

— Да успокойтесь вы, — отмахнулся Лобов. — Вовсе я так не думаю. И поверьте, это не лукавство, как иногда принято в нашей практике.

«Куда тебе! — подумал он. — Кишка у тебя тонка, как говорит Суровин!»

— Скажите, мать Ксении серьезно болела? — спросил он после недолгого молчания.

— Да, у нее было слабое сердце. Она всю себя посвятила мужу и дочери. Но в один момент сердце не выдержало...

— После ее смерти Рябич был один?

— Нет. Вскоре он близко сошелся со своей давней знакомой Ириной Арнольдовной Тамме.

— Ксения сказала, что она преподает в том же университете?

— Да, она доцент на искусствоведческом факультете. Специалист по арабскому искусству.

— Ну, об этом позже. Скажите, Константин, а Ксения сама рассказала вам про гибель отца?

Парень кивнул.

— Вчера? Как и обещала, вскоре перезвонила?

— Да, когда милиция уехала, она позвонила мне и все рассказала... Мы сразу встретились...

— Следствие ведет прокуратура. Поймите, насколько это серьезно. А у вас есть машина?

— Нет. Я заказал такси и примчался на дачу.

— И когда вернулись в город?

— Я часа через два, а она вовсе не возвращалась, ночевала там.

— Скажите, она уже занимается организацией похорон?

— Да, хоронить будут завтра.

— А средств у нее достаточно?

— Вполне. Отец хорошо ее обеспечивал. У нее и свой счет есть.

— Понятно. А не говорила ли вам Ксения о том, кто, на ее взгляд, мог совершить это убийство? Ну, может, какие-то предположения у нее есть? Как она себя вела во время вашей встречи? Никого не боялась? Не из-за этого ли она остается на даче? Там ведь, насколько я помню, очень крепкий забор, с хорошей сигнализацией?

— Мне тоже показалось, что она чем-то взволнована. Я пытался разговорить ее. Но она отмалчивалась. Наконец мне надоела эта безызвестность, и я напрямую спросил о ее тревоге. Она ответила, что опасается одного человека...

— Но почему она не сказала об этом нам? — удивился Лобов.

— Понимаете, у нее лишь предположения. Зачем же подводить под подозрение непричастного, возможно, человека? К тому же близкого знакомого...

— Ну-ну, сказав «А», говорите уж и «Б». Что это за человек?

— Поймите... это лишь предположение... Оно может быть и неверным...

— Выкладывайте! Верно, не верно — проверять нам.

— Ну хорошо, — выдохнул Онипко. Это Ирина Арнольдовна Тамме, подруга профессора.

— Ну и ну! — присвистнул Лобов. — Как это вы кстати!

После разговора с Онипко он как раз собирался встретиться с Тамме.

— Подробней, пожалуйста, — попросил он парня.

— Ксения говорила, что Ирина Арнольдовна всегда была суровой к ней, помыкала ею, словом, всегда была Ксении неприятна. Ксения сказала мне вчера, что у нее... — Онипко замолчал.

— Продолжайте, — потребовал Лобов.

— Но это всего лишь предположение!

— Выкладывайте! Вы сами себя задерживаете. Времени-то у вас в обрез.

— Ну ладно... но только не говорите про это Ксении... Может, это всего лишь ее вымыслы...

— Вы мужчина или кто? — не выдержал Лобов, и Онипко как-то скис, потерялся и залепетал:

— Я сам, конечно, в это нисколько не верю. Но Ксения сказала мне, что Ирина Арнольдов-

на вполне могла... вполне могла отважиться на убийство Василия Нифонтовича...

— Она чем-то аргументировала свое предположение?

— Да как раз всем своим многолетним знакомством с этой женщиной... Говорила, что та не раз просила у профессора денег в долг, но он всегда помогал ей безвозмездно, так что у нее вошло в привычку по случаю и без случая клянчить у него деньги... Но знаете, об этом лучше вам все-таки поговорить с самой Ксенией... Только не говорите, что я вам об этом сказал...

— И последнее. Вы лично не были свидетелем каких-нибудь подобных сцен с Тамме, о которых говорила вам Ксения?

— Нет. Боюсь, что Тамме даже и не знает о моем существовании.

— То есть Ксения никогда не приглашала вас домой, где вы могли бы встретиться с Ириной Арнольдовной?

— Приглашала несколько раз, но я всегда отказывался... Зная отношение ко мне профессора... Я лишь несколько раз был у них на даче... Ну, когда профессора там не было.

— Тогда, пожалуй, все. Спасибо вам за беседу. И еще. Не поделитесь, что за срочная проблема у

вас возникла?

— Если это не относится к делу, разрешите мне не отвечать?

— Как знаете. — И Лобов кивнул Онипко, выбирающемуся из салона.

Зазвонил мобильный телефон. Лобов посмотрел на определитель и ответил:

— Слушаю, Николай Владимирович.

— Дело идет, Всеволод Никитич. Я подал иск в суд о мере пресечения Кучину. Обещали завтра рассмотреть.

— Поздравляю вас. Такими темпами, я думаю, мы скоро закроем дело. И наверху на нас не будут в претензии.

— Не ерничайте, коллега. Лучше скажите, чем вы сейчас занимаетесь?

— Собираюсь встретиться с Тамме.

— А, с подругой покойного? Не вижу неотложной необходимости, но на ваше усмотрение. Может быть, она что-нибудь добавит существенное. Кстати, постарайтесь побольше узнать у нее о Кучине.

— Хорошо, Николай Владимирович.

Он позвонил Тамме, но в ответ услышал такое знакомое, но сейчас вовсе не желательное: «Абонент временно недоступен». Недобрые пред-

чувствия овладели им. Он зашел в соседний «Макдоналдс», без аппетита проглотил два гамбургера, запил ледяной кока-колой, вышел на улицу, закурил. Нетерпеливо швырнул недокуренную сигарету в урну и снова набрал номер Тамме. Та же история.

Поехал к ней домой. Поднялся на пятый этаж, позвонил в дверь. Долго ждал. Никто не открыл. Приложил ухо к двери и прислушался. Ни звука, ни шороха даже. Еще раз позвонил. «...Или находится вне зоны действия сети».

Спустился вниз, сел в машину и поехал в университет. Нашел факультет искусствоведения, зашел в деканат, представился.

Оказалось, что Ирина Арнольдовна Тамме должна была сегодня прийти на заседание кафедры, но не пришла. Коллеги звонили ей, но с тем же, что и у Лобова, результатом.

Лобов понимал, что оказался в тупике. Тамме была последним человеком, с которым ему непременно нужно было встретиться. И вот она исчезла. В такие минуты Лобов чувствовал себя потерянным, лишним и не способным ни к чему. Не только чувствовал, но и на самом деле выпадал из работы — не мог думать, не мог анализировать, не мог даже расслабиться, чтобы

отдохнуть и собраться с мыслями.

«Итак, все насмарку, — терзал он себя. Завтра суд удовлетворит прошение Суровина, невинный человек попадет за решетку. Суровин непременно растрезвонит о наших спорах, и мое реноме окажется сильно подмоченным». В такой ситуации его могло вернуть к работе лишь какое-то неожиданное происшествие. Тогда он мог мобилизоваться и вновь становился тем Лобовым, каким его привыкли видеть коллеги. Но где взять это самое происшествие, этот спасительный толчок?

«Ириша, помолись обо мне!» — мысленно обратился он к жене. Свернул в тихий скверик, присел на скамейку и снова закурил. Мысли, после разговора с Онипко собранные для последней мыслительной атаки, растаяли, будто мираж. Самым ужасным было то, что весь этот день ему предстояло мучиться в безвестности. Ходить из угла в угол, курить сигарету за сигаретой, капризничать, изводить жену... Мрачная перспектива. Лобов повесил голову и совершенно не знал, что предпринять.

Но спасительный выход нашелся неожиданно. Конечно, Лобов не верил в мистику, но знал, что без потусторонних сил не обошлось. «Спасибо,

Ириша!» — шепнул он и нажал на соединение.

— Всеволод Никитич, здравствуйте. Родский говорит.

— Рад слышать вас, Максим Эдуардович.

— Вы просили звонить вам, если случится что-нибудь интересное.

— Конечно. И что же? — Лобов весь подобрался, предчувствуя, что работоспособность вновь возвращается к нему.

— Ну так вот, думаю, что именно такое и случилось час назад. Не могли бы вы приехать на кафедру? Я здесь.

— Буду через полчаса! — выпалил Лобов и поспешил к машине.

Увидев влетевшего Лобова, Родский встал из-за стола, пожал гостю руку и пригласил сесть.

— Видите ли, какой казус получается, Всеволод Никитич... Я вам говорил, что заканчивается срок подачи студенческих работ для участия в конференции.

— Прекрасно помню.

— Так вот. Сегодня поступили тезисы доклада от одного студента. Очень интересные, оригинальные тезисы. Неординарное решение проблемы.

— Я не сомневался, что среди ваших учеников есть достойные студенты.

— Благодарю. Но все дело в том, что это *не наш* ученик, то есть не Рябича и не мой, если вы об этом. Это ученик профессора Кучина.

— Вот как? И что же?

— Но Кучин никогда не занимался Второй мировой войной. Я ему позвонил, но он даже не знает о том, что его ученик занимался этим. Во всяком случае, Илья Матвеевич ничем ему не помогал в подготовке тезисов.

— Любопытно. А как зовут студента?

— Константин Онипко.

Если Лобов чего и ожидал, то только не этого.

«Интересное дельце! — промелькнула мысль. — Что ни час, то новые крутые виражи!»

— А что за тема?

— Причины начала Великой Отечественной войны. И вся мысль тезисов как раз в таком подходе, против которого всегда возражал Кучин. Я бы сказал, разработка темы совершенно в духе Василия Нифонтовича.

— Так-так, позвольте подумать.

Лобов растерянно встал со стула и подошел к окну. Помолчал минуту-другую. Потом повернулся к Родскому и спросил:

— Максим Эдуардович, Онипко — слабый студент?

— Посредственный. Звезд с неба не хватает. Все, кто не справился в семинаре Рябича, автоматически переходили в семинар Кучина. Больше идти было некуда. Онипко не исключение. Он, конечно, старается, но, как говорится, Бог не дал.

— Тогда чем вы объясните такой успех?

— Ума не приложу, Всеволод Никитич. Впрочем... Вы знаете, что Ксения Рябич... ну, что она близка с этим Онипко?

— Да, теперь знаю.

— Тогда, может быть, она как-то посодействовала тому, чтобы, например, какая-то идея отца или, допустим, конспект будущей книги, стали доступны ее возлюбленному? Я склонен предположить, что так и было.

— А возможно, что и Ксения ни при чем. Онипко ведь бывал на даче Рябичей во время отсутствия профессора. Мог сам открыть компьютер или посмотреть его записи... А вы сами не слышали от профессора об этой идее?

— Именно о такой никогда. У него было несколько теорий относительно начала войны, но об этой мне ничего не было известно. Наверное, уместнее всего поговорить об этом с самим Онипко.

— Вы правы, — согласился Лобов и набрал нужный номер. — Вне сети.

— У меня где-то есть его домашний. Сейчас. — Родский полистал какую-то тетрадь и назвал номер.

Лобов нажал нужную комбинацию кнопок, и почти сразу ему ответил женский голос.

— Добрый день. Нельзя ли услышать Константина?

— Его не будет несколько дней. Он срочно уехал из Москвы.

— Спасибо. — Лобов повесил трубку и глубоко задумался. — То, что Онипко воспользовался идеями Рябича, — наконец произнес он, — это скорее последствия смерти профессора, а не ее причина. К тому же, поверьте мне, Онипко на убийство просто не способен. У меня, так сказать, глаз на преступников за долгие-то годы.

— Скажите, Всеволод Никитич, а меня вы поначалу тоже подозревали? — хитро прищурился Родский.

— Когда услышал о вас от Ксении как о талантливом ученике ее отца, естественно, заинтересовался. Но едва увидел, понял, что вы — не убийца.

— И на том спасибо. — Он помолчал немного, потом осторожно спросил: — Так кто же в таком случае? Кто?..

— Увы, всего я не могу вам сказать, Максим Эдуардович, в интересах следствия. Даже в силу моих симпатий к вам. Меня волнует одно: куда это пропали вдруг Тамме и Онипко?

— Как? Ирина Арнольдовна тоже исчезла?

— С концами, как говорится. Дома нет, на работе не появлялась.

— А вы были у нее дома?

— Нет, только звонил в дверь. Никто не открыл.

— А вы не предполагаете... — страшным шепотом, озираясь по сторонам, начал было Родский.

— Возможно, вы и правы, — не подавая признаков нетерпения, распиравшего его, ответил Лобов. — Ну, мне пора. Всех благ. Если что — обращайтесь... Кстати, как поступите с работой Онипко?

— По всем правилам я обязан ее принять для конференции. Другое дело, как он выступит...

— До свидания. — И Лобов стремглав, не вызывая лифта, сбежал вниз и позвонил Суровину:

— Николай Владимирович, нужно срочное разрешение прокурора на вскрытие квартиры Тамме... Думаю, найдем... Только завтра? Ну что ж, придется ждать.

Весь вечер Лобов пытался дозвониться до Там-

ме и Онипко. Тщетно. Полночи он ворочался, сознавая, что две зацепки, необходимые ему для окончательного прояснения дела, ускользнули из рук.

6

Третий день расследования принес Лобову две вести — хорошую и не очень. Прискорбной новостью было то, что суд согласился поместить Кучина в изолятор временного содержания. Суровин отправился арестовывать профессора прямо на кафедру, предчувствуя свой триумф. Лобов посоветовал ему не поступать так картинно, ведь, возможно, в дальнейшем придется перед Кучиным извиняться, но следователь был непреклонен.

«А у меня еще ни одного доказательства!» — сокрушался Лобов. Впрочем, хорошо было то, что разрешили вскрыть квартиру Тамме, и через час Лобов с бригадой слесарей и оперуполномоченными выехал туда.

Подъехали быстро. За дело, пригласив понятых, принялись без лишних проволочек. Вот тяжелая металлическая дверь подалась, и Лобов первым вошел в квартиру.

На первый взгляд, ничего подозрительного, беспорядка нет, следов борьбы тоже. Лобов прошел по комнатам, заглянул в ванную, на кухню. Собирался было вернуться в прихожую, но замер,

ошеломленный. В углу оконного кухонного окна чернела арабская вязь:

ابنة لأب القاتل

Придя в себя, Лобов открыл ударопрочный кейс-контейнер и приготовил к работе новейший немецкий экспертный комплекс, выделенный ему для работы Суровиным. Подключил к устройству фотоаппарат и сфотографировал надпись. На мониторе ноутбука появилось четкое изображение оконной рамы и черных штрихов арабской вязи. Теперь оставалось узнать, как давно были нанесены письмена. Планшетным сканером он скопировал изображение в компьютер и задал программу. Через минуту компьютер выдал результат: надпись сделана тридцать девять часов назад.

«Позавчера, — размышлял Лобов. — Значит, тогда она еще была дома. Что же заставило ее написать это? Для кого?»

Однако надо было составить протокол осмотра. Когда все было готово, понятые подписали документ, и слесари принялись корпеть над дверью, чтобы привести ее в состояние, в котором она мог-

ла бы закрыться для опечатывания. Лобов достал мобильный телефон и набрал номер Ксении.

— Ксения, добрый день. Это Лобов, помните?.. Извините, но вы не в курсе, где может быть Ирина Арнольдовна Тамме?

— Совершенно не в курсе, — резко ответила девушка. — С этой дамой у нас мало общего, и мне вообще хотелось бы реже ее видеть. Теперь, надеюсь, вообще не увижусь с ней.

— Дело в том, что она бесследно исчезла. Я подумал, может быть, вы знаете, где она.

— Без понятия.

— Исчез и Константин Онипко. Вы ведь знаете такого?

Поразительно, но этот прямой вопрос ничуть не смутил Ксению.

— Разумеется, знаю, это мой жених. Он мне рассказывал, что вы встречались с ним. Он вам помог?

— В определенной степени... А где он сейчас?

— Я не видела его три дня. Возможно, у него какие-то дела. У него мать больна, может, ей понадобилась помощь...

— Мать тоже не знает, где он. И его телефон не отвечает.

— Тогда все понятно, — догадалась девуш-

ка. — Значит, он в Подмосковье, в деревне у дяди. Поехал, наверное, отдохнуть немного. Порыбачить. Там плохая мобильная связь, вышки нет.

— А он вам не говорил, что собирается туда?

— Когда мы виделись, он жаловался на усталость, собирался отдохнуть на природе. Там, знаете, так живописно: речка, густые сосновые леса... Если хотите, можете записать адрес дяди.

— Спасибо, Ксения, — Лобов записал имя и адрес в блокноте, потом вырвал лист. — Но мне все-таки хотелось бы поговорить с вами о Тамме.

— Я ведь в прошлый раз высказала вам свое мнение об этой даме. Она испортила мне жизнь, она увела от меня отца, — в голосе девушки послышались раздражительные нотки. — Одним словом, нет желания мне и вспоминать о ней. Искать ее — это ваша работа. Если что узнаю — позвоню. Извините, мне очень некогда. Скоро похороны...

— Да, конечно, простите. А вы сейчас дома?

— Нет, я по-прежнему на даче. Хоронить отца будут здесь, на дачном кладбище. Завтра привезут из морга.

— Мои соболезнования. — Лобов отключился и задумался. Все концы обрывались. И как быть? Кучин, наверное, уже под стражей...

Он позвонил Суровину.

— Николай Владимирович, что с Кучиным?

— А что с ним? Все как полагается, — самоуверенно ответил следователь. — Заключен под стражу. Сейчас состоится первый допрос. У вас как?

— Пока никак, — грустно констатировал Лобов.

— Ну так бросайте все свои дела и приезжайте. Думаю, допрос будет интересным.

— Спасибо, я подумаю.

— Слушай, — обратился он к одному из оперуполномоченных. — Быстро сгоняй по этому адресу. Это недалеко, пятнадцать километров за МКАД. Вот у этого человека спроси про Константина Онипко, — он протянул листок с адресом. — Сразу позвони мне. Хотя там, возможно, нет связи. Но как-нибудь побыстрее свяжись со мной.

— Сделаем! — Оперативник вышел.

— Готово? — спросил Лобов слесарей, возившихся у двери.

— Да, сейчас можно будет опечатывать.

— Заканчивайте, — кивнул он, вернулся на кухню и набрал номер жены.

— Ириша, послушай, у тебя нет знакомых, ко-

торые знали бы арабский язык?

— Коран почитать хочешь? Для этого благословение духовного отца необходимо.

— Ирина, не время для шуток! Возможный убийца задумал пообщаться с нами по-арабски, поскольку по специальности арабист.

— Поняла, извини. Сейчас спрошу у своего профессора, у него связи пообширнее.

Лобов закурил и стал ждать. Ирина ответила почти сразу.

— Сева, запиши номер известного арабиста. И не забудь поблагодарить Адамцева.

— Непременно. Диктуй.

Из уважения к профессору Адамцеву арабист согласился встретиться с Лобовым через полчаса в его институте на западе столицы.

«Успею», — решил Лобов и, наказав оперативникам проследить за опечатыванием двери и ждать его у подъезда, сел в свою «Мазду» и включил двигатель.

Когда почти подъезжал к институту, снова зазвенел мобильный.

— Всеволод Никитич, в деревне Онипко нет, — докладывал оперативник. — И давно не было. А мобильная связь тут прекрасная.

— Слышу, что прекрасная, — отозвался Ло-

бов. — Спасибо тебе. Возвращайся к Тамме и жди меня с остальными у подъезда. Я скоро буду.

...Когда встреча состоялась, Лобов впервые за эти три дня смог наконец облегченно вздохнуть. Перевод загадочной фразы расставил все на свои места. То, что Лобов смутно предчувствовал эти дни, теперь обрело стройную конструкцию и поражало своей логической завершенностью. Нельзя терять ни минуты!

Он вернулся к дому Тамме. Трое оперативников исправно ждали его у подъезда.

— Едем! Быстро! Дорога каждая минута! Один ко мне, двое в служебную!

— Вы знаете, где Тамме? — удивились оперативники.

— Знаю. На даче Рябича! Туда!

...Подъехав к даче, Лобов остановился метрах в пятидесяти от высокого забора. Выбрался из машины, вытащил пистолет. Оперативники сделали то же самое. Приказав им не разговаривать и в случае необходимости применять оружие, Лобов первым побежал к воротам. Оперативники за ним. Тяжелая дверь оказалась открытой.

«Неосмотрительно, но нам же лучше», — мелькнула мысль, а ноги несли вперед — к входной двери в дом. Рванул — распахнулась бесшумно

и плавно. Ворвался в прихожую. Прислушался. Оперативники осторожно топтались сзади. Вдруг из ближней комнаты выскочил Онипко с глазами, полными ужаса, и зашептал, как в бреду:

— Помогите... Спасите... Она ее убьет... Просил... умолял... не слушает... Быстрее же!..

— Молчи! — негромко окрикнул Лобов и левой рукой сжал Онипко рот. — Она вооружена?

Онипко кивнул, на его глаза навернулись слезы.

— Стой тут! И ни-ни! — велел Лобов, кивнул оперативникам и, толкнув плечом буковую дверь, влетел в комнату с пистолетом в вытянутой руке.

— Стоять на месте! Руки!

Ворвавшиеся следом оперативники если и ожидали увидеть что-то ужасное, то, во всяком случае, не то, что предстало перед ними. Лобов, наоборот, знал, что увидит что-то именно в этом роде.

На полу у полураскрытого окна, прикованная наручниками на цепях к батарее центрального отопления, лежала, прижав колени к подбородку, пожилая женщина. Она, несомненно, была красива, только косметика потоками грязи расплылась по ее лицу, а рот был залеплен огромным

куском скотча. Рядом, занеся над головой жертвы каминную кочергу, застыла Ксения и злорадно глядела на вошедших.

— Положите кочергу, Ксения, — по возможности спокойно произнес Лобов. Поверьте, это в ваших интересах.

— Мой интерес в том, как убить эту стерву! — И она ударила женщину рукояткой кочерги по голове. Жертва слабо вскрикнула и потеряла сознание.

Анализируя позже эту ситуацию, Лобов в который раз убедился в том, что в самых затруднительных положениях ему на помощь всегда приходит его величество Случай. Жена всегда попрекала его за такое «язычество», как она говорила, но Лобов знал: если возникала неразрешимая ситуация, что-то извне обязательно приходило ему на выручку. Может, он особенный какой-то, может, к нему благоволят высшие силы («Кошмар, Лобов! — ужасалась его рассказам Ирина. — Ты что — центр Вселенной?»), но факт оставался фактом: главное — найти преступника, а вот насчет того, как задержать его быстро и без потерь, волноваться не стоит. Случай все сделает за тебя. Так было почти во всех делах Всеволода Лобова.

Господин Случай помог ему и на этот раз. Окно, возле которого стояла Ксения, резко распахнулось, и на подоконнике возникла фигура Онипко во весь рост. Следующие события произошли молниеносно, почти в один момент. Онипко с криком: «Ксюша, остановись!» — прыгнул из окна на девушку, но она успела среагировать и ударила нападавшего по плечу. Онипко вскрикнул и всем телом придавил к полу упавшую Ксению. Оперативники воспользовались моментом, метнулись к куче и надели на руки девушки наручники. Она не сопротивлялась, лишь гневно сверкнула взглядом в парня и процедила сквозь зубы:

— Идиот! Я ведь это сделала ради нас с тобой! — и позволила защелкнуть наручники на своих запястьях.

— Вызывайте бригаду! И «скорую»! — кивнул Лобов коллегам, тяжело переводя дух.

Ксению под руки увели на кухню. Лобов тронул Онипко. Парень тихо простонал. Лобов перевернул его на спину и прикоснулся к артерии на шее. Жив!

Подошел к ничком лежавшей женщине и присел возле нее. Она открыла глаза и улыбнулась. Лобов отклеил пластырь со рта и спросил:

— Вы Ирина Арнольдовна Тамме?

Женщина от слабости не могла говорить и лишь едва кивнула в ответ.

— Я получил ваше письмо, спасибо вам.

Она улыбнулась еще раз.

— Только почему так оригинально? А если бы я не заглянул в вашу квартиру еще несколько дней?

— Я знала... — тихо прошептала она, — что к делу привлечены вы... Мой брат работает в прокуратуре... Он много рассказывал о ваших расследованиях... О вас ходят легенды... Я знала: раз взялись вы... то обязательно все поймете... — И она снова закрыла глаза.

Лобов осмотрел наручники — стандартные. Вытащил ключи, разомкнул кольца и, подняв женщину на руки, перенес ее на диван. В свои пятьдесят пять или около того женщина оставалась стройной, изящной и сказочно легкой. Лобов накрыл ее одеялом и подложил под голову подушку.

— На этой даче... столько раз... я была гостьей... а теперь... заложницей...

Лобов даже не расслышал, а скорее понял по губам, что сказала Тамме.

— Отдохните, Ирина Арнольдовна, — произнес он и подошел к Онипко. — Живой?

— Вроде, — простонал парень. — Перелома нет?

Лобов стащил с него рубаху и осмотрел руку. Багровая полоса чуть выше локтя.

— Ерунда. Скоро заживет. Но гематома гарантирована. Испугался?

— Немного.

— Эх ты, боец... В армии служил?

— Нет. После школы сразу поступил в университет.

В прихожей раздались кашель и шум. Лобов вышел туда. Оперативник вел в туалет согнувшуюся Ксению:

— Тошнит ее.

Лобов вспомнил, что в прошлый раз девушку тоже тошнило, но только теперь понял, почему.

— Скажи-ка мне, герой-любовник, — обратился он к Онипко, — только откровенно. Ксения беременна?

— Да, — кивнул Онипко и опустил голову. — Что же теперь будет?

— Думаю, будут роды, как полагается.

— А... ребенок?

— Ребенка, наверное, сможешь забрать. Если, конечно, признаешь свое отцовство.

Во дворе прогнусавил клаксон машины опера-

тивной бригады. Лобов выглянул в окно. «Скорая» стояла рядом. Ксению, угрюмо молчавшую и с трудом передвигающую ноги, вывели из дома. На пороге она остановилась и пронзила Лобова жгучим, испепеляющим взглядом. Он многое повидал на своем веку, но такой лютой ненависти, такой неудержимой жажды *раздавить* не встречал никогда.

Тамме положили на носилки и понесли к фургону. Лобов оправился после шока и подошел к Онипко:

— Ну что, поехали с нами. Будешь свидетелем.

Парень вздрогнул, но Лобов успокоил его:

— Да не бойся ты. Я ведь сказал — «свидетелем». Я ведь знаю, что ты не убивал. Так?

— Н-не убивал... — покачал головой Онипко.

— Ну вот видишь. Значит, не бойся. Правильно про тебя сказал мой коллега — кишка у тебя тонка. — И Лобов слегка подтолкнул повесившего нос парня к своей «Мазде».

7

Ирину Арнольдовну Тамме поместили в одну из городских больниц. Дня через два после задержания Ксении Лобов пришел к заведующему отделением и попросил его о беседе с Тамме с глазу на глаз. Врач согласился и велел привезти Тамме на качалке в его кабинет.

— Она еще не оправилась после нервного потрясения, — объяснил он, — так что, пожалуйста...

— Да, конечно, я понимаю. Совсем недолго.

— И если возможно — никаких неприятных эмоций.

— Вот за это не ручаюсь, извините, работа такая. А следствие, увы, не терпит.

— Ну хорошо, — нехотя согласился врач. — Тогда, пожалуйста, недолго, еще раз попрошу вас. — И вышел.

Через несколько минут в кабинет вкатили кресло, и Лобов встал, встречая улыбающуюся ему Тамме.

— Здравствуйте, Ирина Арнольдовна, — поклонился он. — Как самочувствие?

— Спасибо. Вашими молитвами, Всеволод Никитич. Я к вашим услугам. Врачи сказали, что на

целых полчаса.

— Они заботятся о вас. Получаса, думаю, будет достаточно. — Он подвинул стул к креслу, сел и приготовил диктофон.

— Ирина Арнольдовна, договоримся так. Я запишу наш разговор, потом отпечатаю и принесу протокол вам на подпись. Устроит?

— Вполне, — кивнула женщина. — Итак, с чего мне начать?

— Мне кажется, с того момента, как вы вошли в жизнь профессора Рябича.

— О-о! — протянула Тамме. — Тогда придется рассказывать, начиная с моей юности. Я знала профессора со своих студенческих лет, он был одним из моих учителей, в то время молодых учителей. Разница в возрасте у нас всего шесть лет. Он и тогда уже мне нравился, но он был женат, так что я довольствовалась ролью обожательницы. По окончании университета я устроилась на работу в Музей востока. Дальнейшее десятилетие я опускаю, поскольку за это время всего раза два-три видела профессора на конференциях. Я была польщена, что он помнил меня. Мы обменивались несколькими ничего не значащими фразами, и снова дороги наши расходились. Детей у него не было долго. Жена, как оказалось,

была слабой и часто болела. Ксения родилась, когда Василию Нифонтовичу было уже тридцать пять лет. Через неделю ему исполнилось бы пятьдесят семь... — Тамме вытащила носовой платок и вытерла глаза.

— Если вам тяжело, можем это опустить. И только по существу преступления.

— Хорошо, — кивнула Тамме. — Десять лет назад жена Рябича умерла от инфаркта. Василий Нифонтович как-то снова увидел меня на какой-то конференции, кажется, в Венгрии. Мы два вечера гуляли с ним у Дуная, и он сделал мне предложение. Я понимала всю ответственность такого шага, а потому просила его не спешить. Он, как деликатный человек, согласился и лишь оставил за собой право ежемесячно напоминать мне о своем предложении. Каждый месяц он дарил мне роскошные цветы и богатые подарки. Через год такого общения я согласилась стать... его подругой... вы понимаете...

— И как к этому отнеслась Ксения?

— Предсказуемо. Как поступает всякая девушка-подросток. Ревновала отца к каждому его шагу в мою сторону. Устраивала дикие истерики. Меня вообще видеть не хотела. Как я только ни старалась — пробовала водить ее на интересные

художественные выставки, предлагала лучшие театральные премьеры — тщетно. Она или отказывалась, или соглашалась пойти только вместе с отцом. Одним словом, ненавидела меня. Возможно, поэтому я и не стала официальной женой Василия Нифонтовича. Когда Ксения подросла, она стала немного помягче. Теперь ее неприязнь выражалась лишь в сарказме и элементарном игнорировании. Опять же поэтому я почти не бывала у них дома, лишь на даче, когда ее там не было...

— Она не обвиняла вас в том, что случилось с ее матерью?

— Еще бы! Она считала меня основной причиной смерти матери, хотя Варвара Серафимовна болела давно, а при ее жизни Василий Нифонтович ничем не запятнал супружества...

— Ирина Арнольдовна, с психологией все понятно. Расскажите, пожалуйста, что случилось за эти дни. Как вы обо всем догадались?

— Тут и догадываться было нечего. Почти весь минувший год Ксения давила на отца, чтобы он разрешил ей выйти замуж за студента одного из нашего вуза — Онипко, кажется. Отец отказал и посоветовал ей обратить внимание на перспективных ученых — например, на Максима

Родского. Это талантливый молодой человек, поверьте мне...

— Согласен с вами. Мы с ним знакомы.

— Ну вот, видите. Не думаю, что в наше неспокойное время Василий Нифонтович был так уж не прав. Поэтому он оставался совершенно безучастен ко всем требованиям Ксении.

— У нее были свои деньги?

— Конечно. Отец постоянно давал ей карманные. Кроме того, у нее был свой счет, который пополнялся в том числе и за счет процентов, и за счет отцовских вливаний после гонораров. Видимо, ей было мало. Если бы вы не схватили ее, через полгода она стала бы наследницей всего отцовского капитала.

— Уже не станет, — успокоил Тамме Лобов. — Теперь давайте все-таки к последним трем дням. Если вы не устали.

— Нет, я расскажу. Об убийстве Василия Нифонтовича я узнала в интернете, разумеется. Часов в одиннадцать утра. И сразу вспомнила ссору, которая произошла у него с дочерью недели за две до этого. Ксения тогда требовала, чтобы ее жених был прописан в новой квартире, которую отец хотел купить, кричала, что не потерпит, если туда станет являться «эта тварь», как она

меня называла. Я все слышала, я была в то время на их даче, на кухне, когда внезапно приехала Ксения. Отец потребовал дочь извиниться передо мною и впредь не называть так дорогого его сердцу человека. Она вспылила, выбежала из дома и уехала...

— А на чем она приехала и уехала?

— На том самом «Лексусе», который, как сообщали в интернете, был обнаружен на месте убийства... Ну вот, в момент той ссоры Ксения обронила страшные слова, адресованные, кажется, не столько отцу, сколько мне. Она выкрикнула: «Ты еще пожалеешь о своем рождении!» Угрожать напрямую отцу она, конечно, не отважилась... С тех пор я ее не видела. А когда узнала про убийство, тут же все поняла. Поняла и она, поэтому и решила со мной разделаться. После полудня позвонила мне и сказала, что хочет меня видеть и что готова приехать ко мне домой. Я ответила, что вряд ли найду для этого время. Мне стало ясно, для чего она хочет приехать ко мне. Я не отвечала на телефонные звонки. А уже вечером она сама пожаловала ко мне. Звонила в дверь, я не открыла. Потом в окно я увидела, как она села в свой «Лексус» и уехала. И тут я поняла, что нужно делать. Надо было непременно

сообщить вам. Но идти к вам напрямую я боялась, так как Ксения могла выследить меня по дороге и, например, сбить, машиной. А вашего телефона не знала. Да и не время было выяснять что-нибудь, поймите меня. Я была уверена, что в ходе расследования обязательно всплывет мое имя, а поскольку связаться со мной будет нельзя, то непременно попадут в квартиру. Поэтому я и написала те письмена на оконном стекле...

— Но почему по-арабски?

— Люблю этот язык, пишу на нем свободно и с удовольствием. Так что вышло машинально, по привычке. Но ведь разве составит труда следствию перевести эту фразу?

— И потом?

— Потом я собралась и задумала уехать на время в Подмосковье, к своей подруге. Не для того, чтобы скрыться от следствия, поверьте, но чтобы скрыться от Ксении. Я знала, что в ярости она способна на все. Впрочем, вы уже убедились в этом. Я собралась, вышла через заднее крыльцо и едва вошла в темный проходной двор, как тяжелый удар по голове лишил меня сознания и свалил с ног. И слабо как-то, отдаленно, услышала последние слова: «Увильнуть вздумала, кочерыжка старая!» Очнулась на даче, прикованная к бата-

рее. И почти два дня провела в оковах...

— Что хотела от вас Ксения?

— Наверное, ничего особенного. Просто хотела скрыть меня от следствия. Ведь она ежедневно по нескольку раз звонила следователю... Николаю Владимировичу, кажется, и узнавала, как идут дела, не найден ли убийца. Вчера он ей ответил, что предполагаемый преступник арестован, и Ксения заметно подобрела ко мне. Дала поесть, обещала, если буду себя хорошо вести, оставить меня в живых. Не понимаю только одного. Допустим, Кучина осудили бы. Что бы она сделала со мной? Ведь я могу, оказавшись на свободе, пойти и все рассказать...

— Ирина Арнольдовна, скажу вам откровенно. Она в любом случае не думала оставлять вас в живых.

Тамме вздрогнула, Лобов погладил ее по плечу и продолжал:

— Страшное позади. Но если бы не ваши письмена, произошла бы трагедия.

— Спасибо вам, Всеволод Никитич, — на глазах Тамме навернулись слезы.

— Не за что, Ирина Арнольдовна. Это моя работа. Поправляйтесь. — И, поклонившись, он вышел из кабинета.

...Допросы Ксении шли полным ходом. Суровин сказал, что девушка не желает, чтобы на ее допросах присутствовал Лобов, а потому он встретился со следователем во время обеденного перерыва.

— Всеволод Никитич, восхищаюсь вами, — Суровин встал из-за стола, шагнул к Лобову и пожал ему руку. В глазах следователя Лобов уловил затаенную зависть.

— Кучин на свободе? — вместо ответа спросил Лобов.

— Да, — неловко ответил Суровин и отвел взгляд. — Я извинился, конечно.

«Я ведь предупреждал», — подумал Лобов, а следователю сказал:

— Николай Владимирович, Тамме в тяжелом состоянии, столько перенесла. Я бы попросил вас похлопотать о ее переводе в наш госпиталь. Ей не мешало бы пройти полный курс реабилитации.

— Хорошо, я попрошу городского прокурора связаться с руководством ГУВД. Садитесь.

— Благодарю вас. — Лобов сел на диван.

Суровин вернулся за свой стол и начал рассказывать сам:

— Ксения во всем созналась. Удивилась только, что мы так быстро ее раскусили. Она-то думала, что совершила идеальное преступление...

— Идеальных преступлений не бывает, — возразил Лобов. — Когда я понял, что волосы на обухе принадлежат Кучину, я понял, что его попросту подставили. Вопрос «кто?» не требовал длительных раздумий.

— Так вы догадывались, что это сделала Ксения?

— С определенного момента — да.

— С какого же интересно, разрешите полюбопытствовать? То есть когда вам стало казаться, что улики подтасованы? Когда вы начали действовать *вопреки уликам?*

— Да, пожалуй, еще с первого же разговора с Ксенией на даче. Что-то в ее показаниях не стыковалось, хотя поначалу я тоже не обратил на это внимания. Но подозрение крепло. Факты говорили против девушки. От Онипко я узнал, что в день убийства Ксения не возвращалась с дачи. Однако, вы, конечно, помните, как она попросила нас подогнать ее машину на дачу, поскольку, как она сказала, ей необходимо вернуться в город. Потом тот же Онипко выставил на конкурс «свою» работу, явно переданную ему Ксенией. И это сразу после смерти отца! Потом она соврала, что парень в деревне. А сама вызвала его на дачу и не отпускала, чтоб не распустил язык...

— Да, это так, — кивнул Суровин. — Я связывался с сотовым оператором. В те двенадцать минут, что вы ехали к Онипко, он звонил Ксении.

— И она срочно вызвала его к себе. Он немного не успел, пришлось все-таки пообщаться со мной. Но после разговора мигом полетел туда... Все прояснила надпись Тамме на стекле...

— Что, кстати, означает эта надпись?

— Всего три слова: «Дочь — убийца отца». Едва мне перевели фразу, как я тут же с находившимися на вскрытии оперативниками полетел на дачу. И думаю, что подоспел вовремя. Еще чуть-чуть, и кто знает, что было бы с Тамме... Ксения что-нибудь сказала о том, как совершила убийство?

— Рассказала. Она все продумала, рассчитала даже необходимое время. Перед мостом попросила отца остановить машину и сказала, что ее тошнит. Она ехала на заднем сиденье. Открыла дверцу, попросила отца помочь. Он вышел, поддержал ее. Выбираясь из салона, она нащупала на полу кувалду, заранее приготовленную ею. Выпрямилась и нанесла отцу несколько ударов. Один из них оказался смертельным. Потом приклеила к обуху волосы Кучина, взяла его перчатки и спустилась к реке. Обмыта рукоятку кувалды и зацепила ее за куст. Перчатки, вы-

пачкав в крови отца, аккуратно пристроила на кусте, адругую в воде — так, чтобы она не уплыла. Вымыла руки, переоделась в чистое платье и вызвала милицию...

— То-то она так усиленно пыталась навести нас на коллег Рябича, — перебил Лобов. — Старалась изобразить преступников непрофессионалами — вспомните «темные очки» и «повязанные косынками подбородки»...

— Вот-вот, — кивнул Суровин.

— Постойте, Николай Владимирович, вы говорите — его перчатки. Как это понять?

— Очень просто. В апреле все сотрудники кафедры работали на субботнике. После работы Кучин выбросил нитяные перчатки в мусорную корзину, а Ксения незаметно спрятала их. Еще тогда она замыслила это преступление. Потожировые выделения выветрились за несколько месяцев. Ну вот, переодевшись, она вывалялась в пыли и крепко саданулась головой о бампер — чтобы гематома на голове появилась.

— Но если она, как вы говорите, переоделась — то куда дела прежнюю одежду, видимо, запачканную кровью отца? Ведь мы осмотрели всю округу...

— Вот здесь мы с вами немного недоработали,

Всеволод Никитич. Помните большую сумку, что была на плече девушки, когда мы подъехали к месту преступления?

Лобов вспомнил и кивнул.

— Вот в этой-то сумке и лежала окровавленная одежда. Мы ведь джентльмены, где не надо. Постесняемся рыться в дамской сумочке, — укоризненно заметил Суровин.

Лобов сокрушенно молчал. Что ни говори, это была и его недоработка.

— Ну, Всеволод Никитич, не сокрушайтесь так. У каждого бывают промахи, — приободрил Суровин. Глаза его озорно сверкнули, и Лобов понял, что они квиты.

— Наручники она, естественно, приобрела через интернет? — спросил он.

— Естественно. Нынче там можно хоть танк купить...

— Разрешите идти, Николай Владимирович?

— Конечно. И поздравляю вас с окончанием этого дела!.. Одну минутку.

Лобов остановился в дверях.

— Говорят, что вы каждое свое расследование называете как-нибудь, вроде роман пишете.

Лобов кивнул.

— И как назовете это?

— «Вопреки уликам», — ответил Лобов и закрыл за собой дверь.

Кир БУЛЫЧЕВ
СМЕРТЬ ГРАФА ЭРРОЛЛА

Кир БУЛЫЧЕВ

СМЕРТЬ ГРАФА ЭРРОЛЛА

В свое время, в связи с началом Второй мировой войны и тревожным положением в Великобритании, смерть Джоселина Хея, 22-го графа Эрролла, несмотря на загадочные обстоятельства, окружавшие ее, не привлекла должного внимания прессы и осталась вообще неизвестной за пределами Англии. Да и как могли узнать о ней советские или французские читатели в январе 1941 года?

Трудно сейчас решить, с чего начать рассказ.

Участники драмы известны, хотя роль каждого из них не до конца определена. Любопытно, что английские журналисты неоднократно возвращались к событиям в Кении, в последний раз, если не ошибаюсь, об убийстве писал Джеймс Фокс, который смог разыскать Абдуллу Вин Ахмеда, служившего некогда поваром у графа, и поговорить с Хуанитой Карберри, которой в дни давнего преступления было пятнадцать лет. Это было в 1980 году. Диана Бротон отказалась встретиться с журналистом, но кое-что рассказала по телефону.

Пожалуй, в изложении подобных историй лучше всего двигаться в хронологическом порядке, а не начинать с убийства, как делается в детективном романе. Здесь детектива, как такового, почти

нет — суперинтендант полиции хоть и присутствовал, но играл, на мой взгляд, двусмысленную роль, заботясь более всего о доброй репутации Счастливой Долины.

Начнем с самой Долины.

В 1895 году Великобритания установила протекторат над восточно-африканской страной Кенией. В отличие от Западной Африки, которую называли могилой белого человека, климат в Кении близок к ангельскому, а земли по плодородию приближались к райским, хотя, впрочем, в раю никто не пашет.

В самом начале XX века была проложена железная дорога от порта Момбаса до озера Виктория, и тогда на землях народов масаи и кикуйю стали селиться белые поселенцы из Англии, Австралии, Канады и Южной Африки. Англичане заняли в основном плоскогорье между горой Кения и побережьем. Но если первые поселенцы разводили скот и выращивали кофе, то в конце двадцатых годов в Кению хлынули британские богачи, привлеченные дешевизной жизни, удобствами, которых не добьешься в самом Альбионе, чудесным климатом, простором и удовлетворенным чувством белого господина, который с наслаждением проматывал состояние родителей, добытое

в Индии или на Ямайке, и мог вести жизнь настоящего спортсмена и благородного охотника.

Мир декадентской кенийской знати вращался вокруг игры в поло, скачек, охоты на слонов и львов и бесконечных балов, вечеринок с ужинами в клубе, где шампанское заказывали только ящиками.

Центром светской жизни была долина реки Ванджохи, которая именовалась Счастливой Долиной. Даже в Англии говорили, что река Ванджохи несет в себе не воду, а коктейли.

Когда сэр Джок Делвс Бротон впервые встретил Диану Моушн в 1935 году, той исполнилось двадцать два года.

Она только что бросила плейбоя и музыканта Вернона Моушна, замужем за которым пробыла несколько месяцев.

Она утверждала, что не спешит снова связывать себя узами брака, так как наслаждается свободной жизнью королевы лондонского света. Или полусвета. Но в любом случае Диана была не только красива, но и выделялась среди остальных лондонских красавиц совершенно необычными способностями и увлечениями. Начать с того, что у Дианы был свой самолет, на котором она летала, а в начале тридцатых годов такое занятие для

светской дамы было необычным. К тому же она слыла заядлой охотницей и неплохим стрелком и любила рыбачить в открытом море. А так как ее муж не оставил ей ничего кроме долгов, Диана купила небольшой коктейль-бар на Бонд-стрит под названием «Голубой гусь», который давал определенный доход.

В 1939 году Диана встретила Джока Бротона. Он был старше ее и крайне непривлекателен. Родился он в 1883 году и провел, как сам признавался, самое несчастное детство, потому что его ненавидела мачеха и презирал отец. Они жили в большом поместье, вдали от больших городов, и Джок рос никому не нужным заморышем.

В семнадцать лет его отправили в Итон, в хороший колледж. Там он получил репутацию психа и воришки, всегда голодного и совершенно бессовестного. А одна из женщин, которая его знала в студенческие годы, сказала корреспонденту «Дейли телеграф», что он был «злобным, расчетливым и жестоким мерзавцем».

Летом 1914 года, так и не отыскав себе достойного места в жизни, он записался в Ирландский Гвардейский полк, но тут почти одновременно началась Первая мировая война и умер его отец, оставив ему значительное состояние и титул

баронета. Похоронив отца, молодой лейтенант послушно вернулся в полк, но в день отплытия во Францию потерял сознание на палубе и был снят с корабля по причине солнечного удара с осложнениями.

Этот диагноз обошелся Джоку недешево. Никто не сомневался, что гражданскую жизнь он себе купил. И купил жизнь вообще, потому что ирландские гвардейцы понесли значительные потери в первые недели войны, а, как известно, первыми на войне погибают лейтенанты.

Кстати, заменивший его в должности командира взвода Гамильтон Бернс погиб в сентябре вместе со всем взводом.

Джок был уволен из армии из-за артрита левой руки и приступов амнезии.

После этого Джок ударился во все тяжкие и промотал имение, а также умудрился заложить 30 тысяч акров земли, принадлежавшей детям его покойного брата, опекуном которых он стал. Как он выпутался из этой истории — неизвестно. Правда, после этого скандала его жена Вера, с которой он прожил двадцать семь лет и от которой у него была дочь, подала на развод, и Бротон стал холостяком.

В наследство от брата ему осталась большая

кофейная плантация в Кении, и Джок решил поправить дела, отправившись туда, тем более что в Англии жить становилось все труднее.

И тут он влюбился в Диану.

Чем смог пленить такую красавицу этот человек, совершенно непонятно. Внешне он не вызывал никакого доверия, не говоря уж о симпатии. Такие типы играли негодяев в сентиментальных кинодрамах. Он был невысокого роста, худой и сутулый, большой крючковатый нос нависал домиком над усами, обрамлявшими рот со всегда опущенными углами губ. Глаза у него были черными, волосы на голове остались лишь на темени и затылке, к тому же Джок в последнее время их красил, отчего они отсвечивали зеленью, как крылья майского жука.

Я видел его фотографию. Он был снят на свадьбе дочери в 1938 году — вполне миловидная дочь (впрочем, нельзя быть в этом уверенным до конца, потому что ее лицо скрыто под вуалью), кажется, на голову выше отца, который поправляет ей сзади юбку, а в другой руке держит перевернутый цилиндр, словно просит милостыню.

Бротон сделал предложение Диане и получил согласие.

Бротон согласился на странное условие, ко-

торое поставила красавица: если она полюбит человека моложе его, то Бротон не только соглашается на развод, но и обязуется пожизненно платить Диане 5000 фунтов стерлингов ежегодно. А ведь в то время фунт был по крайней мере вдесятеро дороже, чем сегодня.

Вернее всего, Диана соблазнилась на деньги, на сказочное состояние Бротона, которого не существовало. Возможно, Бротон скрыл от нее, что находился в то время под судом из-за этих проклятых тридцати тысяч акров, принадлежавших племянникам.

А вот дальнейшие шаги Бротона, желавшего обеспечить себе любовь Дианы, были по крайней мере странными.

Он обратился к Хью Дикинсону, безнадежно и давно влюбленному в Диану, чтобы тот помог ему в следующем. Хью должен был украсть из отделения для перчаток автомобиля Дианы ее драгоценности. Да, именно там она якобы возила с собой все бриллианты. Сделать это надо было в Южной Франции, куда Джок повез Диану в предсвадебное путешествие. И Хью отправился вместе с молодоженами. Затем Диана обратилась в страховую компанию и потребовала возмещения. Компания отнеслась к той истории без доверия,

но доказать подлог никто не смог, и как раз перед отъездом в Кению Диана получила от страховщиков 12 тысяч фунтов за жемчужное ожерелье, которое обошлось Бротону в 6000 фунтов.

Но на этом Джок не остановился.

Успех подействовал на него возбуждающе.

Он заявил Хью Дикинсону, что намерен сообщить в полицию, что жемчуг украден именно им. И когда Хью испугался, то предложил ему новую авантюру: ограбить свое собственное родовое поместье, а именно утащить оттуда полотна Гейнсборо и Констебля, которые висели в столовой Доддингтона.

Ночью Дикинсон забрался в пустой дом — Джок отпустил сторожа и садовника, а сам с Дианой ждал вестей в Лондоне, в клубе «400», у всех на виду. Дикинсон снял оба полотна, спустился с ними по приставной лестнице в парк, затем прошел на задний двор, где облил полотна керосином, оставленным для него хозяином.

Молодого человека вовсе не волновало то, что он уничтожает великие картины. Главное было точно выполнить приказ Джока — от картин не должно остаться и следа, иначе есть опасность, что их вернут владельцу и придется расстаться со страховой премией.

Толи керосин оказался недостаточно горючим, то ли нервы подвели Дикинсона, но полотна не желали сгорать дотла.

Наступал рассвет — в любой момент его костер могли заметить из деревни. В отчаянии Хью затоптал огонь, привязал картины к приставной лестнице, которой пользовался, чтобы влезть в дом, умудрился привязать к ней железную трубу и выбросил с мостика в омут.

Хью признался в своих и Джока грехах лишь через много лет Джеймсу Фоксу. И подтверждением его словам служит история, не получившая в свое время объяснения: уже после смерти Джока в парке Доддингтона рыли канаву и случайно рабочие выкопали возле бывшей клумбы коробку из-под ботинок, в которой обнаружилось жемчужное ожерелье, за которое Джок получил 12 тысяч фунтов. Значит, Джок был дьявольски осторожен. Ведь казалось бы — разбери ожерелье по жемчужинам и торгуй ими на здоровье. Джок же удовлетворился двенадцатью тысячами — и ни пенсом больше!

Впрочем, неизвестно, кто организовал похищение, вернее, два похищения. Кто заставил несчастного Хью Дикинсона рисковать честью, репутацией и даже жизнью, чтобы выполнить

волю... Только ли волю Джока, как он сам признавался в старости?

Я не имею морального права обвинять прекрасную Диану, которая, возможно, еще жива. Но посудите сами — насколько эта история сомнительна.

Диана соглашается выйти замуж за жулика, который тридцатью годами старше нее. Диана соглашается на авантюру с ее жемчужным ожерельем, за которое Бротон получает колоссальную сумму денег — около 200 тысяч долларов на современные деньги; Диана якобы и не подозревает, что ее несчастный отвергнутый любовник, готовый на все ради ее благосклонности, похищает полотна из имения Джока и пытается их сжечь, а затем топит в омуте, и страховая компания вновь платит Джоку около трехсот тысяч долларов (по современному курсу). Почему все авантюры так замечательно удаются Джоку? И притом подозрение не падает на прекрасную леди Бротон?

В 1940 году, якобы спасаясь от бомбардировок Лондона фашистами и с целью взять в руки управление кофейными плантациями баронет Джок Делвс Бротон с молодой супругой, багажом и даже аэропланом переезжает в Счастливую Долину. Брак был зарегистрирован на пароходе.

Теперь пришла пора познакомиться с жертвой.

А жертвой будет 22-й граф Эрролл, которого все в Счастливой Долине звали Джоссом, а полностью — Джосселином Хеем, каковое имя он носил, пока не унаследовал в 1928 году титул и порядковый номер в родословной графов Эрроллов.

Родился Джосс в 1901 году, был изгнан из Итона в 1918-м; не успев там толком поучиться, был отдан в колледж пониже классом, откуда перекочевал на дипломатическую службу. С нее он вылетел тоже быстро, так как увел от мужа леди Идину Гордон, что случилось в 1923 году.

Осенью того же года Джосс женился на этой очаровательной леди, и они отправились в Кению, подальше от надоевшего им лондонского света, которому, судя по всему, и они изрядно надоели.

В Кении они были встречены настороженно и вскоре попали в черный список, который вела госпожа губернаторша, ввиду того, что образ жизни молодоженов совершенно не соответствовал британским нормам поведения.

Обширный особняк в Счастливой Долине стал известен на всю колонию как центр особого вида вечеринок, по которым Идина была крупным

специалистом. Вечеринки на английском языке именовались «уайф-суоппинг», то есть на них было принято, и даже обязательно, обмениваться женами. На долю леди Идины отводилась роль судьи и высшего божества этих праздников любви. Она решала, кому с кем сегодня ночью спать.

Если же кто-то оставался без незаконного партнера или партнерши, Идина считала ночь испорченной. Сама же она перепробовала таким образом всех достойных внимания мужчин.

Джосс не очень расстраивался поведением жены. Ему и самому нравилось время от времени исполнять роль хозяина дома на вечеринках Идины, но главное заключалось в том, что Джосс был охотником. И дичь у него была особого рода: он поставил себе целью соблазнить всех красивых или хотя бы привлекательных женщин Кении. Разумеется, речь шла только о женщинах «нашего круга».

Так как Джосс не скрывал своих намерений, то его лозунг звучал так: «Пусть все мужья катятся к черту!»

Конечно, многие повторяли эти слова и даже смеялись при этом, но на самом деле, в шутку или всерьез, кое-кто говорил, что охота за чужими женами для него хорошо не кончится. Слишком

много обиженных мужей (как, впрочем, и обиженных любовниц) осталось на его пути.

В 1930 году Джосс развелся с Идиной, уставши от ее сексуальных демонстраций, а может быть, влюбившись в очередную колониальную жену Молли Рамсей-Хилл. Правда, эта женитьба далась ему болезненно — в прямом смысле этого слова. Дело в том, что муж Молли, богатый плантатор, подстерег Джосса и разделал его бичом из носорожьей шкуры. Такими бичами насмерть забивали рабов в Древнем Риме.

Джосс сбежал от возмущенного мужа, однако тот не оставил своих угроз. Но потом все обошлось — мистер Рамсей-Хилл отправился по делам в Момбасу и там случайно погиб — утонул. Джосс и Молли, обвенчавшись, переехали во дворец в мавританском стиле, известный под названием Дворец Джинна.

Джосс в те годы несколько утихомирился, увлекся быстрыми авто, а также завел себе новых друзей из модной тогда в среде аристократии, хоть и немногочисленной, партии, известной под названием «Союз британских фашистов».

Прежде чем описывать новых друзей графа Эрролла, надо сказать еще два слова о его семейной жизни. Она у Джосса вновь не сложилась. В Мол-

ли он разочаровался очень скоро: та устраивала шумные скандалы, пристрастилась к наркотикам и, может, поэтому никак не могла родить ребенка — у нее случилось несколько выкидышей, ее редко видели трезвой, да и наследство, на которое так рассчитывал Джой, оказалось опутанным долгами и связанным претензиями взрослых детей Рамсей-Хилла от первого брака.

Джой все реже бывал дома, порой Молли навещала ее подруга Нина Соме. Как раз в ту ночь, когда Молли умерла от излишней дозы кокаина, Нина навестила ее. Но черных слуг Молли никто не допрашивал, а они сами не спешили рассказывать лишнего. Впрочем, никому не хотелось ворошить грязное белье самого благородного семейства Счастливой Долины.

Все уже давно забыли, что Джой с Идиной были занесены в «черный список». Джой отошел от фашистской партии и объявил о намерении заняться политикой.

Всерьез заниматься фашизмом считалось признаком дурного тона, хотя среди симпатизирующих Гитлеру и Муссолини были некоторые весьма высокопоставленные британцы, в их числе оказался и «кратковременный» король Великобритании Эдуард VIII.

Может быть, некоторые из вас забыли, что же произошло в Англии в 1937 году, — так что я позволю себе напомнить вам о том, что после смерти Георга V престол унаследовал принц Уэльский, Эдуард, который имел (с точки зрения высшего света) наглость жениться на разведенной американке совершенно никакого происхождения. Эдуард вступил в должность, были даже выпущены почтовые марки с его портретом, но когда дело дошло до коронации, во время которой должны были водрузить корону королевы Великобритании на голову той самой американки, возмущение в высших слоях общества достигло такого масштаба, что премьер-министр Болдуин нанес визит королю и сообщил, что такого позора страна не переживет.

В подобной ситуации Петр Первый выгонял с работы премьер-министров, а Генрих VIII отрубил министру наглую голову, но Эдуард VIII был молодым человеком из хорошей семьи, порядочным, и он не мог предать любимую женщину и настоять на своем. И он, подобно русскому наследнику престола в 1825 году Константину, отрекся от престола и покинул Лондон.

После этого Эдуард и его жена прожили вместе еще много-много лет, были счастливы, но бездет-

ны и никогда не возвращались на британскую землю. Зато с Гитлером они были близко знакомы и не скрывали взаимной симпатии. Но когда Гитлер поднимал речь о более тесном и откровенном союзе, Эдуард уходил от ответов и обещаний.

В Кении разочарование в фашизме наступило после нападения Муссолини на Абиссинию. Фашистские самолеты совсем рядом бомбили абиссинские города. Вместо обещанного мирового порядка фашизм нес смерть и, главное, угрозу благосостоянию британской элиты в Африке.

Это не означает, что обитатели Счастливой Долины изменились. Некоторые свои привычки и симпатии они все же сохранили. К примеру, в центре светской жизни Кении клубе Мутанта, в котором шампанское приносили только ящиками, было запрещено появляться евреям, и это правило сохранялось даже во время войны с Германией.

Да и друзья фашизма после начала Второй мировой войны не сменили своих взглядов! Более того, они были недовольны, если кто-то из их числа переходил в другой лагерь.

Наиболее активными фашистами в Счастливой Долине считались южноафриканка Джун Карбери, алкоголичка и наркоманка, и ее муж лорд

Джон Карбери. Эта семья ненавидела все английское и не скрывала ненависти, хотя это не мешало Карбери вращаться в кенийском высшем свете, проводить дни и ночи в клубе Мутаига и дружить с Джоем и Бротонами. В конце двадцатых годов лорд Карбери отказался от английского гражданства, полагая, что его страна стала игрушкой в руках мирового еврейства, и отправился в Америку, где получил американское гражданство. Но и там он был далеко не всем доволен, сблизился с сильными людьми — бутлеггерами, то есть контрабандистами спиртными напитками в период «сухого закона», когда в Америке насаждали трезвость. В решающий момент бутлеггеры бросили английского друга на произвол судьбы и сдали в руки полиции. Отсидев два года в тюрьме, он лишился американского гражданства, приехал в Кению и основал в Счастливой Долине спиртовой завод, на котором изготовлял никуда не годный ром и торговал им за пределами своего родного клуба.

Вот этот высокий лысеющий большелобый человек с пристальным взором очень светлых глаз и стал руководителем ячейки Союза британских фашистов, а с началом войны с Германией, когда союз был запрещен, формально стал беспартий-

ным, но своих взглядов не скрывал.

Члены клуба и были представителями традиционной британской элиты, которая была глубоко убеждена в том, что черные и цветные должны знать свое место, потому что даже физиологически они отличаются от настоящих людей. То, что Гитлер проходил теоретически, они и их деды выучили на практике.

К тому же Карбери был садистом. Откровенным и мелким. Даже слуги долго не задерживались в его доме. Особенно он был жесток к слугам, когда приближалось время выдавать жалование. Дело доходило до отвратительных мелочей. У его жены Джун была любимая курица. Можно же полюбить курицу! В один прекрасный день Джон заявил, что намерен проверить, умеют ли курицы летать. Он сел в свой самолет — в среде кенийских джентльменов было модно заводить роскошные автомобили и спортивные самолеты, — взял с собой несчастную наседку и, поднявшись на несколько сот метров, принялся кружить над своим домом, вокруг которого с воплями и слезами бегала Джун. Затем он выкинул курицу из самолета. Курица разбилась, а Карбери рассказывал затем в клубе о своем научном эксперименте. Дома же пригрозил жене

и подростку-дочке Хуаните, что следующими в очереди на эксперимент стоят они.

Однажды он решил научить Хуаниту плавать. Он взял ее с собой в лодку, выгреб на середину бухты Килиндини, где, как известно, полным-полно акул, и выбросил девочку за борт. Когда она цеплялась за борт и пыталась забраться обратно в лодку, он бил ее веслом по пальцам. Вскоре Карбери выдумал другое развлечение: он стал всем рассказывать, что Хуанита не его дочь, а дочка какого-то еврея, который изнасиловал его жену.

С криками, что он убьет жидовское отродье, Джон до полусмерти избил девочку, а ее мать, как рассказывал инспектор полиции, который случайно проезжал мимо и, услышав крики, завернул к Карбери, стояла спокойно рядом и курила длинную сигару.

Полицейский увез девочку в участок, а потом она, опасаясь, что отец ее убьет, переехала жить к дяде, у которого была плантация неподалеку.

Лучшими друзьями Карбери были Джек и Нина Сомсы. Говорят, что Джек приучил Джока Бротона к наркотикам, но сам был известен тем, что в гостинице, которую он держал, в потолке номеров были просверлены дырки, чтобы хозяин мог в любое время дня и ночи подглядывать за гостя-

ми. Так что Джек был самым информированным человеком в Счастливой Долине. Понятно, почему? Да потому что его небольшая гостиница была единственной в округе и ее использовали для свиданий многие жители Счастливой Долины.

Нина Соме была единственным нормальным человеком в той компании, если не считать ее любви к Гитлеру. Она любила фотографировать, и ее альбом остался удивительным документом той эпохи.

Главным персонажем всех фотографий была Алиса де Янзе. То она в белой рубахе, бриджах и галифе стоит в группе охотников, непринужденно сжимая в руке ружье, то на пороге клуба обнялась с Джоссом, то рядом с верховой лошадью, намеревается вскочить в седло...

Беззащитная красота, роковая красота...

Вообще-то Алиса была куда лучше известна в Ницце, где жила со своим титулованным мужем графом Фредриком де Янзе. А известна она была тем, что вечерами прогуливалась по набережной, ведя на поводке черную пантеру.

У Алисы была страсть к диким зверям. Я видел ее фотографию — в соломенном кресле с большим львенком на коленях, хвост которого достает до пола.

В 1925 году Алиса попала в Кению, и у нее завязался там роман с Джоссом. Она рассталась с мужем, но и с Джоссом у нее что-то не заладилось — в то время он еще любил Идину или, по крайней мере, не собирался с ней расставаться.

Разочаровавшись в Джоссе, Алиса принялась искать себе нового мужа. Расчеты ее были связаны с Раймондом де Траффо, «черной овцой» в еще одной знатной французской семье, обосновавшейся в Кении. На пару со своим другом Мишелем Лафоном он совратил множество девиц, память чему сохранилась в песенке тех лет, которую распевали в Счастливой Долине.

Жила-была как-то девица в Момбасе,

Училась ночами фокстроту в танцклассе.

Однажды к подружке пришла за советом:

— Что делать, совсем я не знаю об этом!

Ее обучить Майк и Рей захотели,

Неделю ее продержали в постели.

Из спальни сказала она, вылезая,

— Ах, все я умею! Как много я знаю!

Однако в решающем объяснении, которое случилось в 1927 году, Раймонд признался возлюбленной, что не сможет на ней жениться, потому что его семья в таком случае лишит его содержания.

Сообщив это, Раймонд сел в поезд и уехал из Счастливой Долины.

Алиса кинулась за ним, но настигла возлюбленного только в Париже. И там, на Северном вокзале, она выстрелила в него из револьвера, а затем, на глазах у изумленной публики, направила ствол себе в сердце.

Оба остались живы и выздоровели. Был суд. Алису оправдали, так как это было преступление на почве страсти, к чему французские присяжные относятся снисходительно.

Только в 1932 году простреленные любовники поженились — Алиса своего добилась, а Раймонду, очевидно, надоело сопротивляться.

Брак продержался три месяца, и затем Алиса покинула Раймонда и больше его в жизни не видела.

На следующий день после ее отъезда де Траффо настолько напился, что сбил насмерть на улице пешехода и на три года сел в тюрьму.

Алиса оставалась во Франции до начала войны,

и, когда гитлеровцы оккупировали Францию, возвратилась в Кению. Но что странно — вскоре она сблизилась с Карбери и Сомсом. Впрочем, кто обращал на то внимание? Она была красавицей с бурным прошлым и достаточно бурным настоящим.

В сороковом году Алиса поселилась в доме своего нового любовника Лицци Лизарда, близкого приятеля Джосса Эрролла, который в роковую ночь почему-то остался ночевать в доме Джосса.

В июле 1941 года Алиса покинула Кению и уехала в Каир со своим любовником Дикки Пемброком. Там она заболела — у нее был рак желудка. Когда стало невмоготу, Алиса де Траффо, она же Алиса де Янзе, застрелилась. Ей было сорок лет. В своем завещании она попросила устроить на ее похоронах вечеринку с коктейлями. Что и было исполнено. Это были самые веселые похороны в Каире, возле которого шли отчаянные бои между английскими войсками и наступающей армией немецкого генерала Роммеля.

Война затягивалась, и Джосс понял, что перед ним открываются возможности карьеры. Он стал патриотом и антифашистом. И не потому, что изменил взгляды — их у него и не было, — но после ряда встреч и бесед с губернатором Кении он

принял достаточно высокий пост — был назначен военным секретарем Кении, то есть должен был переехать в Найроби. Но он тянул с отъездом из-за Дианы, потому что не терял надежды на то, что она покинет Бротона.

Теперь можно перейти к описанию событий по порядку.

Вы уже познакомились со всеми их участниками и вправе будете делать свои выводы и заключения, которые могут отличаться от тех, которые сделал суд в Найроби.

Примерно в три часа ночи 24 января 1941 года два кенийца ехали в молочном фургоне по шоссе между Найроби и Нгонгом. Вдруг они увидели впереди фары автомобиля. Огни горели один над другим. Кенийцы сразу догадались, что машина свалилась с дороги в кювет.

Они выскочили из грузовика и подбежали к «Бьюику». Окно со стороны водителя было опущено. Они увидели, что на сиденье лежит белый мужчина.

Кенийцы поняли, что человек этот мертв, и не стали ничего трогать, а сразу поехали в полицейский участок. Первым на место происшествия приехал некий инспектор Брюс из добровольного корпуса помощи полиции, человек крайне

неопытный. Он боялся крови, к тому же не выспался.

Брюс приказал местным полицейским вынести тело из машины, а машину вернуть на дорогу, чтобы при первой возможности отбуксировать ее в гараж.

Брюс узнал мистера Джосселина Хея, военного секретаря Кении. О личной жизни Джосса инспектор если и знал, то предпочел не думать. Он даже написал рапорт, в котором причиной смерти назвал автомобильную аварию.

Инспектор увидел, что подбородок и щека графа Эрролла испачканы запекшейся кровью, и сделал заключение, что граф ударился о руль автомобиля. Ничего более нелепого предположить было невозможно. Но это заключение инспектора отложило разбирательство дела на несколько часов. Когда полицейские вернулись на место гибели графа, все вокруг было уже затоптано, заезжено машинами и повозками, и ничего не найдешь — ни следов, ни улик.

Больше того, машину уже перегнали в гараж для ремонта.

Но все же, несмотря на разгильдяйство сонного и перепуганного инспектора Брюса, один из полицейских, не вступая с ним в спор, отметил для

себя и потом сообщил суперинтенданту Поппи следующее.

1) В машине сильно пахло женскими духами.

2) На полу были следы мела, которым чистят теннисные туфли.

3) На дороге перед автомобилем валялась окровавленная сигарета «плейере», а также женская заколка, тоже в крови. Кровь осталась и на ветровом стекле, хотя труп лежал поперек машины, на полу. Наконец, этот внимательный полицейский обратил внимание на то, что левая штанина Джосса выше колена промокла от крови. То есть он свалился не сразу — некоторое время кровь из виска капала вниз.

Только когда труп Джосса привезли в больницу и обмыли, врачи сообразили, что причина смерти — пулевое ранение в левый висок.

Некто выстрелил в Джосса с левой стороны, то есть, вернее всего, сидел рядом с водителем.

Не грех напомнить, что в Англии и ее колониях при левостороннем движении водитель сидит за рулем с правой стороны.

Когда в госпитале поняли, что Джосс убит, то тут же позвонили по телефону в Найроби. Оттуда немедленно выехал суперинтендант Поппи.

Шла война. Судьба Англии висела на волоске

— ведь Россия была союзником Гитлера, Франция покорена, а Америка и не собиралась вмешиваться в европейский конфликт. Английские колонии чувствовали себя беззащитными. И вдруг убивают военного секретаря Кении, графа Эрролла.

Хорошо, если эта смерть оказалась бы следствием неких личных качеств графа, хорошо, если бы она не была связана с высокой политикой. В Кении немало плантаторов, симпатизирующих немцам, и недалека Южная Африка, старый враг Великобритании и тайный союзник бошей.

Выстрелов было два. Первая пуля от пистолета 32-го калибра обнаружилась в левой дверце. Видно, Джосс успел отпрянуть. Вторая пуля попала в висок.

Мистер Брюс позвонил из полицейского участка мистеру Джоку и его супруге в девять утра. Он еще не знал, что лорда Эрролла застрелили. Трубку взяла подруга Дианы Джун Кар-бери. Оказывается, она ночевала у Бротонов. Брюс почувствовал облегчение. С Джун было говорить проще, чем с Дианой. Он попросил передать Диане, что сэр Эрролл попал в автомобильную аварию, тяжело пострадал и отправлен в госпиталь.

Брюс спросил, был ли вчера вечером Джосс у

Бротонов. Ведь от места, где нашли машину, до их дома было не больше двух миль. Джун сказала, что Эрролл уехал от них в третьем часу ночи.

Когда инспектор прибыл в дом Бротонов, Диана лежала в истерике и ни с кем не могла общаться. Бротон встретил инспектора у дверей и все повторял:

— С ним все в порядке? Он не пострадал? Он будет жить?

Бротоны в своей машине поехали следом за инспектором в полицейский участок, надеясь что-нибудь узнать. Там им сказали, что Эрролл в больнице. Бротоны поняли, что инспектор пожалел их и не сказал правду — Джосс мертв.

Когда в морге они увидели тело Джосса, Бротон вдруг стал просить разрешения закрыть ему лицо платком жены и всем объяснял:

— Моя жена была от него без ума! Понимаете, она глубоко и искренне его любила.

Это ни для кого не было секретом. В колонии все полагали, что прекрасная Диана вышла замуж за Бротона только ради его денег.

Впервые Диана увидела Джосса через две недели после приезда, на балу, устроенном в клубе Мутаига, в начале декабря 1940 года. Это была, как говорится, любовь с первого взгляда. Значи-

тельно позже Диана признавалась: «Когда наши взгляды встретились, меня охватило необъяснимое чувство — уверенность в том, что для Джосса нет никого важнее и дороже меня на всем белом свете».

3 января возлюбленные наконец-то смогли объясниться и тут же отправились к Джун Карбери. Джун и ее буйный муж деликатно покинули свой дом и уехали на уик-энд к Сомсам.

Диана возвратилась домой только в понедельник и спокойно сказала сходившему с ума от подозрений или неизвестности Бротону, что ночевала у подруги. Если он желает, то может проверить — подругу зовут Джун Карбери.

Бротону не надо было ничего проверять.

Милое общество Счастливой Долины трепетало от предвкушения драмы. Не прошло и недели после начала романа Джосса с Дианой, как Джок (надо же быть такому совпадению — одинаковые или почти одинаковые клички у обоих мужчин) начал получать подметные письма, анонимки и доносы.

Но Бротон ничем не показывал, насколько его задевает этот роман — безумный, страстный, в лучших романтических традициях литературы, в которой и выросли эти люди.

И воистину они были созданиями своего времени и в то же вневременными. Как будто о них писал Лакло в «Опасных связях», или они были повторениями созданий из «Тома Джонса, найденыша».

Стоит упомянуть и о том, что все они были богаты или очень богаты, но и богатство было эфемерным, оно ускользало.

И в то же время они были непотопляемы. К примеру, плейбой Джосс настолько разорился, что ему пришлось покинуть Дворец Джинна, принадлежавший покойной Молли, и снять виллу поскромнее. Но в ней все равно оставалось около тридцати слуг, правда, черных. И машины у него были самые новые и дорогие — жизнь шла в кредит, и лорды, склонные к фашистским бредням, в глубине души надеялись на то, что придет дяденька Гитлер или Муссолини и выгонит всех этих евреев и индусов, у которых и Джосс, и Джок, и Карбери были в долгах. Нет еврея — нет долгов. В свое время это способствовало идейной закалке германских фашистов.

Бротон делал вид, что ничего не происходит. Джосс действительно потерял голову от Дианы — каждый день они втроем обедали и ужинали в клубе, и Эрролл, в своей привычной манере,

обольщал с одинаковым упорством и жену, и мужа. А поздно вечером они с Дианой исчезали с танцев и уезжали либо к Джун Карбери, либо в гостиницу к Сомсу, который на всю ночь припадал воспаленным глазом к дырочке в потолке их комнаты, либо в дом к Джоссу. Но последнее было редко. Все-таки Джосс был секретарем по военным делам, ответственным чиновником колонии.

Взрыв произошел 12 января на вечеринке в доме мэра Найроби, сэра Диламира. Хозяйка дома, леди Глэдис, которая еще недавно была любовницей Джосса и потому принимала его роман с Дианой близко к сердцу, подошла к Бротону и, конфиденциально понизив голос, произнесла:

— Вы замечали, что Джосс страстно влюбился в нашу Диану?

Эту ремарку слышали все, кто хотел услышать.

Игнорировать происходящее далее было невозможно.

Бротон забронировал билеты на пароход, отправлявшийся на Цейлон, и тут Диана отказалась сопровождать мужа. Бротон подошел к Джоссу и попросил его о встрече, чтобы обсудить ситуацию «как джентльмен с джентльменом», что также было многими услышано.

На суде Бротон сообщил, что 18 января разговор между соперниками был тихим и благородным. «Джосс сказал мне, что чувствует себя паршиво передо мной, потому что мы были близкими друзьями, однако чувство оказалось сильнее разума».

Близкими друзьями они стать не могли — времени на это не было. Джосс соблазнил жену «близкого друга» прежде, чем они успели толком познакомиться.

Однако на том же суде выяснилось, что разговор был далек от мирного. В полиции допросили дворецкого из клуба, и он сказал, что джентльмены разговаривали на повышенных тонах и мистер Бротон колотил по столу кулаком и чем-то угрожал господину Эрроллу.

А жить Джоссу оставалось меньше недели.

Любопытно, что Джосс не постеснялся спросить у Бротона, действительно ли между ним и Дианой существует соглашение о пяти тысячах фунтов ренты для Дианы и ее молодого спутника жизни?

Бротон выразил удивление тем, что Джосс намерен существовать как альфонс на деньги женщины, но Джосс парировал его выпад словами о том, что эти деньги предназначаются на

мелкие расходы Дианы и он задал этот вопрос исключительно по ее просьбе.

Бротон сказал затем, что поедет на Цейлон один, оставив Джосса и Диану вдвоем, чтобы они приняли окончательное решение. На суде Бротон сослался на то, что эту линию поведения ему подсказал близкий друг, владелец гостиницы Джек Соме, который советовал «отделаться малой кровью». В то время поведение Сомса не вызвало удивления, хотя теперь мы знаем, что он предоставлял свою гостиницу любовникам и сам же за ними подглядывал. К тому же считалось, что он — бывший Джосса и его товарищ по фашистской организации.

23 января Бротон решил последовать совету Сомса. Он заказал в клубе столик на четверых, чтобы отпраздновать помолвку Джосса с его женой. За столиком оказались Джосс, Диана, Бротон и Джун Соме. Свидетелями — весь клуб.

Вечером после ужина Джосс сказал своему приятелю Лицци Лизарду, что Бротон был — самая любезность. «Он отпустил нас на волю».

Но в то же время Джосс чувствовал себя не в своей тарелке. Он добавил:

«Он был настолько хорош, что от него воняло лицемерием».

В конце ужина — и все вокруг это слышали — Бротон поднял бокал с шампанским за здоровье возлюбленных.

— Я желаю вам всяческого счастья, — произнес он. — И пусть ваш союз будет украшен скорым рождением наследника.

Когда же Джосс с Дианой ушли, он продолжал пить с Сом-сом, стал агрессивен и кричал:

— Не дождется она от меня пяти тысяч фунтов!

Словно на них свет клином сошелся.

Почему-то с Бротоном осталась только Джун. Джек Соме сослался на то, что ему пора возвращаться в гостиницу, но на самом деле он поехал в Клармон роуд хауз, где были танцы. На танцах он встретил Джосса с Дианой, а сам танцевал с Алисой де Янзе. После полуночи он отвез ее домой в своей машине, потому что она была пьяна.

А Джосс с Дианой оставались еще некоторое время на танцах, а затем поехали к Джоссу домой. Чего уж тут было таиться, если сам муж благословил их союз. Впрочем, наши герои к тому времени были веселы счастливы и полны планов на будущее.

Они не стали терять время, а быстро прошли в спальню Джосса. Ночевавший в соседней комнате любовник Алисы Лицци Лизард сообщил на

суде, что слышал из спальни их страстные голоса. Любовные шумы продолжались примерно до половины третьего, после чего любовники вышли из комнаты, и тут их перехватил Лицци, которому не спалось и которого раздирало любопытство — как прошел вечер с мужем?

Вот тогда-то Джосс сказал, что все кончилось миром, хотя его смутила преувеличенная любезность Бротона.

Джосс сказал Лицци, что скоро возвратится — только отвезет домой Диану. У них с Бротоном была договоренность, что в ближайшие дни, пока не будут решены все имущественные вопросы, Диана останется в старом доме. Диана не возражала. Ей было удобнее оставаться у себя — привычные горничные, привычный повар, да и все туалеты и вещи под рукой. А в новом доме Джосса все надо было устраивать на пустом месте.

Горничная Дианы, Уилкс, которая, разумеется, не спала, ожидая госпожу, сказала, что мистер Эрролл привез Диану в два тридцать. Их встретила Джун Соме, которая также еще не ложилась. Диана поднялась наверх с Джун, им было о чем посплетничать, а Уилкс предложила Джоссу виски. Джосс пошутил:

— Ты же знаешь, что я не прикасаюсь к виски!

Это была смешная шутка, потому что Джосс любил виски и нередко управлял машиной будучи нетрезвым.

Затем Джосс вынул из «Бьюика» шкатулку с драгоценностями Дианы, и Уилкс понесла ее наверх. Видно, Диана сняла драгоценности еще в спальне Джосса.

Уилкс не слышала, как Джосс уехал. Бротон не спускался встретить его. В последний раз Бротона видела Джун, когда она попросила его принести ей хины — у нее начинался приступ малярии. То есть в два часа.

Джосс уехал, и дом постепенно утих. Диана расцеловалась с Джун и сказала, что у нее глаза слипаются. Она ушла, это было около трех. Джун не спалось, ее знобило, и в половине четвертого к ней постучал Бротон и спросил, как она себя чувствует и не надо ли ей чего-нибудь еще.

К этому времени Джосс был мертв уже около часа. А следователю показалось странным, что Бротон не вышел к жене и ее любовнику, а через час вспомнил о болезни Джун.

Отношения Бротона и хорошенькой добродушной Джун остались вне внимания суда, хотя многие утверждали, что Джун спала с Бротоном.

Но кто разберется в отношениях этих людей, в пародии на какой-то неизданный роман Фицджеральда.

Все эти люди доживали свой короткий век, и с началом войны он подошел к концу. Может, предчувствуя свой закат, эти мотыльки так суетливо кружились вокруг огня.

Во время следствия в Найроби (а дело взяла на себя столичная полиция) высказывались разные предположения, так как в колонии было немало мужей, поклявшихся разделаться с Джоссом. В их числе был и столичный мэр. Но в большинстве своем эти мужья уже пережили ревность и позор — убивают или сразу, или никогда.

А вот мистер Бротон сразу оказался в центре внимания полиции.

Все в его поведении указывало на него, как возможного убийцу.

Пока в полиции совещались по поводу убийства, Бротон делал все, чтобы подозрения против него стали еще более весомыми.

Прежде всего он отправился в Найроби и зарезервировал два билета на пароход в Коломбо. Затем вернулся к себе и велел своему главному бою Абдулле бин Ахмеду принести канистру с бензином и оставить ее на задней веранде.

Затем, как утверждал на суде прокурор, хотя никто из слуг этого не подтвердил, он заявил, что помойная яма слишком дурно пахнет и от этого разводятся навозные мухи. Он облил яму бензином и поджег. Сам он стоял некоторое время возле помойки, а когда увидел, что огонь выбрался наружу и загорелась трава, он велел Ахмеду погасить огонь. А сам ушел в дом.

На следующий день мимо его дома почему-то проходила пятнадцатилетняя Хуанита Карбери и увидела в куче обгоревшей рухляди почти новые теннисные туфли белого цвета. Ей это показалось странным, потому что старые туфли в Кении всегда отдавали слугам. Зачем же выбрасывать еще приличную обувь?

Об этом Хуанита рассказала своему дяде, который сообщил в полицию суперинтенданту Артуру Поппи, который был назначен расследовать убийство.

Когда суперинтендант узнал о туфлях, он сразу отправился на задний двор к Бротону, но никаких туфель не обнаружил. Что и неудивительно. Их мог забрать любой, тем более что для негров они представляли ценность.

Мистер Поппи был этим огорчен, потому что при собственном обследовании автомобиля

Джосса он хотел сравнить следы мела, которым было принято чистить белые теннисные туфли. Зато в обгоревших тряпках был найден клочок носка для гольфа со следами крови. Бротон утверждал, что никогда в жизни таких носков у него не было.

Впоследствии, через много лет, известная в Долине красотка Паула Лонг утверждала, что именно такие носки у Бротона были, и даже показала Джеймсу Фоксу фотографию, на которой Бротон был в таких носках. Правда, на маленькой фотографии разобрать, те ли это носки, было нелегко. Но полиции она эту фотографию не показала.

Когда полиция дала понять, что подозревает в убийстве именно Бротона, то классовый инстинкт жителей Счастливой Долины заставил их объединиться на защиту «своих». К примеру, Джун Соме не скрывала от друзей, что как только она узнала о смерти Эрролла, то тут же бросилась к нему домой, отыскала там в укромном месте пачку любовных писем Дианы и отвезла к себе, чтобы полиция их не нашла.

Почему она сразу не отдала письма Диане, непонятно. Дальнейшая судьба писем неизвестна.

Когда суперинтендант Поппи попросил Бро-

тона представить ему сертификаты на оружие, которым он имел право владеть, Джок отдал ему пачку сертификатов и среди них сертификат на пистолет калибром 32 мм. Когда же полицейский попросил его предъявить пистолет, Бротон сообщил, что он, вместе с другим пистолетом, был похищен из его дома 21 января — за два дня до убийства.

Мистер Поппи отправился тогда на ферму Сомсов, где был тир. В том тире, как было известно, Бротон и Диана стреляли в цель из пистолетов, которые привозили с собой.

С помощью Сомса полиция собрала множество различных пуль и отсортировала те, что могли быть выпущены из украденного пистолета Бротона.

Пули были отправлены в криминалистическую лабораторию в Найроби.

А как же Диана?

От нее не отходила Джун Соме. С визитами соболезнования, разумеется неофициальными, приезжали подруги и просто знакомые дамы. Похороны Джосса должны были быть скромными и респектабельными. До похорон решено было не выдвигать обвинений против Бротона, чтобы не привлекать излишнего внимания к трагедии.

Когда опускали гроб, Джок Бротон подошел к краю могилы и уронил на гроб листок бумаги. Суперинтендант Поппи заметил это и велел одному из могильщиков передать ему этот листок.

Бротон пожал плечами и удалился под руку со своей женой, которая была бледной как полотно, и Джун все время давала ей понюхать ароматную соль, чтобы та не упала в обморок.

В обморок упала Алиса де Янзе. Все знали, что некогда она была любовницей Джосса.

Лицци Лизард увез ее к себе.

Но этот обморок привлек внимание полиции, и суперинтендант решил на всякий случай проверить алиби этой красивой и неуравновешенной женщины, тем более что не было секрета в том, за что Алису судили в Париже.

На записке, которую Бротон уронил на гроб Джосса, на листке из фирменного блокнота клуба Мутаига было написано почерком Дианы: «Я люблю тебя безумно». На другой стороне рукой Джосса были написаны слова: «Я люблю тебя до конца моих дней». Почему записка оказалась у Бротона и почему он решил так картинно на глазах у всех подарить ее покойнику, не очень понятно, но записка окончательно убедила полицейского в том, что убийца — ревнивец Бротон.

Разъезжаясь по домам, все судачили, куда теперь уедет Диана, не может же она и далее жить с ненавистным мужем, убийцей ее любовника.

Но уже на следующий день вся колония была потрясена новостью, которая не укладывалась ни в какие рамки. Даже герои Фицджеральда до такого не могли бы додуматься.

Мистер и миссис Бротон в сопровождении друга семейства и подельщика Бротона по Лондону Хью Дикинсона, который умудрился остаться в стороне от громких событий, уселись в автомобиль и отправились охотиться на львов.

Ни больше ни меньше.

На суде кто-то спросил у Дианы, как она могла поехать с убийцей в саванну. Диана ответила, что сделала это от ужаса перед Бротоном. Она не могла оставаться с ним в одном доме, полагая что ее убьют. Именно поэтому она попросила Хью Дикинсона их сопровождать.

Ответ невразумительный и неубедительный.

На охоте Диана вела себя спокойно, о Джоссе никто и не упоминал. На реке Мара в Южном заказнике Масаи Диана вышла один на один со львом и убила его.

3 марта 1941 года почти сразу после возвращения с охоты на львов Джок Бротон был арестован

по обвинению в убийстве лорда Эрролла.

Тем временем продолжалось следствие по возможной причастности Алисы к убийству Джосса.

Алиса жила в те дни в доме своего любовника Лицци Лизарда. Тот сообщил, что Алиса вернулась с танцев не очень поздно, то есть до двух часов ночи, и удалилась в спальню. Но показания Лицци не были достаточно убедительны, потому что он-то сам ночевал у Джосса, хотя у него был свой дом и своя любовница.

Когда же суперинтендант Поппи послал одного из своих черных помощников незаметно опросить слуг в доме Лизарда, те сказали, что видели, как Алиса в половине третьего на своем автомобиле уехала из дома и вернулась только утром.

Но этого было недостаточно для того, чтобы поставить ее на одну доску с Бротоном. Ее решено было не трогать.

В тюрьме в Найроби Бротон был помещен в камеру, специально выделенную для знатных постояльцев, еду ему приносили из ресторана, а сам начальник тюрьмы каждый вечер после ужина, порой совместного, приглашал Бротона на получасовую прогулку за стенами тюрьмы.

Хью Дикинсон привозил ему шоколад, выпивку и даже, как сам потом признался, шприц со смер-

тельной дозой морфия, на случай, если приговор суда будет неблагоприятным.

Суд начался 26 мая и продолжался пять недель. На него приехали журналисты из многих газет, но из Англии никого не было. Однако процесс освещался в ведущих английских газетах рядом с сообщениями о бомбежках Лондона немецкими самолетами.

Прокурор основывал обвинение на косвенных уликах, которые казались убедительными. Мотив — ревность. Возможность совершить убийство — с двух часов до трех тридцати; когда Бротон постучал к Джун и спросил, не нужно ли ей чего-нибудь, никто его не видел. У Бротона было время, чтобы преодолеть две мили до перекрестка, от которого отходила дорога к дому Джосса, и подстеречь его, когда он возвращался после того, как отвез Диану. Более того, прокурор утверждал, что визит к Джун был попыткой со стороны Бротона составить себе алиби. Другие обстоятельства были хороши только в общей сумме улик. Например, на допросе Бротон спросил, каковы шансы отыскать пистолет, «закопанный где-то в Африке»; или, например, показание сторожа, что в три тридцать лаяла собака перед домом Бротона — значит, кто-то возвращался домой.

Диана наняла для защиты мужа лучшего адвоката Кении Гарри Морриса, и он без особых усилий разгромил позиции обвинения, так как никаких реальных доказательств следствие не обнаружило. Все же свидетели из числа поселенцев Счастливой Долины были либо настроены враждебно к прокурору, либо их показания только вносили путаницу в общую картину.

У прокуратуры оставался лишь один козырь — пули, которые полицейские собрали на стрельбище у Сомсов. Эксперт из Найроби доказывал, что найденные там пули выпущены из пистолета Бротона.

Впрочем, ввиду того, что пистолет не был найден, эти показания лишались реальной силы. К тому же адвокат тут же представил копию заявления, которое сделал Бротон 21 января в полицию о пропаже пистолета — то есть за три дня до убийства. Что тоже ничего бы не доказывало, но оставляло проблему открытой — ведь если пистолет в самом деле похищен, им мог воспользоваться настоящий убийца, необязательно Бротон. И наконец, как бы делая последний мастерский штрих в картине, адвокат Моррис представил собственного независимого эксперта, который доказал, что пули, найденные

на стрельбище у Сомсов, и пули, которыми был поражен Джосс, выпущены из разных пистолетов — микроисследования пуль тогда проводились редко и у полицейских нужного оборудования не было. А адвокат Бротона смог провести такое исследование.

1 июля присяжные удалились на совещание.

Когда они возвратились и передали судье свой вердикт, председатель присяжных, кстати, парикмахер Бротона, украдкой показал подсудимому большой палец и подмигнул ему.

Вердикт присяжных был прост: «Невиновен».

В зале раздались бурные аплодисменты, и это неудивительно — места были зарезервированы, а то и куплены за большие деньги элитой Счастливой Долины. И хоть большинство зрителей на дух не переносили Бротона, он был одним из них, а своих сажать в тюрьму не принято.

У здания суда, несмотря на жару, столпилось более двухсот белых колонистов, жаждущих пожать руку освобожденному из-под стражи в зале суда Бротону.

Вскоре после суда Диана и Джок отплыли на Цейлон, где провели несколько недель.

Когда они возвратились, оказалось, что настроение в обществе изменилось не в их пользу. Одно

дело, когда благородный человек, даже если он трижды виноват, оправдан. Но это не значит, что на самом деле он не убийца. Его все считали убийцей, но, что странно, — Диану полагали его сообщницей. И тому виной ее поведение. По всем правилам, она, даже если и считала своим долгом оставаться с мужем на время суда, обязана была покинуть его после оправдания. Она же уезжает с ним на Цейлон...

Общественное мнение было настолько враждебно к этой паре, что их даже исключили из членов клуба.

Но поведение Бротонов было не столько странным, скорее — вызывающим.

Они сняли дом Джосса и спали в спальне, в которой столь недавно Диана стенала в объятиях своего любовника.

Они жили отшельниками — несколько месяцев.

И вдруг Диану увидели в машине Гильберта Колвилла, богатейшего скотопромышленника Кении.

Бротон не покидал дома, много пил и, как говорили слуги, постепенно сходил с ума.

В ноябре 1942 года они расстались окончательно. Диана переехала к Колвиллу — ей было

тридцать лет, и она была сказочно хороша собой, — а Бротон продал свою плантацию и укатил в Англию.

Там его ждала полиция, прямо на причале» Его отвели в тюрьму по обвинению в подделке документов, с помощью которых он полностью разорил своих племянников.

Через две недели его отпустили из тюрьмы под небольшой залог, и 2-го декабря Бротон лег в госпиталь Адельфи в Ливерпуле. Он занял там отдельную палату, заперся и велел не беспокоить. Утром медсестра стала стучаться к нему, он не отзывался.

Взломали дверь.

Бротон лежал на полу в глубокой коме. Из носа и рта текла кровь. Рядом валялись шприцы. На теле насчитали четырнадцать свежих уколов мединала — варианта морфия. На рассвете 5 декабря, не приходя в сознание, он умер.

Тайна смерти Джосса Эрролла ушла вместе с ним.

Если не считать утверждения пятнадцатилетней Хуаниты Карбери, той самой несчастной девочки, которая нашла теннисные туфли, затем пропавшие с помойки и потому не игравшие роли на суде.

Хуанита заявила, что перед отъездом на Цейлон мистер Бротон признался ей, что подстерег на дороге и застрелил Джосса, а пистолет выкинул в водопад Тика. Девочка никому об этом до процесса не рассказала, потому что мистер Бротон в отличие от ее родителей всегда к ней хорошо относился.

Но Хуанита рассказала об этом своему дяде, а дядя суперинтенданту Поппи, который не стал, конечно же, вновь возбуждать дело против оправданного Бротона.

Тем не менее Алису снова вызвали в полицейское управление, чтобы проверить ее алиби. Причем основания для этого возникли в показаниях немецкого агента, арестованного в Англии. В них говорилось о сети немецких шпионов в Британской Африке и об их связи с Британским Союзом фашистов, который формально перестал существовать, хотя подобные организации никогда не перестают существовать на самом деле.

После допроса Алиса отправилась к своему верному и безнадежному воздыхателю Дики Пемброку. После этого Пемброк приехал в полицию и добровольно сообщил, что Алиса провела злополучную ночь с ним.

История была неправдоподобная, потому что у

Алисы был бурный роман с Лицци Лизардом. Но ведь Лицци не мог обеспечить ей алиби.

Известно лишь, что после убийства он сразу расстался с Алисой и больше с ней не встречался.

Лучше других сложилась жизнь у Дианы. Она не потеряла своего дьявольского умения использовать мужчин. Ради того, чтобы овладеть ею, они, как правило, шли на унизительные условия — помните 5000 фунтов, обещанные Бротоном, если Диане вздумается ему изменить?

Нечто подобное произошло и после смерти Бротона, когда она вышла замуж за скотопромышленника Колвилла — по ее словам, «самого скучного человека на свете».

На положении поклонника и друга дома при ней продолжал существовать Хью Дикинсон.

В конце сороковых годов Диане надоело жить со старым Колвиллом, она соблазнила молодого лорда Диламира, сына мэра Найроби, и улетела к нему на своем самолете. Колвилл покорно согласился на развод и остался доживать свой век с Хью Дикинсоном. Больше того, в пятидесятом году он, умирая, завещал свое состояние неверной жене. А состояние составляло два с половиной миллиона фунтов. Отныне никто не посмел бы закрыть двери перед такой дамой.

Диана могла менять любовников, гонять до старости на спортивном самолете, нырять с аквалангом и гарпуном в тонкой руке — все-таки она была удивительной женщиной.

В 1963 году Кения добилась независимости. На правительственной трибуне рядом с президентом Томом Кениатой сидела его приятельница, которую назвали второй дамой Кении после королевы.

От встречи с журналистом Джеймсом Фоксом Диана отказалась, но по телефону сказала ему, что Бротон, разумеется, никого не убивал — он был для этого слишком мелким мерзавцем, но при том патетической фигурой. Она, Диана, сохранила о нем теплые воспоминания. Много было вместе пережито.

— Кто же убийца? — спросил журналист, — вы наверняка его знаете.

— Разумеется, — согласилась гранд-дама, — но только не Джок.

Журналист продолжал настаивать.

— Его убили, — сказала Диана, — потому что он слишком много знал о своих старых друзьях и изменил им. Шла война, и они не хотели шутить.

— Вы имеете в виду Фашистский союз?

— Называйте их как хотите. Но они боялись

Джосса.

Фокс постарался отыскать следы Сомсов и Карбери, но не преуспел в этом. Он узнал лишь, что обе супружеские четы были интернированы и высланы из Кении еще во время войны по подозрению в связях с фашистской разведкой в Северной Африке. После этого они скрылись в Южной Африке.

В Кении осталась только Хуанита, которая вышла замуж и изменила фамилию. Но она не рассказала ничего существенного, кроме любопытной детали: белые теннисные туфли на помойке Бротона первой увидела ее мама и сказала об этом Хуаните.

А вот признавался ли Бротон ей в убийстве, она забыла.

Последний штрих в эту головоломку внес Пемброк, тот самый джентльмен, сообщивший следствию, что Алиса провела у него ночь, в которую произошло убийство.

Будучи уже совсем старым человеком, многое забывшим и потому ненадежным свидетелем, он поведал журналисту, что Алиса приехала к нему утром после убийства и заключила с ним соглашение: она согласится выйти за него замуж, если он покажет на следствии, что Алиса провела

с ним ночь.

— Но это правда или нет? — спросил журналист.

— Разве это так важно сегодня? Алиса давно погибла, но мы с ней были счастливы, хотя бы несколько недель. Она была очень красивой.

— Значит ли это, что она убила графа Эрролла?

— Она в этом мне призналась. Она хорошо стреляла.

— Но почему, зачем?

— Она не могла иначе...

— Ее заставили?

Мистер Пемброк забыл. Но сказал, что ее всегда мучили совесть и страх.

— Она покончила с собой?

— Не знаю, — сказал старый мистер Пемброк. — Не помню.

Если эта версия соответствует действительности, то тогда становятся на свои места многие непонятные детали той ночи.

Кстати, когда Фокс спросил Диану, почему в качестве обвиняемого оказался Бротон, та ответила: «Мы все были уверены, что он выпутается. В конце концов, ему заплатили за хорошего адвоката».

Владимир ЛЕБЕДЕВ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЯНТАРНОГО КАБИНЕТА

Янтарная комната (кабинет) была похищена фашистами в годы Великой Отечественной войны из Екатерининского дворца города Пушкин. Ее поиски продолжаются до сих пор. Материал подготовлен на основе немецких и польских архивов и источников.

Подарок немецкого короля Петру I

В 1701 году прусский король Фридрих I заказал кенигсбергскому мастеру Готфриду Вольфраму (датчанину по происхождению) янтарные панели для отделки стен в галерее своего берлинского замка Шарлоттенбург.

Неизвестно, побывали ли янтарные панели, согласно первоначальному замыслу короля, в замке Шарлоттенбург, но уже в 1712 году они

находились в новом берлинском королевском замке и были использованы в убранстве угловой комнаты на третьем этаже.

Именно здесь впервые любовался Янтарной комнатой русский царь Петр I.

В 1716 году Фридрих Вильгельм I, после смерти своего отца Фридриха I, обратился к Петру I с предложением заключить союз против шведов — с помощью русских он мог рассчитывать освободить Померанию. Фридрих Вильгельм I припомнил, с каким восхищением Петр I некогда осматривал Янтарную комнату. И вот союз Пруссии и России против Швеции наконец осуществился, а Петр I в письме из Амстердама сообщил своей супруге, что в Берлине он получил в подарок Янтарный кабинет.

Итак, Янтарная комната — дар короля Фридриха Вильгельма I в ознаменование союза России и Пруссии — была разобрана, упакована в восемнадцать больших ящиков и морем отправлена в Мемель (ныне Клайпеда), где по приказу Петра I ее ожидала специальная миссия с обергофмаршалом во главе, чтобы доставить драгоценный груз в Россию, в Петербург. Каждый ящик погрузили в специальную повозку, которую везла шестерка лошадей.

Сначала Янтарный кабинет поместили в зимнем доме, а через пять-шесть лет — во дворце, который был предшественником современного Зимнего дворца. Янтарный кабинет дополнил петровскую коллекцию произведений искусства русских и западноевропейских мастеров и был открыт для обозрения.

В 1755 году императрица Елизавета Петровна, дочь Петра I, приказала перевезти Янтарный кабинет в Царское Село — здесь отстраивалась летняя резиденция русских монархов. Пребывание в Янтарном зале Екатерининского дворца (названного в честь супруги Петра, Екатерины I) воспринималось современниками и их потомками как величайшее наслаждение.

Посмотрим же теперь на Янтарный зал глазами тех, кто видел его воочию.

«Стиль Янтарной комнаты... представляет собой смесь рококо и барокко, и эта комната — подлинное чудо не только из-за высокой ценности материала, искусной резьбы и легкости архитектурных форм, но, главным образом, из-за прекрасного, то темного, то светлого, но непременного теплого тона янтаря, который придает всему убранству невыразимую прелесть.

Стены зала покрыты мозаикой из полиро-

ванных кусочков янтаря, неодинаковых по размеру и по форме, но сохраняющих постоянный коричневато-желтоватый колорит. Резные янтарные рамы с рельефами делят стены на отдельные участки, где выложены четыре мозаики — римские пейзажи с аллегорическими изображениями четырех из пяти человеческих чувств.

Этот хрупкий, ломкий материал выглядит так, будто он специально создан для передачи барочных форм орнамента, а рамы и панно, сверх того, украшены еще барельефами, маленькими бюстами, гербами, воинскими трофеями и т. п.

Весь декор производит приятное впечатление при солнечном свете и при свечах. Янтарная облицовка, пожалуй, более всего напоминает мрамор, но начисто лишена мраморной торжественности и холодности — и, конечно, она значительно превосходит красотой отделку из любого, самого драгоценного «дерева».

«Европа всем обязана Германии»

1933 год. Прошло несколько месяцев с того дня (30 января), как Гитлер был назначен рейхсканцлером. На площадях немецких городов фашисты жгут книги.

Было конфисковано около 16 тысяч произведений живописи и скульптуры. Часть из них

продана за границу (Германия очень нуждалась в валюте!), часть обменена на произведения старых мастеров (фюрер чтит духовные традиции).

Наведя таким образом порядок у себя дома, нацисты обратили взоры за пределы Германии.

Под лозунгом «Европа всем обязана Германии» фашизм начинает готовиться к войне против европейской культуры. Разрабатывался этот план с истинно немецкой обстоятельностью. Прежде всего нужны были точные сведения о том, где располагаются наиболее ценные сокровища мировой культуры в соседних странах, включая СССР, и какие конкретно произведения хранятся в том или ином музее. Немецкие искусствоведы — одни напрямую, другие косвенно — начали работать на разведку.

За конфискацию польских ценностей отвечал Г. Гиммлер. Собственную коллекцию в охотничьем замке собирал Герман Геринг. Интересовался он и польскими «находками». По его приказу через доверенное лицо часть награбленного была собрана в Кракове и ожидала приезда рейхсмаршала, который желал лично произвести отбор.

О планах Геринга узнал секретарь Гитлера Мартин Борман и позаботился, чтобы все ценное в Кракове было зарезервировано для музея в

Линце под грифом «Прерогатива фюрера».

Польша была разграблена подчистую. Почти половина польского культурного достояния пала жертвой фашистских оккупантов.

Грабеж русских музеев

В 1941 году вместе с немецкой военной машиной через границу Советского Союза перевалило еще одно войско — полчища оккупационных органов, в том числе и «культурных».

В районе действий группы армий «Север» имел хождение особый список, включавший 55 объектов с точным указанием местонахождения; из них — 17 музеев, 17 архивов, 6 церквей и библиотеки. 20 июля Гитлер поинтересовался предполагаемыми размерами советской «культурной дани» и издал специальный указ о том, что «Прерогатива фюрера» распространяется «...на все оккупированные немецкими войсками области, то есть как на уже занятые восточные области... так и на те русские территории, которые еще предстоит занять».

В многочисленных дворцах на захваченных территориях находилось такое количество ценностей, которое потребовало бы для эвакуации в Германию огромного числа спецвагонов и поез-

дов. А сами дворцы? К счастью, их нельзя было поставить на рельсы и увезти.

Фашисты в Пушкине

Сотрудники музеев в Пушкине работали день и ночь. Двадцать тысяч экспонатов в кратчайшие сроки были упакованы и вывезены в Ленинград. Здесь под куполом Исаакиевского собора нашли прибежище и несколько экспонатов из Янтарного зала, включая одну янтарную панель облицовки вместе с прекрасным окантовочным орнаментом. Демонтировать и вывезти весь зал сотрудницы музея — а это были женщины — конечно, не могли. И когда в середине октября 1941 года в Пушкине появились оккупанты, в музеях и запасниках дворцов оставалось еще множество сокровищ.

Слово очевидцу (Ганс Хундсдерфер из ФРГ): «Двигаясь к Ленинграду в составе 6-й танковой дивизии, я побывал в Пушкине в тот день, когда его заняли наши войска. Пораженный, я бродил по чудному парку и вошел в замок. Он был почти не поврежден. Лишь одна граната, попав в потолок большого зала... повредила дворец — на полу валялись осколки мрамора. Повсюду можно было видеть солдат, уснувших на драгоценных дива-

нах и кушетках прямо в своих грязных сапогах. На роскошных дверях были приколочены грубые доски с надписями: «Занято подразделением №...» Я дошел до Янтарной комнаты. Стены в ней были заклеены толстым картоном и загорожены щитами. Я видел двух своих соотечественников, они — любопытства ради — отдирали от стенки картон. Картон был содран, и показалась дивно сверкающая янтарная панель, она обрамляла мозаичную картину. Когда солдаты стали вытаскивать штыки, чтоб выломать несколько «сувениров на память», я вмешался».

Когда и как была похищена Янтарная комната.

Важно установить как можно точнее: когда было получено разрешение на отправку ценностей — ведь тот, кто отдал такое распоряжение, мог знать и о дальнейшей судьбе Янтарной комнаты. Несколько косвенных доказательств, несомненно, указывали на конец 1941 года.

Прежде всего, опубликованные показания захваченного в плен оберштурмфюрера СС Нормана Ферстера. Он очень подробно описал, как происходил осенью 1941 года вывоз ценностей из Екатерининского дворца. Кроме того, был найден один важный документ. Когда в ноябре 1942 года ТАСС распространил в Европе информа-

цию, полученную от военнопленного Ферстера, общественное мнение было очень возбуждено, и фюрер затребовал разъяснение от министерства Риббентропа. Вот этот документ.

«Из Екатерининского замка в безопасное место осенью 1941 года был вывезен Янтарный кабинет, подарок прусского короля Петру I, причем были вынуты отдельные детали. Кабинет временно разместили в Кенигсбергском замке. Таким образом, это уникальное произведение искусства сохранено от разрушения. Тогда же было вывезено 18 грузовиков наиболее ценной мебели и других произведений искусства, и прежде всего картин... в Кенигсберг для их лучшей сохранности».

Итак, сомнений нет — срок вывоза Янтарного кабинета осень 1941 года.

В документах 18-й немецкой армии обнаружена запись о том, что ротмистру резерва графу Солмсу-Лаубаху предоставляются рабочая сила и грузовые машины для вывозки особо ценных вещей из дворца в Пушкине. Но какие это были вещи?

В 1966 году граф Солмс-Лаубах, директор музея художественных промыслов во Франкфурте-на-Майне, заявил, что он в самом деле занимался

«эвакуацией» ценностей из Екатерининского дворца и, в частности, Янтарного зала: «Отдельные детали Янтарной комнаты были тщательно упакованы в ящики и через Псков отправлены в Ригу, они должны были там оставаться нераспечатанными до окончания войны. В конце концов эти ящики каким-то образом попали из Риги в Кенигсберг, где по приказу гауляйтера Коха их противозаконно вскрыли».

Следует заметить, что показания очевидцев всегда довольно противоречивы. Например, были такие свидетельства о том, кто и как вывозил награбленное из дворца:

а) облицовку Янтарного зала демонтировали солдаты, они сняли двери и вынули паркет, работой руководила группа специалистов в военной форме;

б) дворец очистили эсэсовцы (и в этом нет сомнений — особая команда Министерства иностранных дел, чье разъяснение цитировалось выше, носила форму СС);

в) в Пушкине в это время видели Нильса фон Хольста, уполномоченного Гитлера, и свидетели полагали, что руководил операцией именно он (Хольст действительно был назначен — это произошло 26 сентября 1941 года — присматривать

за сохранностью награбленного в пригородах Ленинграда).

Не удавалось установить точную дату отправки Янтарной комнаты из Пушкина. Оказалось, что в Пушкине стояло еще одно немецкое армейское соединение — 50-й армейский корпус. И вот выписка из его архивов.

«1.10. Для обеспечения сохранности предметов искусства в район действий корпуса прибыли ротмистр граф Солмс и капитан Пенсген.

14.10. Транспортировка экспертами по искусству ротмистром графом Солмсом и гауптманом Пенсгеном предметов искусства из Гатчины и Пушкина, среди них облицовка стен Янтарного зала из замка в Пушкине».

Важность этого документа из архивов 50-го армейского корпуса чрезвычайна! Во-первых, определена дата — 14 октября 1941 года. Во-вторых, не лишен интереса тот факт, что лишь Янтарная комната названа конкретно — значит, господа знали об особой ценности этого произведения.

Куда отправили Янтарный кабинет?

Вопрос — Рига или Кенигсберг? — оставался без ответа. В отчете Альфреда Роде, директора госу-

дарственных собраний произведений искусства в Кенигсберге, сказано, что Янтарная комната «передана Управлением государственных замков и парков в собрание произведений искусства г. Кенигсберга для дальнейшего хранения». Это свидетельство позволяет с достаточной определенностью заключить, что гауляйтер Кох лично не был связан с выбором места для хранения Янтарной комнаты: его бульдожья хватка была известна всем, и Роде непременно упомянул бы его, если бы Кох имел хоть малейшее отношение к отправке экспоната в музей.

Получается, что решение судьбы Янтарной комнаты как уникального произведения искусства было «Прерогативой фюрера». Конкретные приказы и распоряжения, следовательно, могли исходить только от Гитлера, его секретаря Бормана или из имперской и партийной канцелярий. Хотя, как обычно в бюрократических аппаратах, круг учреждений, в архивах которых можно было бы найти следы дальнейших перемещений Янтарной комнаты, был значительно шире.

Что же случилось в октябре 1941 года, когда ящики с частями Янтарной комнаты прибыли из Пушкина в Кенигсберг?

Уничтожил огонь?

Директор Альфред Роде сообщил начальству, что принял на хранение Янтарную комнату. И он начал монтаж панелей. Но еще до завершения работы Роде выставил несколько панелей в экспозиции городского музея янтаря. 13 ноября 1941 года об этом информировала местная газета.

Для размещения Янтарной комнаты в Кенигсбергском замке Роде выбрал помещение № 37, хотя оно было меньше зала в Екатерининском дворце.

В конце марта 1942 года монтаж завершили и Янтарную комнату открыли для осмотра. А через год поползли слухи, что янтарное сокровище уничтожил огонь.

В замке действительно был пожар, однако удалось установить, что Янтарная комната не погибла в огне. Об этом свидетельствует обнаруженное письмо директора Роде, датированное 1944 годом, где сказано, что после пожара на поверхности янтаря образовался белый налет, который нетрудно удалить.

Но слишком много людей после войны в один голос утверждали, что Янтарная комната сгорела в Кенигсбергском замке. Эта версия ставила

под сомнение все дальнейшие поиски. Прямых свидетелей не оказалось, но молодые немцы из Берлина, которые сами никогда не бывали в Кенигсберге, упорно повторяли: «Янтарная комната сгорела в замке!» Дело в том, что все они слышали рассказ о судьбе Янтарной комнаты от своей учительницы!

Вот этот рассказ учительницы фрау Амм: «Я родом из Кенигсберга, там и училась. В сорок третьем — сорок пятом годах я была на одном семестре с дочерью доктора Роде — Лотти. Однажды за обедом доктор Роде рассказывал нам о судьбе Янтарной комнаты. И показал мне, студентке, это дивное чудо... А потом у нас начались ужасные воздушные налеты в августе сорок четвертого. На вторую ночь, когда был большой пожар, я ночевала у знакомых, в центре города. На следующий день, около полудня, приехала в замок и встретила доктора Роде во дворе. Он был очень расстроен. Я спросила: «Что с Янтарной комнатой?» Он ответил: «Все пропало». Затем повел меня в подвал и показал странную желтоватую массу, похожую на горку меда, из нее торчали обугленные деревяшки... На доктора Роде было жалко смотреть! И больше мы с ним на эту тему не говорили».

Однако имеются другие важные свидетельства, опровергающие версию, что Янтарная комната погибла при бомбардировке.

Инспектор Кенигсбергского замка вел подробный рабочий журнал. По поводу Янтарной комнаты он писал, что ее демонтировали после пожара в феврале 1944 года, а затем разместили в подвалах замка, где она и пережила воздушные налеты. Он лично видел Янтарную комнату, когда инспектировал разрушенный бомбардировкой замок и готовил доклад о возможности его восстановления. Вторым — и очень надежным — свидетелем был профессор Герхард Штраус, искусствовед по специальности. Он имел связь с антифашистским подпольем Кенигсберга и по заданию товарищей поступил на государственную службу в ведомство по охране памятников в провинциях.

В ночь после второго налета (с 29 на 30 августа) профессор Г. Штраус возвратился из очередной командировки. Он сообщил: «В замке я встретил своего коллегу, доктора Роде. Он не был нацистом. Я узнал от него, что Янтарная комната в подвале уцелела и ее вынесли во двор. Доктор Роде раздумывал, куда бы ее перепрятать. Остановились на подвальных помещениях в северной

части замка».

Кроме того, имеется свидетельство самого Альфреда Роде: сохранились фрагменты его писем за сентябрь 1944 — январь 1945 годов. В письме от 2 сентября Роде писал: «Янтарная комната, за исключением шести цокольных элементов, цела и невредима».

Но что же тогда показал он подруге своей дочери, будущей учительнице фрау Амм? Два деревянных ящика, которые остались наверху и обгорели, лопнули, а янтарь расплавился и, словно мед, растекся по полу...

Таким образом, летом сорок четвертого года Янтарная комната, за небольшим исключением, не пострадала. В августе ее упаковали в ящики для предстоящей эвакуации? Куда?

Спрятана в замках или бункере

Если Янтарную комнату спрятали в Кенигсберге или поблизости от города, то как это могло произойти?

В июле 1944 года немцами было издано постановление о мерах по обеспечению сохранности ценного имущества: сокровища из коллекций Кенигсберга (с учетом опыта Первой мировой войны) следовало разместить в поместьях и зам-

ках Восточной Пруссии.

В сорока километрах к востоку от Кенигсберга находился замок Вильденхоф, родовое имение графа фон Шверина. Сохранилось письмо доктора Роде к хозяину замка: «Уважаемый г-н граф! В ближайшее воскресенье я рассчитываю приехать в Вильденхоф, чтобы осмотреть помещения, предназначенные для размещения наших картин...»

Интересно, что фронт в это время приблизился уже вплотную к Вильденхофу, и решение доктора Роде привезти сюда художественные коллекции, по мнению некоторых исследователей, говорит о его стремлении сохранить их для законных владельцев.

В начале января 1945 года граф Шверин с семьей покинул замок, а во второй половине января замок сгорел. Есть сведения, что его подожгли эсэсовцы, которые предварительно перепрятали часть сокровищ: закопали в окрестностях или утопили в ближайших озерах. Если верить показаниям господина Адольфа Рихтера, Альфред Роде лично рассказывал ему о том, что в замке Вильденхоф погибли замечательные картины и... Янтарная комната.

В августе 1960 года в замке провели раскопки. В них участвовали польские археологи, экспер-

ты-криминалисты. Было найдено множество пострадавших от времени и от огня предметов: фарфор, старинные медали, металлические оклады икон. Но никаких следов Янтарной комнаты! А ведь металлические крепления янтарных панелей не могли сгореть.

Всего в восьми километрах западнее Кенигсберга находилось поместье Гросс-Фридрихсберг, которое Кох считал своей собственностью. Здесь располагался опорный пункт второго гарнизона Кенигсбергской крепости. Бывший военнослужащий этого гарнизона сообщил, что офицеры вскрыли в поместье какие-то подозрительные ящики, где были замечены детали Янтарной комнаты. Очевидец находился в поместье десять дней (во второй половине февраля), и за это время оттуда было вывезено много разнообразных грузов. Может, тогда же была перевезена и Янтарная комната?

В 1960 году в прессе появилось сообщение о том, как в поместье Гросс-Фридрихсберг под дулами фашистских автоматов работали советские военнопленные. Одного из тех бывших пленных удалось разыскать. Этот человек приехал в Калининград и рассказал, что пленные устанавливали в земле — вертикально — трубы большого диа-

метра и накрывали их крышками. Он указал место, где шли работы, и там действительно обнаружили эти трубы — к сожалению, пустые.

Итак, в окрестностях Кенигсберга не смогли обнаружить никаких следов Янтарной комнаты. А что, если ее вообще не вывозили из города? Есть и такая версия, которая опирается на показания трех очевидцев.

Вольфганг Роде, сын директора кенигсбергского музея, в 1955 году сообщал, что отец говорил ему в конце войны, будто не боится прихода русских, ибо совесть его чиста и он укажет им, где искать похищенные у них ценности — киевские и минские. Но поскольку отец не упомянул о Янтарной комнате, Вольфганг Роде предположил, что доктор Роде, вероятно, спрятал Янтарную комнату в потайных подвалах Кенигсбергского замка, так как очень не хотел с ней расставаться.

Заведующий гостиничными номерами в этом замке, Альфред Файерабенд, уверял, что в марте 1945 года он был свидетелем того, как Эрих Кох лично установил, что Янтарная комната все еще в замке.

И третий свидетель — Эрих Кох, собственной персоной.

Долгие годы после войны, находясь в заключе-

нии в Польше, он не желал давать показания о судьбе Янтарной комнаты. Лишь в 1965 году вдруг «вспомнил», что в апреле 1945 года Янтарную комнату спрятали в бункере на окраине города. В 1967 году Кох заявил, что существовал документ, в котором он выражал недовольство тем, что Янтарная комната до сих пор еще не эвакуирована.

О существовании какого-то бункера вне замка знала и фрау Крюгер, управляющая. Она полагала, что именно сюда после воздушных налетов перенесли ящики с Янтарной комнатой. По ее словам, бункер находился в Ботаническом саду. К сожалению, эти сведения были получены лишь в конце 1970-х годов.

Янтарную комнату искали и под руинами замка, и во внутригородских подземельях, используя все новые и новые технические средства, но безрезультатно. Сразу после того, как город заняли советские войска, началась тщательная проверка подземных военных сооружений. Находили взрывчатку, оружие, всевозможные предметы — только не Янтарную комнату.

В 1967 году польская печать сообщила, что Кох наконец указал точный адрес, по которому следует искать пропажу: «в Калининграде, в городском районе Понарт, в бункере под старой польской

римско-католической церковью». По словам Коха, над бункером были взорваны бомбы, чтобы уничтожить его внешние приметы. Однако в районе Понарт не было такой церкви, здесь находилась евангелическая церковь, не пострадавшая ни от каких взрывов. А старая польская римско-католическая церковь действительно существовала в центре города, правда, в другом районе. И ее, по рассказам местных жителей, в начале апреля 1945 года действительно разрушил какой-то необъяснимый взрыв — она рухнула, когда не было ни артобстрела, ни бомбардировки. Это место тщательно проверили и извлекли из засыпанного подвала две примечательные вещицы: мраморную статую Амура и изысканное старинное кресло. На задней поверхности кресла и на цоколе скульптуры были обнаружены металлические пластинки с номерами и надписью кириллицей: «Музей Пушкина»...

Не этот ли бункер в центре города имел в виду директор Роде? Много замечательных музейных ценностей из Советского Союза было найдено при поисках Янтарной комнаты, однако само янтарное чудо как в воду кануло.

А что, если все же правы были те, кто утверждал: Янтарную комнату нужно искать на дне

Балтийского моря?

На дне моря?

Есть очевидцы, наблюдавшие, как в кенигсбергской гавани были затоплены какие-то большие ящики. После войны советские моряки тщательно обыскали дно гавани и нашли запчасти для всевозможного оборудования, ящики с документами, одеждой — что угодно, кроме произведений искусства.

А если Янтарную комнату погрузили на корабль? Ведь рассказывают же о таинственном грузе, прибывшем под усиленной охраной в Данциг в конце января. Большие деревянные ящики, скрепленные металлическими скобами, были до странности легкими. Их погрузили на корабль «Вильгельм Густлофф». Один свидетель утверждал, будто старший боцман судна Эрих Биттнер сказал ему, что в этих ящиках — вещи из дворца русских царей. И еще: эти ящики якобы должны были перегрузить в море на другой корабль.

По рассказу другого очевидца, загадочный груз прибыл не в январе, а гораздо позднее. И погрузили его на судно без названия — оно было закрашено.

С этими таинственными корабельными исто-

риями перекликается и рассказ бывшего матроса, опубликованный в немецком еженедельнике «Вохенпост».

В начале 1945 года этот человек готовил к выходу в море парусник. Небольшое грузовое судно было вооружено и полностью оборудовано для дальнего рейса. Матросу стало известно, что судно должно пересечь Атлантику, но перед тем, у острова Борнхольм, оно примет груз с «Вильгельма Густлоффа» — «какие-то старинные вещи, которые называли еще «Золотом Балтики»».

Известно, что нацисты действительно использовали для разного рода спецзаданий парусные суда (обычно под чужим флагом, а на всякий случай их снабжали еще и мощными моторами). На таких кораблях-«призраках» доставляли агентов в Ирландию, Южную Африку, Бразилию и Аргентину. Иные «призраки» везли за океан столь же призрачные деньги-фальшивки: в Южной Америке скупали землю, поместья и дома, готовя будущие прибежища для крупных нацистских функционеров.

В первые годы при допросах Эрих Кох начисто «забывал» все, что связано с Янтарной комнатой. Несколько лет спустя он вдруг «вспомнил», что она спрятана на окраине Кенигсберга. Потом ока-

залось — в центре города. Прошли еще годы, и Кох заявил, что Янтарная комната была отправлена из Кенигсберга в Данциг и погружена на корабль «Вильгельм Густлофф».

Когда гестапо получило сведения, что в районе Готенхафена (Гдыни) — Данцига действует группа советской разведки, имеющая прямую радиосвязь с Красной Армией, были приняты еще и дополнительные меры предосторожности: средь бела дня и с большим шумом привезли в данцигский порт и погрузили на корабль раненых и рожениц из родильного дома. И вот 30 января 1945 года в 21 час «Вильгельм Густ-лофф» в сопровождении конвоя боевых кораблей покинул гавань. На судне были погашены огни и затемнены иллюминаторы. Это противоречило правилам, установленным для судов Красного Креста. В ту же ночь корабль поразили три советские торпеды, и он затонул. Тысячи невинных людей заплатили своей жизнью за неудавшуюся «военную хитрость».

С тех пор на картах Гданьского морского пароходства в двадцати милях от берега значится «навигационное препятствие № 73».

Летом 1973 года польские спортсмены-аквалангисты приступили к обследованию затонувшего

корабля. Им помогали военные моряки. При первом осмотре ныряльщикам показалось, что на корпусе корабля в некоторых местах видны следы подводной резки. Газеты подняли шум. Исследования продолжались два года, и вот наконец сделано окончательное заключение экспертизы: никаких признаков того, что затонувший корабль был ограблен, не установлено, так же как и не обнаружено на нем никаких следов Янтарной комнаты.

Затем в германских архивах удалось разыскать полную документацию по последнему рейсу «Вильгельма Густлоффа»: поименные списки тех, кто находился на борту, и списки грузов. Янтарной комнаты на борту этого судна не было. Да и зачем в самом деле Коху нужно было тащить ценный груз в Данциг, если рядом была кенигсбергская гавань и порт Пиллау, а в его личном распоряжении — два прекрасных корабля?..

Вывезена на Запад?

Если Янтарная комната не сгорела, не спрятана в тайниках Восточной Пруссии, не покоится на дне Балтики, то, может быть, ее вывезли на Запад?

Коллекция произведений искусства, награб-

ленная Кохом на Украине, была вывезена из Кенигсберга уже после январского советского наступления. Кох, кстати, опубликовал мемуары, где преподнес мировой общественности новую «сенсацию». Он писал, что из Кенигсберга вместе с «его частной коллекцией» вывезли... Янтарную комнату. Но куда все это направлялось, он снова «запамятовал».

После августовских воздушных налетов на Кенигсберг гауляйтер Кох приказал подыскать надежное укрытие для «своих» сокровищ в центре Германии. С этим поручением директор музея Роде ездил в Саксонию. В бумагах сопровождавшего его человека есть запись от 8 декабря 1944 года о том, что Роде по возвращении в Кенигсберг немедленно займется подготовкой для отправки в дальний путь «Янтарной комнаты и других уникальных произведений искусства». Несколько сотрудников музея, используя одеяла, матрасы и подушки, бережно уложили янтарные панели в ящики — их было 25–30.

12 января 1945 года директор Роде уведомлял городское управление по культуре, что Янтарная комната упаковывается. 15 января в замок приехал Г. Штраус и узнал, что Янтарная комната упакована, но директор не знает, куда ее отправ-

лять. Роде сказал своему коллеге Штраусу, что ожидает указаний со дня на день.

Дочь Альфреда Роде Лотти твердо помнила, что Янтарная комната, упакованная в ящики, должна была быть отправлена на Запад. Она писала: «...в середине января ящики привезли на главный вокзал, но увезти их (из города) было уже невозможно, так как железнодорожное сообщение прервалось. Вернулись ли ящики в подвалы замка, я не знаю».

По документам, «коллекция Коха» благополучно прибыла в Тюрингию 9 февраля 1945 года. Значит, если Кох присоединил Янтарную комнату к «своим» ценностям, то она покинула Кенигсберг между 18 и 30 января.

Но кому поручили операцию?

Лишь несколько лет назад начали появляться новые доказательства правильности данной версии. В этом огромная заслуга Георга Штайна, простого немецкого фермера.

Много лет Георг Штайн изучал немецкие архивы в поисках Янтарной комнаты и установил, что существует обширная документация о похищенных произведениях искусства, которая находится в мюнхенском финансовом управлении и в Министерстве финансов ФРГ. Однако

Министерство финансов не с сразу допустило его к своим архивам.

По версии Георга Штайна, Янтарная комната спрятана на территории ФРГ. Он называет несколько наиболее вероятных адресов: Нижняя Саксония, Бавария и Тюрингия. Время от времени в этих местах находят все новые «пропажи», что, разумеется, повышает вероятность его гипотезы. Например, весной 1977 года в Геттингене вдруг обнаружили коллекцию янтаря из Кенигсберга, которая принадлежала геологическому институту, входившему в состав Кенигсбергского университета, и тридцать лет считалась пропавшей. В конце 1944 года ее эвакуировали в Геттингенский университет, затем вместе с его имуществом разместили в штольне на руднике Виттекинд.

В марте 1944 года Геттингенский университет разместил в этой шахте — пещере на глубине 660 метров — свою библиотеку. А на оставшейся площади в той же пещере спрятали оборудование из Кенигсбергского университета, «включая особо ценную коллекцию из янтаря, стоимость которой неисчислима, поскольку ее невозможно воссоздать».

Осенью 1945 года шахту Виттекинд разрушил

загадочный взрыв. В 1955 году ее забетонировали на глубину около 400 метров. Таким образом, нижние помещения оказались под крепкой «пробкой». Когда в 80-х годах владельцы расположенной по соседству старой соляной шахты предлагали свою помощь, чтобы расчистить взорванную шахту Виттекинд, правительство отнеслось к этому плану более чем прохладно — а ведь там должны находиться ценности стоимостью от 10 до 20 миллионов западногерманских марок!..

На все запросы в федеральное ведомство внутренних дел госсекретари вежливо отвечали, что правительство ФРГ уже давно прилагает усилия к тому, «чтобы определить местопребывание исчезнувшей в 1945 году Янтарной комнаты. Федеральное правительство будет продолжать поиски Янтарной комнаты».

Версия Георга Штайна о том, что Янтарная комната находится в Тюрингии, была поддержана благодаря свидетельству Альфонса К. из Польши. Во время оккупации он работал шофером в Познаньском музее (фашисты именовали его «музеем кайзера Фридриха»). Весной 1944 года Альфонс отвозил директора музея Зигфрида Рюле в Кенигсберг за ценной нумизматической

коллекцией. Тогда он и услышал разговор о том, что директор должен принять на хранение большую янтарную работу. Ее следовало поместить в крепость Варта-Штеллунг (между Познанью и Франкфуртом-на-Одере), где Познаньский музей имел свое хранилище. Коллекцию монет в трех больших чемоданах отправили в крепость сразу же по возвращении, а позднее, зимой, из Кенигсберга прибыло несколько военных грузовых машин. Начальник колонны, майор, сел вместе с директором Рюле в его служебный автомобиль, и Альфонс повел «Мерседес» во главе колонны в Ме-зеритц. По дороге майор и директор говорили о соляной шахте, о ее вентиляции и возможности хранения там янтарной работы. В Мезеритце к колонне присоединились солдаты.

Близ железнодорожной станции Парадиз содержимое грузовиков перенесли в два железнодорожных вагона. Это были деревянные ящики длиной до двух метров, пронумерованные и с надписью «Кенигсберг». Пока шла погрузка, Альфонсу приказали съездить в крепость, в хранилища, и привезти чемоданы с монетами и два ящика с золотой церковной утварью. Все это погрузили в те же два вагона, майор запер двери, после чего Альфонс отвез майора и своего

директора в Познань. Некоторые награбленные фашистами ценности, которые в 1944–1945 годах перевозил Рюле, удалось разыскать в трех разных хранилищах на территории ФРГ, другие — в соляной шахте в Альт-Аусзее (Австрия), которая, кстати, имела специальное вентиляционное оборудование.

Альфонс убежден, что присутствовал при перевозке Янтарной комнаты.

Конец операции «Закат солнца»

Очевидно, прежний директор Управления замками и садами Кенигсберга Галль знал о переправке Янтарной комнаты в Тюрингию (а возможно, и сам в этом участвовал) — иначе откуда бы узнала об этом его преемница фрау Кюн? Но о том, что Янтарную комнату увезли из замка Рейнхардсбрунн, ни Маргарита Кюн, преемница Галля на посту директора, ни даже директор Галль вполне могли и не знать.

Жена бывшего привратника замка рассказала, что в проходе, под «залом предков», недели две-три стояли ящики с янтарными изделиями. Их привезли откуда-то с востока. Горничная утверждала, что ящики с янтарем пролежали в замке около двух месяцев. При погрузке в машину один

ящик разбился. Янтарные плиты еще некоторое время валялись не-прибранными. Кто поднял их на чердак (где через несколько лет их нашли ученики курсов), она не знала, но предположила, что их могли убрать солдаты или какие-то люди в штатском, которые жили в замке некоторое время. Она твердо помнила: все «гости» покинули замок 5 апреля 1945 года вместе с отступавшими войсками. Возможно, полковник Стреве, комендант главной ставки Гитлера, приказал погрузить Янтарную комнату на грузовик из колонны «Ф» и захватил с собой в Берлин? Или отправил через Чехословакию в Альпы?..

Не исключено, что ящики из замка забрали те, кто доставлял их сюда. В пользу этой версии говорят несколько косвенных доказательств.

24 марта гауляйтер Кох имел беседу с Борманом. 25 и 26 марта Борман беседовал с гауляйтером Тюрингии Заукелем. Примерно через неделю ящики из замка были вывезены. А еще через неделю вывезли из Веймара и «коллекцию Коха».

Этой операцией в Веймаре руководил некий Альберт Попп, с 1944 года — фюрер саксонского отделения нацистской партии. Один знакомый директора Веймарского музея случайно видел, как загружали привезенные в музей ценности.

Итак, А. Попп сдал Шайдигу, директору собрания искусств в Веймаре, на хранение «коллекцию Коха.

При поисках Альберта Поппа, уже в наше время, было обнаружено, что по одному из предполагаемых адресов жил после войны крупный чин СС, родом из Кенигсберга, каким-то образом связанный с исчезновением Янтарной комнаты! Это был оберштурмбаннфюрер СС Георг Рингель.

В 1959 году, когда журнал «Фрайе вельт» рассказал об исчезновении Янтарной комнаты, в редакцию пришло много писем. Прислал письмо и один молодой человек, Рудольф Рингель, который сообщил, что история Янтарной комнаты связана с биографией его отца.

Еще в 1944 году, когда семья Рингеля жила в Кенигсберге, Рудольф вместе с отцом побывал в музее, где видел Янтарную комнату. А незадолго до смерти отец вспоминал, как они вместе осматривали замок и Янтарную комнату, и намекнул сыну, что кенигсбергские ценности вместе с Янтарной комнатой спрятаны в надежном месте и что лично он принимал в этом непосредственное участие. Через некоторое время после смерти Георга Рингеля семья собралась переезжать на другую квартиру. Рудольфу поручили разо-

брать вещи в подвале. В куче подмокшего угля он обнаружил кожаный офицерский планшет с бумагами. Бумаги отсырели и покрылись плесенью, многие листки склеились. Среди бумаг были эсэсовские пропуска с фотографиями, отца и листки с машинописным текстом. На двух машинописных страницах, которые Рудольфу удалось прочесть, речь шла о Янтарной комнате. На одной страничке говорилось, что Георгу Рингелю поручалось эвакуировать Янтарную комнату в определенное место, которое было зашифровано буквами «BSCH», и указывалось, как следует замаскировать объект. Другой листок содержал сообщение о выполнении задания.

В планшете находился также план части города Кенигсберга, в котором были сделаны пометы. По мнению Рудольфа, они отмечали путь от замка к зданию на улице Штайндамм, где тогда размещалось гестапо. Кроме того, среди бумаг, которые еще можно было прочесть, Рудольф нашел расписку в том, что от оберштурмбаннфюрера СС Георга Рингеля принято 42 ящика, несколько коробок и мешков.

Рудольф не придал значения находке. Он думал, что все ценности уже давно найдены. А кроме того, он испугался, что могут всплыть кое-какие

факты о преступной деятельности его отца. Короче, юноша сжег в печке планшет и бумаги.

Летом 1959 года Рудольф Рингель приехал в Калининград. Он искренне старался, помочь разыскать бункер, но, к сожалению, безуспешно.

И вот теперь, после многолетних поисков, с уверенностью можно сказать: вывозом Янтарной комнаты руководил Георг Рингель.

В 1944 году, в обстановке строгой секретности, всю семью Рингеля вывезли из Кенигсберга в какую-то деревню. Глава семейства оставался в Кенигсберге. Семью же перевозили все дальше на запад, пока она не оказалась в Саксонии, в местечке Криммичау. 5 февраля 1945 года там появился Георг Рингель. Он привез свою военную форму, штатский костюм, автомат, пистолет и, к большой радости домашних, продукты. На следующий день он заявил в полиции, что прибыл на постоянное жительство, и неожиданно пропал... Его не было дома десять дней. В марте и апреле он снова исчезал.

В феврале 1946 года семья переехала в Рудные горы, в Обершлему. О причинах переезда жена и дети не знали. Через год — еще переезд, теперь — в Эльстерберг. Там в октябре 1947 года Георг Рингель умер.

Рудольф Рингель нашел в подвале отцовские документы в июле 1949 года. Через десять лет он не мог со стопроцентной точностью вспомнить прочитанные тогда тексты. Существует, однако, радиограмма, где Георг Рингель рапортует о том, что приказ выполнен.

«Акция с Янтарной комнатой закончена. Размещение в «BSCH». Подходы взорваны. Жертвы из-за действий врага».

Множество попыток разгадать тайну букв, обозначающих местонахождение Янтарной комнаты, ни к чему не привели. Проведенное расследование всех вопросов, связанных с деятельностью Георга Рингеля, позволяет сделать вывод: он участвовал в вывозе Янтарной комнаты. Что из этого следует?

Во-первых, уверенность некоторых исследователей в том, что радиограмма была отправлена из Кенигсберга, наверняка ошибочна. Радиограмма была отправлена, когда Георг Рингель уже прибыл (5 февраля) в Криммичау. Эта телеграмма могла быть отправлена не из Кенигсберга, но в Кенигсберг, а возможно, и в Берлин.

Во-вторых, многие считают последнюю фразу радиограммы бесспорным доказательством того, что Янтарная комната спрятана на окра-

ине Кенигсберга. В то же время эта фраза может означать, что уничтожены люди, принимавшие участие в «захоронении» сокровища, — как опасные свидетели (это могли быть заключенные из любого концлагеря).

В отношении «частной коллекции Коха» имеются документы, подтверждающие, что 9 февраля 1945 года Георг Рингель вместе с Альбертом Поппом передали ее Шайдигу, директору собрания искусств в Веймаре. Это подтверждают и показания очевидцев. Затем существует достоверный факт — вывоз «коллекции Коха» из Веймара 9 и 10 апреля. Но куда все же эти ценности отправили?

Из обнаруженных документов следует, что «коллекцию Коха» предполагалось вывезти в три этапа, причем на каждый этап отводился один день, точнее — одна ночь.

Итак, первое возможное направление — дальше на юг, в одно из подземных хранилищ (замки, крепости, монастыри) Баварии, Австрии, Чехословакии. Однако Попп и Рингель в столь сжатые сроки не могли достичь цели в южном направлении — ведь им надо было еще время, чтобы вернуться обратно.

Зато в переброске груза на восток есть определенные резоны: здесь проходит автобан Эйзенах

— Веймар — Гера — Дрезден. По этой магистрали вполне можно было бы добраться за 12–14 часов до какого-то более безопасного места и успеть вернуться в Веймар.

В максимальной удаленности от Веймара имеется линия Гера — Бад-Эльстер: ведь если бы пункт назначения был еще ближе, то за одну ночь можно было бы сделать две ездки, и тогда после 10 апреля в Веймаре не осталось бы никаких «музейных ценностей из Кенигсберга».

У Рингеля и Поппа был один-единственный грузовик. Он следовал под швейцарским флагом и имел регистрационный номер швейцарской полиции. Международный Красный Крест получил право посещать лагеря военнопленных и передавать посылки для пленных западных союзников. Рингель и Попп могли использовать машину делегации МКК, чтобы вывезти присвоенные Кохом ценности.

Они вывезли треть «коллекции Коха» 9 апреля. Вторую треть на том же автомобиле успели отвезти на следующий день, 10 апреля, за несколько часов до того, как в город прорвались американские танки. А последняя треть так и осталась в Веймаре.

Именно список, запечатлевший этот остаток,

нашелся впоследствии в веймарском архиве.

Но основная часть — две трети «коллекции Коха» — не найдена до сих пор. И этот факт подтверждает версию, что ящики с янтарем из Рейнхардсбрунна были вывезены при участии оберштурмбаннфюрера С С Георга Рингеля и штандартенфюрера СС Альберта Поппа в тот же пункт или, как минимум, в том же направлении, что и две трети «частной коллекции Коха». Возникает вопрос: куда их могли спрятать?

Еще в 1944 году по инициативе партийной канцелярии фашистов начались поиски хранилищ особого назначения, чтобы обеспечить возможности выживания для нацистской элиты. К мероприятиям подобного рода относилось и создание «Вервольфа», в организации которого активно участвовал обергруппенфюрер СС Прютцман, правая рука Коха. Разумеется, делалось все в полнейшей тайне. В частности, впоследствии обнаружилось, что один из сотрудников «Штаба Розенберга» занимался оборудованием хранилищ. Так, еще в апреле 1944 года ему показали некие пещеры на западе Рудных гор, однако он никак не мог получить разрешение на их использование, пока наконец в ноябре ему не сообщили откуда-то «сверху», что «Штабу Розенберга» в

использовании данного хранилища отказано. Стало быть, это таинственное хранилище «на западе Рудных гор» существовало и предназначалось для других целей? Кто же мог отказать Розенбергу? Только Борман, партканцелярия.

В документах, которые удалось разыскать, нет никаких указаний на то, где находится это секретное хранилище. Поговаривают, где-то поблизости от железной дороги у Карловых Вар...

Имеется несколько фактов, косвенно подтверждающих эту версию. Главное, удалось реконструировать путь, точнее говоря, первый этап пути, который проделал Альберт Попп после 10 апреля (когда вывозили вторую треть ценностей из Веймара). 11 апреля его видели покидающим Эльстерберг в составе колонны грузовиков, двигавшейся в направлении Райхенбаха.

13 апреля он отправился дальше, в Йоганнгеоргенштадт. Некоторые из бывших летчиков, его коллег, вспоминали, что в те дни часто видели Поппа в сопровождении незнакомых эсэсовцев. В последние недели нацистского господства в этих местах были убиты десятки узников концлагерей...

В конце войны здесь произошел еще один случай, связанный с деятельностью Поппа. В

Йоганнгеоргенштадте находились авиационные мастерские, которыми руководил Попп, сюда же прибыли многие летчики из саксонского летного корпуса. 25 апреля А. Попп вызвал к себе офицера, который вывозил семью Поппа из Эльстерберга, и дал ему особое поручение. Офицер должен был пробиться в Берлин и передать секретный пакет лично Гитлеру или Борману. Попп предупредил: содержание пакета настолько важно, что ни при каких обстоятельствах он не должен попасть в чужие руки — не только врагу, но и любому третьему лицу. Попп выделил своему спецкурьеру охрану из четырех человек, мотоцикл с коляской и водителя-мотоциклиста. Пробраться в Берлин офицеру не удалось. Потеряв четырех человек убитыми, он вынужден был вернуться обратно и 1 мая возвратил пакет Поппу. Бывший спецкурьер всю оставшуюся жизнь задавался вопросом: что это была за тайна, ради которой в последние дни войны рисковали жизнью шесть человек и четверо из них погибли?

Секретный пакет, требующий подобных предосторожностей, мог таить в себе только одно: сообщение о завершении операции «Закат солнца».

Метафора этого названия проста: как за зака-

том неминуемо следует восход, так и поражение нацизма не окончательно.

Рингель и Попп отвечали за успех этой важной операции, целью которой было сберечь ценности и людей для будущего. Хранителем сокровищ являлся Георг Рингель. Альберт Попп, узнав о подписании безоговорочной капитуляции Германии, со всей оставшейся техникой и людьми отправился в Цвикау, чтобы сдаться в плен американцам. Попп дожил до 74 лет (он умер в 1978 году), так и не раскрыв тайны хранилища. Жив ли кто-то еще из «посвященных»? Смогут ли эти люди освободить свою совесть от тяжкого бремени — прятать от человечества ценнейшие достояния мировой культуры?..

Вот уже десятки лет продолжаются поиски величайшего произведения искусства, когда-либо созданного из застывшей древесной смолы, прибалтийского янтаря. И эти поиски будут продолжаться, ибо все непосредственные их участники из разных стран убеждены в том, что Янтарная комната не погибла в 1945 году.

Следует еще раз напомнить основные версии о местонахождении Янтарной комнаты:

— направление из Тюрингии к Берлину и Мекленбургу — куда отходило и верховное ко-

мандование, главная ставка фюрера;

— южное направление — частичная эвакуация верховного командования и генштаба в район под кодовым названием «Сераль» (ФРГ и Австрия);

— северо-западное направление — из замка Рейнхардсбрунн («Вольфстурм») в шахту Виттекинд, в 20 километрах от Геттингена, где хранились «ценности из Кенигсберга»;

— и наконец, восточное направление — в район, ограниченный Эльбой, западная часть Саксонии (Германия, Чехия).

Кто же отыщет Янтарный кабинет, после его удивительных приключений?

INFO

(384)

2011

Главный редактор
Евгений КУЗЬМИН
Художник
Андрей СИМАНЧУК

Адрес редакции
127015, Москва, ул. Новодмитровская, 5а, оф. 607
Телефон редакции (495) 685-47-06
E-mail real@iskatel.net
office@iskatel.net
info@iskatel.net
art@iskatel.net
Сайт www.iskatel.net
Телефоны для размещения рекламы
(495) 685-47-06, (495) 685-39-27
Служба распространения
(495) 685-59-01, (495) 685-66-87
E-mail mir isk@orc.ru

Свидетельство о регистрации

средства массовой информации
ПИ № ФС77-35888 от 31 марта 2009 г.

Учредитель и издатель журнала
ООО «Книги «Искателя»
© «Книги «Искателя»
ISSN 0130-66-34

Распространяется во всех регионах России,
на территории СНГ и в др. странах

Подписано в печать 27,12 2010. Формат 84x108 1/32.
Печать офсетная. Бумага газетная. Усл. печ л 8,4.
Лицензия № 06095. Заказ № К-4781

Отпечатано в ГУП «ИПК «Чувашия»,
428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 13.

ИСКАТЕЛЬ

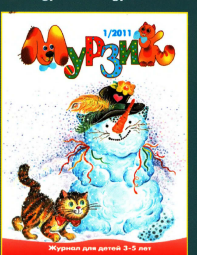
.....

Сканирование
и обработка CRAZY_BOTAN
FB2 — mefysto, 2026

детектив · фантастика · приключения

ИСКАТЕЛЬ

журнал «Мурзик»



журнал «Колокольчик»

ISSN 0130-6634